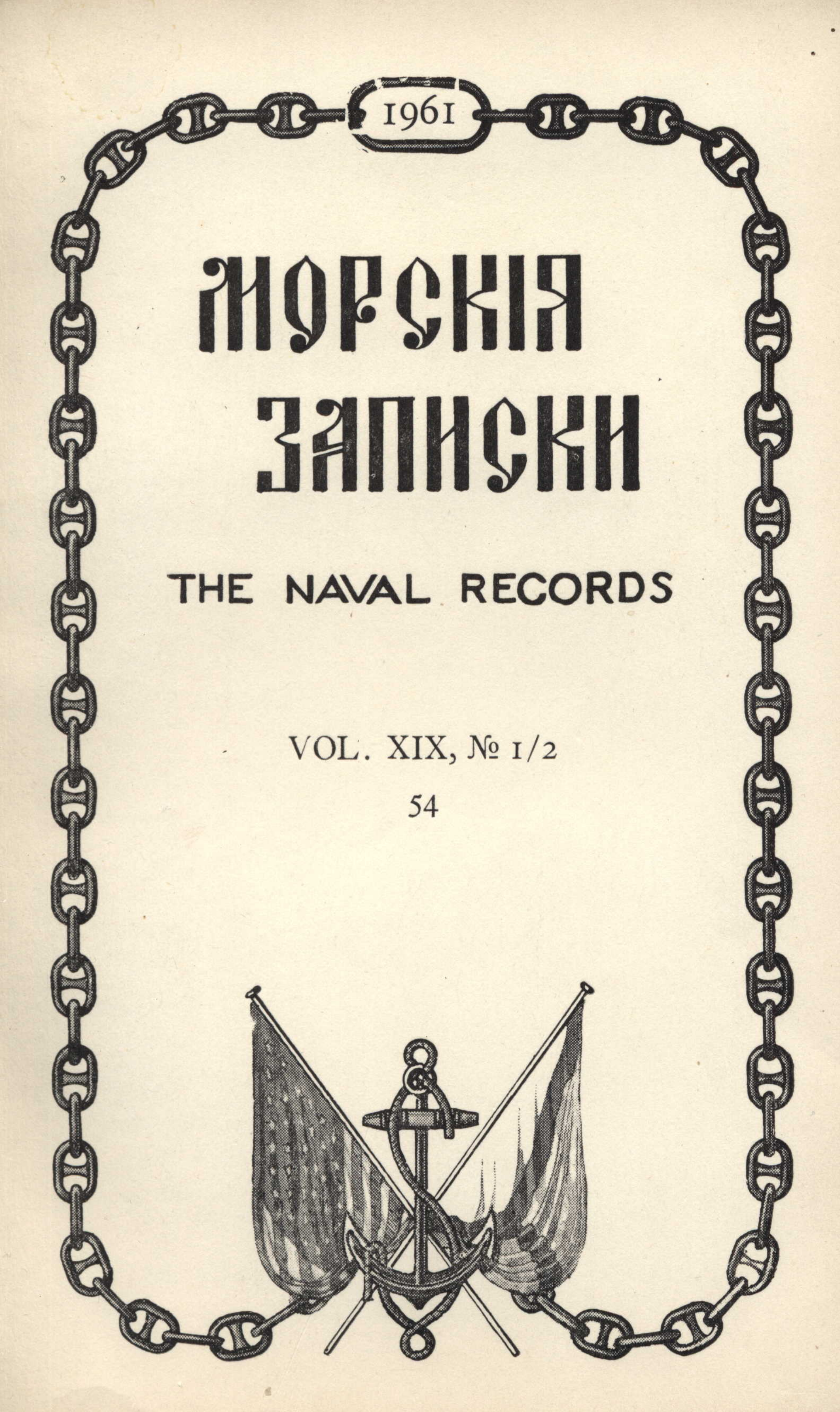

1961
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XIX, № 1/2
54

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ

подъ редакціей
Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ

465, Лексингтонъ авеню
Нью-Іоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.

G. N. Taube, Editor.

465 Lexington Avenue,
New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XIX, № 1/2 – (54) Price $3.00 yearly June 1961

СОДЕРЖАНІЕ :

CONTENTS :

Этотъ номеръ посвящается памяти

КАПИТАНА 1-го РАНГА М. А. КИТИЦЫНА

Кавалера Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, Георгіевскаго оружія и всѣхъ русскихъ орденовъ съ мечами и бантомъ до Владиміра 4-ой степени включительно

Члена основателя, перваго предсѣдателя и почетнаго члена О-ва Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ и

Учредителя и почетнаго предсѣдателя кружка «Звено», объединяющаго выпуски 1920 и 1922 г.г., а также всѣхъ гардемаринъ и офицеровъ, плававшихъ на Отрядѣ Особаго назначенія Сибирской Флотиліи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ :

Настоящій номеръ предполагался быть выпущенъ въ апрѣлѣ, а слѣдующій за нимъ — въ іюлѣ. Однако, ограниченныя возможности типографіи, въ которой печатаются «Морскія Записки», не позволили приступить къ печатанію очередного номера «Записокъ» до конца апрѣля, т. к. были заняты наборомъ книги адмирала Тимирева — «Воспоминанія Морского Офицера». Поэтому редакція выпускаетъ этотъ номеръ «двойнымъ» и надѣется дать еще одинъ номеръ въ концѣ этого года.

Г. Н. Таубе.

КАПИТАНЪ 1-го РАНГА

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КИТИЦЫНЪ

1885 - 1960.

Въ ночь на 22-ое августа 1960 года, въ маленькомъ городкѣ Флориды, Моунтъ Дора, ушелъ въ вѣчность, мирно заснувъ, капитанъ 1-го ранга Михаилъ Александровичъ Китицынъ. Извѣстіе объ его кончинѣ быстро облетѣло весь земной шаръ, и тамъ, гдѣ имѣлись морскія организаціи, или находились его любимые питомцы — «Китицыновскаго выпуска» — служились панихиды, привлекшія даже тѣхъ морскихъ офицеровъ, которые, по тѣмъ или инымъ причинамъ, потеряли связь съ морской семьей. Въ Нью-Йоркѣ, отдать послѣдній долгъ памяти покойнаго, на панихиду собрались всѣ моряки — кто только могъ.

Въ дальнѣйшемъ, среди его друзей и сослуживцевъ возникла мысль о томъ, чтобы какъ-нибудь отмѣтить жизнь и дѣятельность этого незауряднаго человѣка, и было высказано пожеланіе помѣстить въ «Морскихъ Запискахъ» статью, посвященную памяти Михаила Александровича Китицына. Эта мысль встрѣтила всеобщее одобреніе, и, какъ редакторъ «Записокъ», я съ готовностью согласился предоставить страницы для этой цѣли, указавъ, что то, что будетъ написано, не должно явиться сухой біографіей о прохожденіи службы, а должно дать яркую картину, какимъ былъ Мих. Алекс. въ

жизни, его характеристику какъ человѣка, боевого офицера, воспитателя молодежи, администратора и т. п. Всѣ съ готовностью согласились съ этимъ, и я началъ поджидать рукопись, которую, окончательно проредактировавъ, собирался отправить въ типографію. Но время шло, и все какъ-то затихло. Идея о статьѣ продолжала вызывать всеобщее одобреніе, но желающихъ взяться ее написать не находилось. Одни указывали предлогомъ отказа недостатокъ времени, другіе — неимѣніе литературныхъ способностей, третьи находили ка-

М. А. Китицынъ во Флоридѣ, 1960 г.

кую-нибудь другую причину. Начало походить на то, что порывъ выдохся. Когда я обратилъ на это вниманіе, то одинъ изъ иниціаторовъ сказалъ: «А почему бы вамъ не написать статью? Вы редакторъ, вамъ и книги въ руки». Я отвѣтилъ, что Михаила Александровича почти что не зналъ, по службѣ никогда съ нимъ не встрѣчался, и мое знакомство съ нимъ ограничивается нѣсколькими мѣсяцами совмѣстной работы, когда основывалось Морское Общество, и что, не имѣя подъ рукой матерьяловъ, мнѣ трудно будетъ что-нибудь написать.

Все же, сознавая, что въ случаѣ моего отказа, статья памяти Мих. Алекс. никогда въ морской печати не появится, я въ концѣ концовъ уговорился. Отъ нѣкоторыхъ членовъ О-ва я получилъ нѣсколько писемъ, кое-какія воспоминанія Мих. Алекс., пожеланія, указанія и другіе матерьялы, на основаніи которыхъ нижеслѣдующее и написано.

Мнѣ хочется поблагодарить К. Л. Захарченко, М. А. Юнакова, П. Е. Стогова, К. Федорова, Г. М. Веселаго, А. Ф. Руммеля, С. С. Аксакова, Н. Н. Родіонова, С. В. Гладкаго и Ю. В. Соловьева, безъ помощи которыхъ мнѣ не представилось бы возможнымъ составить эту статью.

Михаилъ Александровичъ Китицынъ родился 17 сентября (с.с.) 1885 г. въ Черниговѣ. Отецъ его, А. А. Китицынъ былъ Товарищемъ Прокурора въ Черниговскомъ Окружномъ Судѣ. Со стороны отца, всѣ его родственники были на гражданской службѣ, главнымъ образомъ по судебной части; со стороны матери — на военной. Никто въ семьѣ не былъ морякомъ, во флотѣ не служилъ и никакого соприкосновенія съ морской службой не имѣлъ.

«Несмотря на это, — вспоминаетъ Михаилъ Александровичъ, — съ самаго ранняго дѣтства морская карьера была моей страстной мечтой, морская литература была магнитомъ, и я такъ загипнотизировалъ себя и всѣхъ моихъ семейныхъ этой идеей, что ни у меня, ни у кого изъ моихъ не было сомнѣній въ моей дальнѣйшей карьерѣ». Въ 1899 году, при переходѣ въ 4-ый классъ гимназіи, моя мать повезла меня въ Петербургъ на экзамены. Передъ экзаменами мы посѣтили о. Іоанна Кронштадтскаго, который благословилъ меня, пожелалъ мнѣ успѣшно выдержать экзамены, что я и сдѣлалъ, и былъ принятъ въ младшій общій классъ, который тогда назывался 4-ой ротой».

Шесть лѣтъ пребыванія въ Корпусѣ протекли однообразно, и глубокое впечатлѣніе на Мих. Алекс. произвели только празднованіе 200-лѣтняго юбилея основанія Морского Корпуса, начало русско-японской войны, пріѣздъ въ Корпусъ Государя Императора, производство старшихъ гардемаринъ въ мичманы и глубокій патріотическій подъемъ.

П. Е. Стоговъ, поступившій въ Корпусъ одновременно съ

Мих. Алекс. въ 1899 году, вспоминаетъ: «Мнѣ не пришлось быть съ нимъ въ одномъ классѣ, но мы стояли почти что рядомъ во фронтѣ. Въ Корпусѣ Мих. Алекс. учился хорошо, былъ серьезнымъ и скромнымъ юношей и отличался отъ своихъ сверстниковъ тѣмъ, что никого не дразнилъ и не пользовался «морскими терминами» въ разговорахъ. Къ предметамъ, его интересовавшимъ, онъ всегда относился серьезно и говорилъ о нихъ съ убѣжденіемъ, даже со страстью. За эту страстность и выдержку въ выраженіяхъ сверстники окрестили его въ ротѣ «Монахомъ».

Только съ переходомъ въ спеціальные классы среди воспитанниковъ начали выдѣляться склонности къ той или другой морской спеціальности. Послѣ того какъ въ роту влились «нигилисты» — молодые люди, поступившіе въ Корпусъ по окончании гимназій, реальныхъ училищъ и кадетскихъ корпусовъ, началась диференціація среди воспитанниковъ. Появились группы, увлекавшіяся математикой, артиллеріей, исторіей, гуманитарными науками и маленькая группа «морскихъ стратеговъ». Къ этой группѣ принадлежалъ и Китицынъ. Мнѣ вспоминается энтузіазмъ, съ которымъ онъ говорилъ о морскихъ сраженіяхъ и, особенно, о той рѣшительности командировъ кораблей, которые сваливались на абордажъ, не задерживаясь долго на дистанціи «пистолетнаго выстрѣла». Меня Китицынъ избиралъ для своихъ «проповѣдей» потому, что хотя я не былъ «стратегомъ», а былъ «историкомъ и гуманистомъ», я могъ оцѣнить красоту морского боя. Стратегію въ Корпусѣ не преподавали, и ея поклонники изучали ее для себя, а не для корпусныхъ отмѣтокъ. Зная незлобивость Китицына, я, въ числѣ другихъ, дразнилъ его и часто, съ серьезнымъ видомъ мы говорили: «Кто, кто, а нашъ монахъ возьметъ непріятеля на абордажъ». Затѣмъ публика начинала хохотать, но онъ, въ этомъ своемъ «первомъ увлеченіи» былъ неуязвимъ и, бросивъ уничтожающую всѣхъ фразу: «Гдѣ вамъ понять!» — вновь открывалъ свою стратегическую библію. За свой ровный характеръ, выдержку и доброту Михаилъ Александровичъ былъ любимъ и уважаемъ своими одноклассниками».

Послѣдній годъ пребыванія въ Корпусѣ былъ для Мих. Алекс. годомъ разочарованія — до производства было еще долго, тѣмъ временемъ война, къ которой онъ мысленно подготовлялъ всю свою жизнь, могла закончиться до его производства. Наконецъ, 21 февраля 1905 г., въ Царскомъ Селѣ,

Государь Императоръ поздравилъ выпускъ 1905 года съ производствомъ въ мичманы.

Мих. Алекс. кончилъ Корпусъ гардемариномъ, въ началѣ второй трети выпуска.

Мих. Алекс. вспоминаетъ что: «Во все время моей службы, да и дальнѣйшей жизни, у меня всегда были планы на перемѣны. Долго я не могъ спокойно сидѣть на мѣстѣ и всегда стремился куда-нибудь впередъ».

Это подтверждается съ первыхъ годовъ его службы: послѣ производства Мих. Алекс. попалъ въ Либаву на «Отрядъ Особаго Назначенія», готовившійся къ походу для пріемки аргентинскихъ и чилійскихъ крейсеровъ. Вскорѣ эта авантюра лопнула, и Мих. Алекс. былъ отправленъ съ эшелономъ матросовъ въ Хабаровскъ, на Амурскую рѣчную флотилію, и плавалъ на «Тунгузѣ» въ Татарскомъ проливѣ. По заключеніи весной 1906 г. перемирія съ японцами, балтійскіе офицеры были вызваны во Владивостокъ для пополненія состава кораблей, интернированныхъ въ нейтральныхъ портахъ. Послѣ нѣкотораго промедленія, во время котораго Мих. Алекс. плавалъ на номерныхъ миноносцахъ, онъ на «Алмазѣ» вышелъ въ Сайгонъ, гдѣ былъ назначенъ на крейсеръ «Олегъ» для слѣдованія въ Балтійское море, куда и прибылъ въ апрѣлѣ 1906 года.

Лѣто 1906 г. Мих. Алекс. плавалъ на крейсерѣ «Крейсеръ» съ учениками строевыми квартирмейстерами, а осенью былъ назначенъ на минную дивизію и находился въ Царской охранѣ въ бухтѣ Штандартъ. Въ 1907 г. Мих. Алекс. плавалъ на эск. мин. «Бурный» и «Амурецъ».

Однообразіе начало опять угнетать Мих. Алекс. Попытка поступить въ артиллерійскій классъ не удалась. «Я началъ скучать, — вспоминаетъ Мих. Алекс., — хотѣлось опять въ дальніе края, а заграничныя плаванія были сокращены. Остался одинъ выходъ: изъ Либавы ежегодно выходилъ транспортъ «Баканъ» на охрану рыбныхъ промысловъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, и я перевелся туда. Въ январѣ 1908 года «Баканъ» вышелъ изъ Либавы. Первая остановка была въ Копенгагенѣ, гдѣ на рейдѣ стояла Императорская яхта «Полярная Звѣзда», на которую мы были приглашены къ чаю и пред-

ставлены Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и сестрѣ ея англійской королевѣ Александрѣ. Затѣмъ цѣлый мѣсяцъ мы шли внутреннимъ фарватеромъ вдоль самаго хребта «скандинавскаго медвѣдя», по ночамъ становясь на якорь среди постоянной полярной ночи, сѣвернаго сіянія, и пришли въ Александровскъ, нашу базу. Послѣ очень интереснаго плаванія «Баканъ» въ ноябрѣ 1909 года вернулся въ Либаву, я былъ зачисленъ въ подводные классы и, закончивъ годовой курсъ школы, къ концу 1910 года получилъ званіе подводнаго офицера и попросился въ Черное море».

Въ Севастополѣ Мих. Алекс. былъ назначенъ помощникомъ командира на подв. лодку «Судакъ». Почти что одновременно Мих. Алекс. былъ произведенъ по линіи въ лейтенанты.

П. Е. Стоговъ вспоминаетъ: «Съ Мих. Алекс. я встрѣтился опять черезъ шесть лѣтъ послѣ выпуска. Какъ и раньше, ему никогда не сидѣлось на мѣстѣ, онъ всегда былъ въ движеніи. Барышни называли его «непосѣдой». По своей застѣнчивости онъ, въ компаніи съ дамами и барышнями больше молчалъ. Однажды онъ предложилъ мнѣ пойти съ нимъ на одно изъ учебныхъ погруженій, чтобы я могъ ознакомиться съ расположеніемъ приборовъ и машинъ на маленькой лодкѣ, которой онъ командовалъ. Черезъ нѣкоторое время мнѣ удалось воспользоваться его приглашеніемъ. Подводная лодка, помню, поразила меня своими малыми размѣрами и большимъ количествомъ измѣрительныхъ приборовъ. Все казалось тѣснымъ и непонятнымъ. Въ то время лодки еще не имѣли радіотелеграфа, надводная сигнализація велась оптическими приборами, а подъ водой связи вовсе не было. Я понялъ, что съ испытаніями индукціоннаго телеграфа надо еще обождать и рѣшилъ, что этотъ походъ дастъ мнѣ возможность ознакомиться, какимъ командиромъ окажется нашъ «стратегъ». Результаты превзошли мои ожиданія, Мих. Алекс. оказался исключительно спокойнымъ, распоряженія отдавалъ, не повышая голоса. Команда была хорошо обучена и повторять приказанія не приходилось. Мих. Алекс., какъ любезный хозяинъ, гордившійся своей лодкой, хотѣлъ показать мнѣ «красоту подводной лодки». Передъ самымъ погруженіемъ онъ сказалъ мнѣ: «Хочу показать тебѣ исключительно красивую картину, которую ты никогда не забудешь». Лодка начала медленно погружаться и струи мелкихъ воздушныхъ шариковъ оку-

тывали ее, подымаясь на поверхность. Впечатлѣніе было, что лодка погружается въ громадный бокалъ шампанскаго. Цвѣтъ воды въ Черномъ морѣ и пузырьки, стремящіеся кверху, отдѣляясь отъ корпуса лодки, представляли собой незабываемую картину. Въ послѣдствіи я убѣдился, что далеко не всѣ командиры, даже большихъ лодокъ, были столь спокойными какъ Мих. Алекс., а такого «поэта» какъ онъ, среди нихъ я не встрѣчалъ».

Черезъ 10 мѣсцевъ послѣ перевода въ Черное море Мих. Алекс. уже командовалъ «Судакомъ», но къ этому времени ему уже опять не сидѣлось на мѣстѣ. Тогда онъ намѣтилъ себѣ планъ дѣйствій: рѣшивъ осенью 1913 года поступить въ Николаевскую Морскую Академію Генеральнаго Штаба, онъ просилъ освободить его отъ командованія подводной лодки и быть назначеннымъ на одну изъ канонерскихъ лодокъ въ заграничное плаваніе, чтобы имѣть время подготовиться къ экзаменамъ. Его просьба получила благопріятное рѣшеніе и въ январѣ 1912 года онъ былъ назначенъ на канонерскую лодку «Уралецъ», бывшую стаціонеромъ въ Пиреѣ. Въ Средиземномъ морѣ въ это время было неспокойно — Греція, Болгарія, Черногорія и Сербія были въ войнѣ съ Турціей, и «Уралецъ» находился въ моряхъ, служившихъ театромъ войны. Плаваніе все же было достаточно интереснымъ: «Уралецъ» посѣтилъ Афонъ, Салоники и Венецію.

Въ августѣ 1913 г. Мих. Алекс. на пароходѣ черезъ Одессу вышелъ въ Россію. Въ Петербургѣ онъ успѣшно выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ на младшій курсъ Академіи. «Нагрузка работы въ Академіи, — вспоминаетъ Мих. Алекс., — была чрезвычайно тяжела, но въ то же время такъ интересна и плодотворна, что я никогда въ жизни не могъ ея забыть; чувствовалось какъ мозги просвѣтляются, вырабатывается система раціональнаго подхода къ различнымъ проблемамъ и, какъ одинъ изъ моихъ со-слушателей замѣтилъ, «боюсь, что мы всѣ дѣлаемся отдѣльной кастой». Лѣтомъ мы получали командировки — на мѣстѣ изучить и описать различные районы предполагавшихся театровъ войны. Эти командировки являлись пріятнымъ контрастомъ и отдыхомъ. Мнѣ, совмѣстно съ другими слушателями, досталось описать районы Чернаго моря отъ Керченскаго пролива до Сухума и Босфорскій районъ. Мнѣ ярко вспоминается одинъ выдающійся моментъ этого періода. Мы застряли на двѣ недѣли въ Новорос-

сійскѣ, живописномъ, пріятномъ городѣ. Морскіе офицеры тамъ рѣдки. Перезнакомились, передружились, барышни и дамы, романы... И вотъ мы сидимъ за столикомъ на бульварѣ, оркестръ играетъ, вино, шашлыки... и вдругъ у входа шумъ, движеніе. Мальчишки съ газетами бѣгутъ и выкрикиваютъ: Экстра! экстра! убійство австрійскаго наслѣдника въ Сараевѣ!». Я переглянулся съ пріятелемъ: «Какъ вы думаете, это начало?» — спросилъ я.

Этотъ моментъ раздѣлилъ двѣ эпохи моей жизни, два міра, и къ старому уже возврата не было».

«Черезъ недѣлю мы получили распоряженіе бросить все и явиться въ Севастополь въ распоряженіе Командующаго Черноморскимъ Флотомъ. Всѣ мы, «академики», были назначены на штабныя мѣста и я попалъ старшимъ флагъ-офицеромъ формировавшагося отряда минныхъ заградителей. Слѣдующіе три мѣсяца прошли въ интересной, напряженной и очень для меня счастливой работѣ организаціи, формированіи и тренировкѣ, почти-что изъ ничего, очень эффективнаго отряда.

Но послѣ этого моя непосѣдливость и поиски авантюры опять стали меня одолѣвать. Война съ нѣмцами была въ полномъ разгарѣ, въ Балтійскомъ морѣ уже произошли военныя дѣйствія, а у насъ турки въ войну не вступали. Я опять началъ бояться, что какъ въ японскую войну, опоздаю. Поэтому, когда стали вызывать охотниковъ для сформированія морского батальона для дѣйствія на сухопутномъ фронтѣ, я вызвался на эту авантюру и, въ ноябрѣ 1914 года, съ ротой Черноморскаго экипажа, прибылъ въ крѣпость Ивангородъ, которая, въ то время, была подъ ударами непріятеля и передовой позиціей. Мы, моряки, приспособили 47 мм. пушки для установки въ окопахъ и снабжали людей для обслуживанія ихъ, и это было очень популярно среди пѣхоты. Но черезъ три недѣли фронтъ отодвинулся на западъ и мы оказались «очковтирательной» и безполезной тыловой частью. Турція тѣмъ временемъ вступила въ войну, и «Прутъ», на которомъ я былъ мѣсяцъ тому назадъ, былъ ими потопленъ. Въ то же время мнѣ писали, что новыя большія лодки вступили въ строй и нуждаются въ опытныхъ командирахъ. Толь-

ко въ апрѣлѣ мнѣ удалось вернуться въ Севастополь. Вакантной лодки для меня не было, и я былъ назначенъ старшимъ флагъ-офицеромъ бригады подводнаго плаванія, съ условіемъ, что я буду посылаться въ походы со всѣми лодками, какими только возможно. Почти все время, переходя съ одной лодки на другую, я проводилъ въ морѣ, изучая обстановку. Наконецъ, въ ноябрѣ 1915 года ваканція открылась, и я вступилъ въ командованіе «Тюленемъ».

Въ апрѣлѣ 1960 года, уступая многочисленнымъ просьбамъ, Мих. Алекс. написалъ свои воспоминанія о боевыхъ дѣйствіяхъ подводной лодки «Тюлень». Подрывъ «Дубровника», смѣлая развѣдка у Варны, и, наконецъ, захватъ «Родосто» описаны въ томѣ XVIII №3/53 «Морскихъ Записокъ» и поэтому повторяться не будутъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что за дѣйствія на «Тюленѣ» М. А. Китицынъ былъ награжденъ всѣми боевыми орденами: Анной 3-й степени съ мечами, Станиславомъ 2-й степени съ мечами, Георгіевскимъ оружіемъ, орденомъ Св. Георгія 4-й степени и Владиміра 4-й степени съ мечами, былъ произведенъ въ старшіе лейтенанты и капитаны 2-го ранга. Анну 4-й степени Мих. Алекс. получилъ въ Ивангородѣ.

Служба подводныхъ лодокъ была тяжелая и изматывала и корабли, и людей. Командиры назначались на другія должности послѣ 6-8 мѣсяцевъ, лодки становились въ ремонтъ послѣ года плаванія. На «Тюленѣ» Мих. Алекс. побилъ всѣ рекорды — когда «Тюленю» пришла очередь идти въ ремонтъ, другая лодка оказалась экстренно выведенной изъ строя. Когда пришла очередь получать дивизіонъ, Мих. Алекс. отказался въ пользу плаванія на «Тюленѣ», но вошелъ въ соглашеніе съ начальствомъ, что когда лодка пойдетъ, наконецъ, въ ремонтъ, то вмѣсто двухмѣсячнаго отдыха онъ будетъ командированъ въ Петроградъ, въ подводный отдѣлъ Морского Генеральнаго Штаба на все время ремонта «Тюленя».

Во время пребыванія въ Петроградѣ Мих. Алекс. наслаждался заслуженнымъ отдыхомъ, работа въ Штабѣ была интересная и не тяжелая.

Затѣмъ пришла «великая и безкровная».

«Въ трудные дни февральской революціи наши пути опять скрестились, — вспоминаетъ П. Е. Стоговъ. — Мих. Алек. былъ временно назначенъ въ подводный отдѣлъ Морского Генеральнаго штаба. Когда возставшая чернь и запасные захватили Петроградъ, прекратилась всякая возможность попадать на службу. Телефонъ еще функціонировалъ, и я, въ числѣ другихъ, получилъ приказаніе оставаться дома до слѣдующаго распоряженія. Единственной возможностью предупредить какой-нибудь эксцессъ и охранить Морской Генеральный Штабъ и его архивы было полученіе «Охраннаго листа» отъ Государственной Думы, бывшей тогда центромъ власти. Какъ мнѣ потомъ разсказывалъ одинъ изъ сослуживцевъ, Мих. Алекс. самъ вызвался достать этотъ документъ. Одинъ, въ полной парадной формѣ, со всѣми боевыми орденами, онъ прошелъ пѣшкомъ до Таврическаго дворца и, доставъ эту бумагу, принесъ ее въ Генеральный Штабъ».

«Когда я вернулся на лодку — вспоминаетъ Мих. Алекс. — и вышелъ опять въ море, глубина моего отчаянія и безнадежности были неизмѣримы. Было ясно, что военныя дѣйствія со все болѣе и болѣе разнузданными «товарищами» невозможны и что я безполезенъ. Опять я началъ думать какъ найти выходъ изъ этого положенія. Въ это время прошелъ слухъ, что въ Севастополь изъ Отдѣльныхъ Гардемаринскихъ Классовъ пріѣхалъ контръ-адмиралъ Сергѣй Ивановичъ Фроловъ и набираетъ офицеровъ на должности отдѣльныхъ начальниковъ для заграничнаго плаванія съ гардемаринами на Дальнемъ Востокѣ. У меня были сомнѣнія, согласится ли онъ взять штабъ-офицера на должность отдѣленнаго начальника, но надѣялся, что при революціонномъ безпорядкѣ это, можетъ быть, пройдетъ. Я надѣлъ кортикъ и пошелъ въ гостиницу Киста, гдѣ остановился адмиралъ. Адмиралъ любезно принялъ меня. «Чѣмъ могу служить?» — спросилъ онъ. Робко и заикаясь, я сталъ объяснять, что хотя я и штабъ-офицеръ, но готовъ служить въ какой угодно должности и подчиненіи въ заграничномъ плаваніи. Вдругъ адмиралъ вскочилъ съ мѣста, воздѣлъ руки вверхъ и взволнованно воскликнулъ: «Голубчикъ! Сама судьба васъ послала! Я набралъ достаточно офицеровъ, но мнѣ нѣкому ввѣрить всю отвѣтственность за нихъ. Вы какъ разъ нужный мнѣ человѣкъ, и я такъ счастливъ имѣть васъ!». Я испугался отвѣтственности, нерѣ-

шительно старался играть назадъ, но адмиралъ сейчасъ же принялся устраивать всѣ формальности».

Осенью 1917 года Мих. Алекс. былъ назначенъ Завѣдующимъ Обученіемъ Отдѣльныхъ Гардемаринскихъ классовъ. Временное правительство понемного ликвидировало Морское Училище, и гардемарины 3-й роты были объединены съ воспитанниками Отдѣльныхъ Гардемаринскихъ Классовъ для отправки во Владивостокъ и оттуда въ заграничное плаваніе. 6-го декабря учебный отрядъ вышелъ въ море. Поздравляя гардемаринъ съ праздникомъ Морского Училища, Мих. Алекс. сказалъ, что ставитъ себѣ задачей воспитаніе гардемаринъ по новой учебной программѣ, съ расширенными практическими знаніями, но на основѣ тѣхъ традицій, которыми жилъ 200 лѣтъ Россійскій флотъ и которыя послужатъ здоровой базой для новыхъ кадровъ молодыхъ офицеровъ. Эта «Морская идея» осталась руководящимъ принципомъ всей дальнѣйшей дѣятельности кап. 1 р. Китицына, которому судьба поручила сыграть исключительную роль въ исторіи послѣднихъ выпусковъ Морского Училища.

Дѣятельность Мих. Алекс., связанную съ пребываніемъ во Владивостокѣ, Морскимъ Училищемъ и походомъ Владивостокъ-Севастополь-Бизерта можно раздѣлить на три періода: первый — плаваніе на «Орлѣ» въ 1917-18 г.г., закончившаяся въ Гонконгѣ съѣздомъ Мих. Алекс. съ корабля и отбытіемъ въ Японію; второй — пребываніе во Владивостокѣ, назначеніе Мих. Алекс. Начальникомъ Морского Училища, организація занятій съ гардемаринами, связанная съ участіемъ въ десантахъ, другихъ боевыхъ дѣйствіяхъ и усмиреніемъ возстаній. Въ началѣ апрѣля военными властями былъ организованъ десантъ въ бухту Находка, къ которому было привлечено Морское Училище. Первая попытка окончилась неудачей и, потерпѣвъ потери при свозѣ десанта при встрѣчѣ съ противникомъ превосходящихъ силъ, отрядъ возвратился во Владивостокъ. Послѣ усиленной двухдневной подготовки, попытка была повторена. Вотъ какъ описываетъ ее Мих. Алекс.:

«Отрядъ состоялъ изъ полдюжины судовъ и пловучихъ средствъ; я держалъ флагъ на пароходѣ «Св. Георгій», и въ числѣ другихъ судовъ можно считать англійскій броненосный крейсеръ «Кентъ», командиръ котораго, мой другъ Captain Edwards былъ очень взволнованъ нашей неудачей и потеря-

ми на «Магнитѣ», и по телеграфу испросилъ изъ Лондона разрѣшеніе помочь намъ. Получивъ разрѣшеніе, онъ пріѣхалъ ко мнѣ и объявилъ: «Являюсь въ ваше распоряженіе!». Я ознакомилъ его съ диспозиціей. Атака развернулась какъ по часамъ: наша разнокалиберная армада — грязнуха служившая какъ Landing craft «Кентъ» и прочіе, всѣ появились въ одно и то же время на разсвѣтѣ, «Кентъ» подготовилъ высадку нѣсколькими залпами изъ 8" орудій, миноносецъ осыпалъ пляжъ пулеметами, двѣ роты юнкеровъ быстро высыпались съ «Георгія» на грязнуху и на берегъ, и мы установили прочный тетдепонъ и стали организовать снабженіе . . . .» *).

Десантъ былъ благополучно высаженъ, красные поспѣшно бѣжали. По окончаніи операціи отрядъ вернулся во Владивостокъ **).

Третьимъ періодомъ дѣятельности Мих. Алекс. можно считать походъ изъ Владивостока въ Севастополь и Бизерту.

О событіяхъ, связанныхъ съ его жизнью въ это время Мих. Алекс. предпочиталъ не вспоминать. На просьбу описать этотъ періодъ, онъ отвѣтилъ, что онъ хотѣлъ бы не вспоминать, а забыть его: «Это было самое тяжелое время моей жизни, мой Гефсиманскій садъ и Голгофа, когда я былъ раздавленъ страшной отвѣтственностью, когда масса людей смотрѣли на меня, ожидая отъ меня рѣшенія ихъ судьбы, а я не зналъ что я могу имъ дать!».

Вотъ какъ вспоминаютъ Мих. Алекс. его воспитанники:

К. Л. Захарченко («Китицынскаго выпуска») даетъ слѣдующую характеристику Мих. Алекс.:

Мих. Алекс. былъ совершенно исключительнымъ человѣкомъ — настоящій рыцарь безъ страха и упрека. Для насъ, гардемаринъ, онъ былъ почти единственнымъ вдохновеніемъ и свѣтлой личностью на мрачномъ фонѣ общей разрухи, продажности, подлости, шкурничества и т. д. Безъ него ни Училище во Владивостокѣ, ни корпусъ въ Бизертѣ не смогли бы существовать. Общій развалъ и разложеніе мы переживали очень болѣзненно, и единственно кто объединилъ бо́льшую часть изъ насъ былъ Мих. Алекс. Мы чувствовали въ немъ беззавѣтную преданность Россіи и Флоту, безукоризненную

*) Письмо П. Е. Стогову отъ 19 марта 1960 г.

**) Этотъ періодъ дѣятельности М. А. Китицына подробно описанъ въ "Колыбели Флота", отдѣлъ XII, глава 40. Плаваніе 3-ей роты Морского Училища, стр. 258-264.

честность и полное отсутствіе какой бы то ни было мысли о себѣ и своей выгодѣ. Мы ему вѣрили и были готовы слѣдовать за нимъ даже когда были совершенно несогласны съ его намѣреніями, — и это послѣ трехъ революціонныхъ лѣтъ и постоянныхъ встрѣчъ съ цинизмомъ, эгоизмомъ, лживостью, обманомъ и предательствомъ. По этому поводу среди гардемаринъ какъ-то началась эпидемія самоубійствъ. Мих. Алекс. прекратилъ ее, похоронивши 3-ю или 4-ую жертву за городомъ безъ всякихъ почестей. Мы говорили о бунтѣ, но самоубійства прекратились, т. к. никто не хотѣлъ быть похороненъ какъ собака. Какъ извѣстно, самоубійства страшно заразительны, въ особенности въ тѣхъ условіяхъ, и Мих. Алекс. показалъ большое психологическое пониманіе молодежи и рѣшительность дѣйствій. Среди гардемаринъ Мих. Алекс. имѣлъ колоссальное вліяніе и авторитетъ».

Въ статьѣ М. А. Юнакова «Мои воспоминанія о капитанѣ 1-го ранга М. А. Китицынѣ», слѣдующей за настоящей и охватывающей всю эпопею «Китицыновскаго выпуска», приводятся интересныя наблюденія о Мих. Алекс. Его воспитательнымъ методомъ было: добиться вліянія надъ подчиненными или учащимися, а потомъ, искренностью своихъ убѣжденій доказать имъ, что все то, что отъ нихъ требовалось являлось необходимостью. По службѣ Мих. Алекс. былъ строгъ и взыскателенъ, но почти не накладывалъ взысканій за проступки, но каждый провинившійся послѣ его «разноса» уходилъ отъ него безъ злобы и съ полнымъ сознаніемъ своей вины. Идея Мих. Алекс. была — военно морская идея, служба на флотѣ и Россія».

Мичманъ К. Федоровъ («Китицынскаго Выпуска») даетъ интересную картину воспитательныхъ методовъ и характеристики Мих. Алекс.

«Лѣтомъ, 1918 года, когда большинство нашихъ гардемаринъ было послано на посыльныхъ судахъ «Якутъ», «Улиссъ» и «Діомидъ» въ сѣверное плаваніе къ берегамъ Камчатки,, я, въ числѣ нѣкоторыхъ былъ назначенъ инструкторомъ 3-ей, младшей роты, на канонерскую лодку «Манчжуръ», стоявшую въ бухтѣ «Новикъ» на Русскомъ островѣ у стѣнки и никуда не ходившую, ибо машины и котлы ея уже давно отслужили свое время. Ветеранъ китайской кампа-

ніи и русско-японской войны «Манчжуръ» былъ уже очень старъ для плаваній, но какъ учебный корабль для обученія гардемаринъ веденію судовой службы, онъ былъ идеаленъ. Просторный и чистый, хотя и съ нѣкоторыми недостатками, онъ все еще сохранилъ безукоризненно чистую палубу, поддерживаемыя въ порядкѣ надстройки, мостикъ, рангоутъ, помѣщеніе и каюты. И вотъ, гардемарины на немъ учились какъ стоять вахты, какъ спускать и подымать шлюпки, греблѣ, паруснымъ ученіямъ, элементамъ артиллеріи, миннаго дѣла и проч. Мы, старшіе гардемарины, учились, какъ стоять офицерскія вахты. Среди офицеровъ, назначенныхъ къ намъ, были прибывшіе изъ Америки лейтенанты Батоговъ, Руссетъ и другіе. Лейтенантъ Батоговъ выдѣлялся исключительной энергіей въ обученіи младшихъ гардемаринъ шлюпочному дѣлу. Было пріятно смотрѣть, какъ онъ драилъ гардешковъ настоящей греблѣ, подобіи которой нельзя найти ни въ одномъ флотѣ міра, кромѣ нашего.

А вотъ, парусное ученіе. Бухту Новикъ рябитъ отъ поднявшагося свѣжаго бриза. Пузатые бѣлые паруса кренятъ катера и они мчатся туда и сюда на разныхъ галсахъ, дѣлаютъ повороты оверштагъ и черезъ фордевиндъ, пересѣкая бухту Новикъ въ разныхъ направленіяхъ. Я стою на вахтѣ на мостикѣ. На моей обязанности наблюдать за рейдомъ и знать, гдѣ какая шлюпка. Вдругъ на мостикѣ появляется нашъ начальникъ капитанъ 1 ранга Китицынъ. Съ его появленіемъ на мостикѣ и на палубѣ воцаряется напряженно-выжидательная атмосфера. Лица гардемаринъ у выстрѣла, ожидающіе принять катеръ, подходящій подъ парусами, стали серьезными и вытянулись.

— «Федоровъ, гдѣ шестой катеръ?» — отрывисто обращается «Китъ» ко мнѣ.

— «Шестой катеръ? Я сейчасъ не знаю. Онъ былъ недалеко отъ мыска».

Глаза «Кита» сверкнули. — «Какъ не знаете? Обязанность вахтеннаго начальника знать все, что происходитъ кругомъ корабля!».

— «Есть, г-нъ капитанъ 1-го ранга».

— «Гдѣ катеръ номеръ два?»

— «Катеръ номеръ два сдѣлалъ поворотъ и идетъ сюда».

— «Подымите сигналъ: Возвращаться изъ погони по способности».

— «Есть, г-нъ капитанъ 1-го ранга».

Я ищу сигналъ съ лихорадочной поспѣшностью.

— «Вы долго копаетесь! Сигналы должны подниматься безъ задержки, лишь только отдано приказаніе!».

«Китъ» недоволенъ. Заложивъ одну руку назадъ, нахмуривъ брови, онъ ходитъ по мостику; онъ бросаетъ взглядъ то на бухту, по которой снуютъ катера подъ парусами, то исподлобья глядитъ на меня и его глаза сердиты. Катера подходятъ одинъ за другимъ. Вотъ третій катеръ и на немъ стар. лейт. Королевъ. Чуть слышна какая-то команда, заглушенная вѣтромъ; паруса, полоща, скользятъ внизъ и катеръ подходитъ къ выстрѣлу. «Конецъ, конецъ!» — кричатъ съ него, но гардемаринъ, стоявшій у выстрѣла промахнулся и конецъ съ плескомъ упалъ за кормой.

— «Вотъ посмотрите, что у васъ происходитъ! Не подали конца во-время!» — цукаетъ «Китъ» меня. Но это, я считаю, ужъ не моя вина. Однако, ожидаемый «разносъ» не послѣдовалъ. Въ этотъ вечеръ, за ужиномъ, Викторъ Татариновъ, обращаясь ко мнѣ въ шутливой формѣ, говоритъ: «Федька, тощія кости, — что это ты сегодня туманилъ, что «Китъ» тебя цукалъ?».

— «Я не могъ найти шестого катера».

— «Да, доложу я вамъ, у «Кита» надо держать ухо востро. Онъ все замѣчаетъ», — наставительно замѣчаетъ Миша Чайко.

Въ общемъ, послѣ каждой вахты, когда меня пробиралъ «Китъ», я выходилъ, какъ изъ жаркой бани. Не могу забыть одного случая, когда во время подъема флага, онъ меня разнесъ за то, что я не умѣлъ правильно командовать.

Довелось мнѣ стоять утреннюю вахту какъ-то разъ и почему-то у меня было предчувствіе, что что-то случится. «Чую я, что будетъ разносъ», — думалъ я по мѣрѣ того, какъ приближалось время часовъ утра — время подъема флага. Гардемарины быстро оканчивали утреннюю приборку — послѣднія лужицы воды на палубѣ сгонялись усердными и быстрыми движеніями швабръ, то тамъ то сямъ оканчивали драить мѣдяшку. Ужъ былъ поднятъ «исполнительный» флагъ. Я стоялъ на заднемъ мостикѣ, откуда былъ видъ на весь корабль и при-

готовился къ подъему флага. Капитанъ 1-го ранга Китицынъ ходилъ по юту. Команда и гардемарины вызваны наверхъ, во фронтъ. Осталась одна минута. — «На флагъ и гюйсъ, смирно!» заоралъ я, что было силы. Я видѣлъ какъ гардемарины и матросы во фронтѣ и гдѣ-кто былъ, бросили все и замерли на своихъ мѣстахъ. Я видѣлъ какъ рябой машинный квартирмейстеръ, уже пожилой, глядѣлъ на меня недвижимо, какъ бы съ тревогой. Офицеры и самъ Китицынъ стояли неподвижно. Время вышло и я снова закричалъ: «Флагъ и гюйсъ поднять!» и пока раздавались восемь склянокъ, звучно прозвучавшихъ на бакѣ, я подошѐлъ къ Китицыну съ утреннимъ рапортомъ, сталъ смирно и приложилъ руку къ козырьку фуражки. Послѣ рапорта, команда: «Вольно», и дневная судовая жизнь началась.

Между тѣмъ «Китъ» былъ мною недоволенъ. Мои предчувствія оправдались. Я получилъ серьезный разносъ. На этотъ разъ онъ носилъ характеръ отеческаго внушенія. Онъ подозвалъ меня: «Гардемаринъ Федоровъ! подойдите сюда!». Я подошелъ. Китицынъ сталъ передо мной, какъ недвижная колонна, только изрѣдка его рука поднималась, большой палецъ закладывался за бортъ кителя, потомъ снова опускалась. Губы были плотно сжаты и черные глаза глядѣли упорно на меня и мигали по временамъ. Затѣмъ онъ разразился тирадой:

— «Что это вы кричите, какъ полоумный? Почему не командуете спокойно, какъ подобаетъ? Во время подъема флага, — серьезная и святая минута на кораблѣ, вниманіе всѣхъ — на васъ, — вахтенномъ начальникѣ. А вы вмѣсто команды, кричите какъ баба. Такъ нельзя. Надо научиться командовать. Понимаете?».

— «Есть, г-нъ капитанъ 1-го ранга».

— «Мнѣ не нужно автоматическаго «есть». Я хочу, чтобы вы поняли, и что голосъ командующаго имѣетъ огромное вліяніе на то, какъ исполняется команда». Онъ остановился и вперилъ въ меня свой сердитый взоръ. Потомъ, видимо смягчившись, сказалъ: «Пойдемте», — и началъ прохаживаться со мною передъ кормовой каютой, продолжая читать наставленія. «Вотъ почему, — сказалъ онъ оканчивая рѣчь, — въ итальянскомъ флотѣ молодымъ офицерамъ, «ставятъ голоса», — т. е. учатъ ихъ пріобрѣсти командную привычку. Такимъ образомъ

вырабатывается привычка и навыкъ командовать. Ну, ступайте и помните, что я вамъ сказалъ». Утренняя «цуковка» кончилась. Я смѣнился съ вахты немного обезкураженный, но «цукъ» «Кита» остался у меня въ памяти надолго. Онъ имѣлъ большое воспитательное значенiе для насъ всѣхъ, гардемаринъ. Характерной чертой покойнаго было немедленно замѣчать недостатки и сейчасъ же ихъ исправлять посредствомъ «разноса», или не всегда лестнаго для слушателя выраженiя своихъ взглядовъ на дѣло. Однако, если бы онъ этого не дѣлалъ, недостатки только бы ухудшались. Несмотря на рѣдкiе личные контакты каждаго изъ насъ съ покойнымъ кап. 1 ранга Китицынымъ, сама его личность обладала способностью внушить всѣмъ увѣренность въ успѣхѣ всякаго дѣла подъ его начальствомъ. Мы всѣ ему абсолютно вѣрили, хотя и побаивались. Онъ, какъ и большинство офицеровъ — воспитателей Морского Корпуса, являлся типичнымъ примѣромъ «рыцаря безъ страха и упрека». Вначалѣ мы его знали мало. Насъ перевели въ 1917 году въ роту Отдѣльныхъ Гардемаринскихъ Классовъ, и Китицынъ не былъ корпуснымъ офицеромъ. Первое появленiе его передъ нами во фронтѣ носилъ спѣшный, дѣловой характеръ. Появится передъ фронтомъ, скажетъ нѣсколько словъ, относящихся къ предстоящему плаванiю, но его обращенiя носили характеръ трезвый и сухой. Походка его была быстра, всѣ движенiя его были отрывисты. Взглядъ его черныхъ глазъ былъ серьезенъ и строгъ, но кто ожидалъ услышать отъ него что-либо замѣчательное, вмѣсто этого слышалъ, повидимому, самую простую обыденщину.

Въ этотъ смутный, полный слуховъ, возстанiй, высадокъ, годъ наше обученiе иногда прерывалось вызовами подавлять возстанiя разныхъ самостiйниковъ, вродѣ генерала Гайды. Былъ походъ въ бухту Находка для подавленiя бандъ красныхъ. На «Магнитѣ» мы попали въ передѣлку, и тутъ, подъ обстрѣломъ красныхъ, кап. 1 р. Китицынъ выказалъ свою храбрость и хладнокровiе. Всѣ принуждены были спрятаться на дно только-что спущенныхъ шлюпокъ и единичныя попытки изъ нихъ выскочить и выйти по трапу наверхъ, на палубу «Магнита», встрѣчались градомъ пуль красныхъ, обстрѣливавшихъ корабль съ сопокъ. Кап. 1 р. Китицынъ одинъ ходилъ по открытому спардеку. По временамъ онъ освѣдомлялся у лежащихъ въ шлюпкахъ: «Васъ еще обстрѣливаютъ?»,

— и паники не было. Всѣ выкарабкались когда «Магнитъ» отошелъ. Китицынъ проходилъ все время обстрѣла по палубѣ, ясно видной непріятелю. Пуля оцарапала ему руку. Но его личное спокойствіе и хладнокровіе передавались и его окружавшимъ.

Я рѣшилъ списаться съ «Орла» и съ согласія Китицына, вмѣстѣ съ лейт. Дихтомъ списался въ Портъ Саидѣ. На прощаніе Китицынъ позвалъ меня къ себѣ въ каюту и далъ мнѣ свой цейсовскій бинокль. «Это вамъ, или Дихту на будущее, кто первый начнетъ голодать!». Послѣднее пожатіе руки и я сошелъ по трапу въ ожидавшую фелюку.

Въ 1926-27 г. я обосновался почти два года въ Коломбіи. Я работалъ стевадоромъ. Какъ то разъ приходитъ пароходъ «Санта-Рита» — Грэйсъ лайнъ, и эскалльонъ, подрядчикъ стевадоровъ, говоритъ мнѣ по-испански: «Скорѣе иди туда! Тамъ большой chief, русскій капитанъ, тебя зоветъ. Онъ тамъ» — эскалльонъ указалъ на конецъ мола. Ко мнѣ подвигалась высокая, плотная фигура. Походка знакомая. Фигура тоже. Я узналъ его. Это былъ Китицынъ. Онъ возвращался со съемокъ въ департаментѣ Нариньо, Коломбія. Встрѣча была совершенно неожиданная. Странно, невѣроятно, было думать, что черезъ семь лѣтъ мы встрѣтимся въ Южной Америкѣ. «Китъ» измѣнился мало. Хотя на немъ было штатское платье, военная быстрая походка осталась. Тѣ же отрывистыя движенія, тотъ же блестящій, упорный взглядъ черныхъ глазъ и разсудительная манера говорить. Онъ былъ безъ шляпы, и горячее Бонавентурское солнце палило его бритую голову. «Ну вотъ, очень радъ васъ видѣть! Ну, какъ вы тутъ поживаете? Работаете, какъ вижу, грузчикомъ?».

— «Да, г-нъ капитанъ 1-го ранга. Теперь грузчикомъ». Онъ взялъ меня подъ руку и мы начали ходить по молу взадъ и впередъ, вспоминая прошлое. «Санта Рита» уходила черезъ часъ и свиданіе было недолгое. Мы походили еще немного и «Китъ», смахнулъ съ глазъ набѣжавшую слезу. «Санта Роза» уже отдавала концы. «Прощайте, желаю вамъ успѣха, счастья». Послѣднее пожатіе рукъ, послѣдній взглядъ, и мы разстались.

Это было въ послѣдній разъ, что я видѣлъ Китицына. Я имѣлъ отъ него одно письмо въ Панамѣ изъ Вашингтона, въ отвѣтъ на мое. И другое — поздравленіе съ Рождествомъ

недавно, изъ Флориды. Но въ моей памяти онъ представляется всегда такъ: синій китель съ Георгіемъ въ петлицѣ, торопливая походка, черные, упорно глядящіе глаза, отрывистыя движенія и неожиданныя рѣчи. Онъ былъ для всѣхъ насъ образцомъ долга, чести, рѣшительнаго образа дѣйствія и честности».

* * *

Походъ «Орла» и «Якута» прекрасно и подробно описаны какъ въ «Колыбели Флота» (глава 42-я, стр. 265-269), такъ и въ воспоминаніяхъ М. А. Юнакова, также какъ и дѣятельность Мих. Алекс. начальникомъ строевой части Морского Корпуса въ Бизертѣ, и повторять ихъ не представляетъ надобности.

Въ 1922 г. Мих. Алекс. прибылъ въ Нью-Йоркъ. Съ его пріѣздомъ, объединеніе морскихъ офицеровъ, прибывающихъ въ США, главнымъ образомъ въ Нью-Йоркъ, начало подвигаться быстрымъ темпомъ. Образовалась инициативная группа, во главѣ которой всталъ Мих. Алекс. По его инициативѣ къ объединенію была привлечена группа «Звено», состоявшая изъ его воспитанниковъ, произведенныхъ въ офицеры въ 1920 г., которая влилась въ О-во бывшихъ Русскихъ Морскихъ Офицеровъ, въ которомъ Мих. Алекс. былъ выбранъ предсѣдателемъ, на должности коего онъ пробылъ до конца 1925 г. Впослѣдствіи Мих. Алекс. былъ избранъ Почетнымъ членомъ О-ва.

О своемъ пребываніи въ США Мих. Алекс. вспоминаетъ: «По прибытіи въ Нью-Йоркъ, послѣ первыхъ неувѣренныхъ шаговъ я нашелъ свою линію работы на муниципальной службѣ, на которую былъ принятъ помощникомъ инженера на постройку туннеля, проходящаго подъ рѣкой. Въ 1930 г. я женился на Mrs. Claire Redeker. Вскорѣ послѣ этого началась депрессія и я «временно» лишился службы. Мнѣ удалось устроиться на съемку плантаціи въ горахъ Колумбіи, подъ самымъ экваторомъ. Послѣ трехъ лѣтъ пребыванія въ Южной Америкѣ я вернулся въ Нью-Йоркъ и получилъ обратно свое прежнее мѣсто; такъ какъ продвиженіе на муниципальной службѣ зависело отъ конкурсныхъ экзаменовъ, я засѣлъ за книги и успѣшно выдержалъ нѣсколько экзаменовъ, что позволило мнѣ продвинуться по службѣ и получить работу по

постройкѣ дамбы въ горахъ неподалеку отъ Нью-Йорка. Мы устроились тамъ очень хорошо, но началась война и съ ея развитіемъ начались затрудненія съ нехваткой матерьяловъ и рабочей силы. Поэтому проектъ былъ вскорѣ пріостановленъ, а я былъ въ пути къ новому мѣсту службы — топографическимъ инженеромъ въ U. S. Naval Mine Depot Yorktown, Virginia. U. S. Naval Mine Depot — Минный городокъ, по нашимъ прежнимъ понятіямъ величиной съ порядочный портъ, являлся главнымъ центромъ производства и снабженія всего американскаго флота минами, торпедами, аэро-бомбами и т. п. Я прибылъ туда въ самый разгаръ войны, когда въ Депо кипѣла лихорадочная работа. Приблизительно 12000 чел. работали на три смѣны, семь дней въ недѣлю. Мой начальникъ, отличный и опытный инженеръ, немедленно возложилъ на меня часть своей работы. Кромѣ этой живой дѣятельности, еще одно обстоятельство оставило мнѣ пріятныя воспоминанія: со мною работали въ качествѣ чертежниковъ и членовъ съемочныхъ партій группы матросовъ, большей частью съ 2-3 годами инженернаго образованія, прерваннаго войной. Съ этими молодыми людьми у меня быстро установились отношенія, похожія на взаимоотношенія въ прошломъ съ гардемаринами, которыхъ они мнѣ очень напоминали. Они часто бывали у насъ въ домѣ, жена кормила ихъ обѣдами, устраивала пикники, а они повѣряли свои горести и радости и, долго еще послѣ войны, мы получали отъ нихъ письма съ фотографіями невѣстъ и новыхъ семействъ.

Война кончилась, и надо было опять двигаться. Мы рѣшили въ Нью-Йоркъ не возвращаться, и я устроилъ себѣ переводъ въ U. S. Bureau of Reclamation, Dept. of Interior. Это учрежденіе занимается развитіемъ орошеній сухихъ земель въ западныхъ штатахъ, предпринявшее грандіозный проектъ ирригаціи. Послѣдніе 7 лѣтъ я провелъ на такъ называемомъ Columbia Basin Project, на должности помощника инженера секціи, задача которой была подробное планированіе всѣхъ ирригаціонныхъ каналовъ и была расположена около городка Меса, неподалеку отъ нашего лагеря.

Въ 1955 г. мы отпраздновали нѣсколько годовщинъ: въ февралѣ — 50-лѣтній юбилей со времени производства нашего выпуска, въ августѣ — нашу серебряную свадьбу, очень трогательно отмѣченную всѣми нашими друзьями и, наконецъ, въ сентябрѣ мнѣ минуло 70 лѣтъ. Въ 1956 г. я вышелъ въ отставку, къ тому же мое здоровье стало сдавать: доктора

нашли артеріо-склерозъ и расширеніе клапана сердца — ничего угрожающаго, просто я сталъ быстро уставать и почувствовалъ свой возрастъ. Начальство и сослуживцы устроили мнѣ очень трогательные проводы, на которыхъ присутствовали всѣ мои начальники и рабочіе и, кромѣ личныхъ подарковъ, мнѣ вручили такъ называемую Citation подписанную Secretary of Interior и бронзовую медаль».

Послѣдніе годы Мих. Алекс. съ супругой перебрались во Флориду, гдѣ поселились въ городѣ Маунтъ Дора.

Въ лицѣ М. А. Китицына ушелъ въ лучшій міръ совершенно исключительный по своимъ душевнымъ качествамъ человѣкъ, совмѣщавшій въ себѣ цѣлый рядъ добродѣтелей.

Мих. Алекс. былъ исключительно обаятельный человѣкъ ровнаго, спокойнаго и выдержаннаго характера, всегда державшійся съ достоинствомъ, какъ со старшими въ чинѣ, такъ и съ подчиненными. Скорѣе замкнутый и молчаливый, онъ имѣлъ мало близкихъ друзей, но зато не было никого, кто бы сказалъ о немъ что-нибудь дурное. О себѣ и своихъ заслугахъ онъ предпочиталъ не говорить, не любилъ выдѣляться и никогда не имѣлъ какой-нибудь мысли о личной выгодѣ.

По отношенію къ подчиненнымъ Мих. Алекс. всегда былъ заботливъ и справедливъ и неизмѣнно пользовался ихъ любовью и довѣріемъ. Онъ не принималъ необдуманныхъ рѣшеній и умѣлъ, не подрывая своего авторитета, поощрять своихъ подчиненныхъ высказывать свои мнѣнія и обсуждать создавшуюся обстановку. Послѣ этого онъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, принималъ рѣшенія безъ всякихъ колебаній и доводилъ ихъ до благопріятнаго конца. Судьба ему часто благоволила. Принимая отвѣтственность, онъ всецѣло выносилъ ее на своихъ плечахъ, упорно преодолѣвая всѣ препятствія.

Мих. Алекс. былъ искренній русскій патріотъ и глубоко религіозный человѣкъ, беззавѣтно преданный флоту. Мих. Алекс. оставилъ по себѣ теплую память, и нѣтъ человѣка, который не горевалъ бы о его смерти.

Миръ праху его . . . Вѣчная ему память . . .

Г. Н. Таубе.

Михаилъ А. Юнаковъ, выпуска Морского Училища 1920 г. — «Китицынскаго».

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О КАПИТАНѢ 1-ГО РАНГА МИХАИЛѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ КИТИЦЫНѢ

Въ своихъ воспоминаніяхъ я не буду касаться прохожденія службы Михаиломъ Александровичемъ, т. е. его служенія России, Императорскому флоту, и его подвиговъ въ 1-ую Міровую войну, а постараюсь только охватить періодъ времени съ 1917 года по 1922 годъ включительно, когда я плавалъ и учился подъ его начальствомъ.

Многое исчезло изъ памяти и запомнились только отдѣльные моменты, которые, можетъ быть, не покажутся читателю особенно важными для некролога, но они почему-то такъ врѣзались въ память, какъ будто произошли совсѣмъ недавно. Вспоминается мнѣ 1917 революціонный годъ, когда я впервые встрѣтился съ Михаиломъ Александровичемъ. Это было въ О. Г. К. Войдя въ ротное помѣщеніе, я увидѣлъ офицера съ нашивками капитана 2-го ранга на тужуркѣ, безъ нагрудныхъ знаковъ, но съ многоговорящимъ орденомъ Св. Георгія. Всѣхъ проходящихъ мимо него онъ окидывалъ пытливымъ и проницательнымъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ. Видно было, что онъ знакомился съ нами. Мы всѣ, конечно, догадывались, что это Завѣдующій Обученіемъ гар-

демаринъ въ предстоящемъ намъ плаваніи, пріѣзда котораго мы ожидали. Вскорѣ былъ сыгранъ «сборъ», въ роту пришелъ адмиралъ Фроловъ, который представилъ намъ нашего будущаго начальника, капитана 2-го ранга Китицына. Послѣ команды «разойтись», тѣ изъ насъ, кто были посмѣлѣе, подошли къ нему, и постепенно онъ былъ окруженъ нами. У всѣхъ насъ было много всякихъ вопросовъ, касающихся предстоящаго плаванія, и, конечно, было много всякихъ вопросовъ политическаго характера, такъ какъ въ скоромъ времени ожидался созывъ Учредительнаго Собранія. На всѣ вопросы мы получили короткіе и ясные отвѣты, а что касается политическаго положенія, то Михаилъ Александровичъ сказалъ слѣдующее: «. . . для меня лично конституціонная монархія была бы болѣе пріемлема и желательна, но принимая во вниманіе настроеніе массъ . . . лучше будетъ, если будетъ республика. Наше дѣло не политика, а служба на флотѣ, къ которой вы должны готовиться». Сказавъ это, Михаилъ Александровичъ посмотрѣлъ на насъ своимъ пытливымъ взглядомъ, какъ бы желая убѣдиться, дошло ли это до насъ. Во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ разговорахъ съ нами Михаилъ Александровичъ предостерегалъ насъ отъ какихъ-либо политическихъ выступленій, которыя могли бы быть истолкованы нашими врагами какъ явное нежеланіе подчиняться новымъ порядкамъ. Насколько мнѣ помнится, никакихъ политическихъ инцидентовъ ни въ Петроградѣ, ни во Владивостокѣ, не было. Единственно, во время пути, гдѣ-то за Омскомъ, нашъ часовой Эдмундъ Іодковскій (кап. 2 р. Польскаго флота, погибъ въ Катыни) сгоряча огрѣлъ прикладомъ какого-то солдата дезертира, который нахально лѣзъ въ гардемаринскій вагонъ. Но это прошло какъ-то незамѣчено, и никакихъ запросовъ со стороны эшелонскаго комитета не послѣдовало.

Нужно сказать, что нашъ выпускъ состоялъ изъ гардемаринъ б. Морского Е. И. В. Н. Ц. Училища и изъ гардемаринъ 3-ей роты Отдѣльныхъ Гардемаринскихъ Классовъ. Пріемъ въ ОГК считался демократическимъ, т. к. въ немъ былъ какой-то процентъ не дворянъ, а можетъ быть даже и большинство. Начальство, повидимому, боялось, что между гардемаринами будетъ постоянная вражда, и поэтому Михаилъ Александровичъ использовалъ все свое вліяніе на насъ, чтобы въ зародышѣ пресѣчь даже разговоры о соціальномъ

происхожденіи. Это ему легко удалось и, какъ я помню, никакой розни между нами не было, и къ моменту отъѣзда изъ Петрограда выпускъ представлялъ собой монолитную массу, въ которой соединились Морское Е. И. В. Н. Ц. Училище и Отдѣльные Гардемаринскіе Классы, т. е. тѣ Военно-Морскія учебныя заведенія, которыя давали Императорскому Флоту и Россіи одинаково доблестныхъ молодыхъ офицеровъ. Съ первыхъ же дней гардемарины убѣдились, что ихъ ведетъ офицеръ, умѣющій командовать и требовать, и, какъ это ни странно, среди насъ въ это время не было недовольныхъ, и всѣ какъ-то незамѣтно подчинились твердой волѣ опытнаго командира подводной лодки. Нельзя сказать, что у насъ не было никакихъ проступковъ — иногда мы причиняли ему много огорченій, въ особенности въ первое время, но число такихъ проступковъ все уменьшалось.

Во время 1-ой Міровой войны гардемаринскія роты Морского Училища и Отдѣльныхъ Гардемаринскихъ Классовъ ходили въ плаваніе на Дальнемъ Востокѣ. Проѣздъ черезъ Манчжурію обыкновенно сопровождался «чрезмѣрнымъ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ». У начальства отъ этого «болѣла голова», также какъ и у гардемаринъ, но бороться съ этимъ было почти невозможно, т. к. это стало гардемаринской традиціей. Нашъ выпускъ тоже отличился и, по словамъ трезвенниковъ, нельзя было сказать, что мы вели себя прилично. Какъ же реагировалъ на это безобразіе кап. 1 р. Китицынъ? Помню что было холодное раннее утро на какой-то станціи Манчжуріи. Горнистъ сыгралъ «большой сборъ», по которому не проснувшіеся послѣ загула гардемарины выходили на перронъ, на ходу заправляя голландки и застегивая буршлаты. Михаилъ Александровичъ уже давно ходилъ по перрону и дожидался, когда всѣ соберутся. Не такъ много было словъ, но зато было много сказано. Михаилъ Александровичъ пригрозилъ намъ, что по прибытію во Владивостокъ онъ пошлетъ рапортъ о случившемся въ Министерство и откажется вести заграницу такую недисциплинированную массу распущенныхъ молодыхъ людей, недостойныхъ гардемаринскаго званія. Опасность была серьезная, и поэтому была послана къ Михаилу Александровичу депутація съ объясненіями и извиненіями, которую Михаилъ Александровичъ, за всѣхъ насъ, какъ слѣдуетъ «продраилъ съ пескомъ». Нашъ комитетъ вернулся съ кислыми физіономіями, но въ результатѣ

дебоширство прекратилось и мы благополучно доѣхали до Владивостока.

Учась съ десятилѣтняго возраста въ Нижегородскомъ кадетскомъ корпусѣ и, впослѣдствіи, въ Морскомъ Е.И.В.Н.Ц. Училищѣ, я никогда не встрѣчалъ такого прекраснаго педагога и офицера-воспитателя, какимъ былъ Михаилъ Александровичъ, который почти никогда не накладывалъ взысканій, но зато каждый провинившійся уходилъ отъ него безъ злобы и съ полнымъ сознаніемъ своей вины. Послѣ моего ухода изъ флота я выбралъ себѣ новую профессію и сдѣлался педагогомъ-профессіоналомъ. Долженъ сказать, что въ продолженіе своей почти 30-лѣтней педагогической дѣятельности я не одинъ разъ убѣждался въ правильности воспитательныхъ методовъ Михаила Александровича, т. е. что сначала нужно добиться вліянія надъ подчиненными или учащимися, а потомъ искренностью своихъ убѣжденій доказать всѣмъ, что все то, что требуется отъ нихъ, является необходимостью. Идея Михаила Александровича была: военно-морская идея, служба на флотѣ и Россіи. Вліяя на насъ, онъ добился того, что мы всѣ мечтали о днѣ возрожденія русскаго флота. Идея Михаила Александровича стала идеей выпуска, и всѣ его приказы, короткіе, четкіе и ясные исполнялись всегда безпрекословно. Передъ началомъ заграничнаго плаванія навѣрное не только у меня одного появлялась мысль: а не лучше ли будетъ на все это плюнуть и уйти на-сторону и сказать всему народу — идите и служите сами! Большинство изъ насъ плавало на судахъ дѣйствующаго флота, и поэтому мы всю эту разруху видѣли и воочію убѣдились, что сдѣлать уже ничего нельзя. Помнится мнѣ, что во время плаванія на вспом. крейсерѣ «Орелъ» какъ-то къ нашей разговаривающей группѣ подошелъ боцманъ — старый служака. Не помню сейчасъ, о чемъ мы говорили, но въ концѣ разговора боцманъ, посмотрѣвъ на насъ всѣхъ, сказалъ — «А вы, г-да гардемарины, навѣрное уйдете изъ флота, когда кончится война! Очень будетъ жаль, но можетъ быть еще все наладится, нужно только немного потерпѣть». И такая грусть была видна въ глазахъ вѣрнаго служаки.

Изъ всего нашего выпуска ушло добровольно только нѣсколько человѣкъ въ Петроградѣ, до пріѣзда Михаила Александровича. Нѣкоторые были отчислены во Владивостокѣ послѣ возвращенія изъ плаванія, но это не было рѣшені-

емъ самого Михаила Александровича, а постановленіемъ учебно-воспитательнаго совѣта, въ которомъ было много новыхъ блестящихъ офицеровъ-спеціалистовъ, но не плававшихъ съ нами и, поэтому, и мы были для нихъ пока еще чуждыми и они насъ не понимали. Всѣ отчисленные остались на флотѣ, были произведены въ офицеры и доблестно сражались въ Волжско-Камской флотиліи и во Владивостокѣ въ Сибирской флотиліи при Меркуловскомъ правительствѣ. Произошла, конечно, ошибка, которая не случилась бы если бы кап. 1 р. Китицынъ не растерялъ всѣхъ своихъ ближайшихъ помощниковъ и нашихъ любимцевъ, которые имѣли на насъ очень большое вліяніе, какъ, напримѣръ, лейтенантъ Краузе, умершій въ Японіи передъ самымъ пріѣздомъ во Владивостокъ, стар. лейт. Ѳеодосьевъ, который былъ назначенъ командиромъ «Шилки» и ушелъ въ Крымъ, стар. лейт. А. Степановъ, который уѣхалъ въ Волжско-Камскую флотилію и другіе.

Несмотря на всѣ потери — вольныя и невольныя — выпускъ нашъ свою монолитность не потерялъ, и всѣ ушедшіе въ Петроградѣ и Владивостокѣ, будучи уже въ эмиграціи, вернулись въ свой — «Китицынскій» — выпускъ. Поразительное вліяніе Михаилъ Александровичъ оказывалъ даже и на команду, которая его сравнительно мало знала. Я помню многолюдное общее собраніе командъ учебнаго отряда, состоявшаго изъ миноносцевъ «Громкій», «Бойкій» и вспом. крейсера «Орелъ». Очень вліятельной группой среди матросовъ были ярые большевики, которые держали всѣхъ въ рукахъ. Матросамъ не нравилось, что офицеры на бѣлыхъ кителяхъ носятъ черные погоны съ нашивками. Общее собраніе потребовало объясненій отъ «товарища» кап. 1 р. Китицына. Михаилъ Александровичъ объяснилъ, что это наплечные знаки, значенія погонъ не имѣющіе. Поднялись споры съ упоминаніемъ проклятаго царскаго режима и золотыхъ погонъ. Михаилъ Александровичъ, поднявшись, сказалъ, не обращаясь ни къ кому: «Вы всѣ здѣсь противъ этихъ, такъ называемыхъ, черныхъ погонъ. Хорошо, я ихъ отмѣню, но неужели для васъ будетъ пріятно, когда вашъ офицеръ отправится съ визитомъ на иностранный корабль въ штатскомъ? Точной и опредѣленной формы у насъ до сихъ поръ нѣтъ и никто не знаетъ, когда она будетъ». Сказавъ это, Михаилъ Александровичъ оставилъ общее собраніе. Резолюція общаго собранія была ней-

тральная, несмотря на предложенія большевиковъ. Происходило это въ Гонконгѣ, откуда скоро они списались и ушли въ Россію.

Во время нашей стоянки въ Гонконгѣ, проѣздомъ въ Японію, остановился адмиралъ Колчакъ. Всѣ офицеры-черноморцы во главѣ съ Михаиломъ Александровичемъ встрѣтились съ нимъ въ отелѣ на берегу. Въ это время въ Сибири уже выступалъ противъ большевиковъ атаманъ Забайкальскаго казачьего войска есаулъ Семеновъ, но никакой точной информаціи не было. Не знаю и не помню, о чемъ говорили наши офицеры съ адмираломъ, но, кажется, не послѣднее мѣсто занималъ вопросъ о возможности борьбы съ большевизмомъ. Адмиралъ въ то время кажется былъ весьма скептически настроенъ и въ побѣду надъ революціонной арміей не вѣрилъ.

Съ момента прихода Учебнаго отряда въ Гонконгъ началось полное разложеніе команды; отчасти этому помогла встрѣча, которую намъ оказали англичане. Навстрѣчу учебному отряду вышелъ англійскій крейсеръ, который, по боевой тревогѣ, навелъ на насъ всю свою артиллерію. То же самое сдѣлали и береговые форты крѣпости. Послѣ нѣсколькихъ часовъ переговоровъ и отвѣтовъ на вопросы, какому правительству мы подчиняемся, куда мы идемъ и по чьему приказанію, насъ впустили на внутренній рейдъ, но поставили корабли на бочки на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Друзья наши изъ команды все время доносили, что въ командѣ большое недовольство офицерами и нѣкоторыми гардемаринами, и вполнѣ возможно, что дойдетъ до самосуда, если корабли выйдутъ въ море. Мы — гардемарины — психологически не были готовы къ такой борьбѣ и каждому изъ насъ казалось чудовищной мысль, что кто-то изъ насъ долженъ быть брошенъ за бортъ русскими матросами. Офицеры насъ успокаивали и увѣряли, что все будетъ хорошо. Дѣйствительно, съ нѣкотораго времени мы замѣчали, что Михаилъ Алекс. гулялъ по лѣвымъ шканцамъ и о чемъ-то совѣщался то съ однимъ, то съ другимъ офицеромъ, по своей привычкѣ взявъ его за локоть. Мы чувствовали, что что-то куется, но не знали что. Но развязка скоро пришла. Въ одинъ солнечный день къ вечеру пришелъ англійскій вспомогательный крейсеръ «City of London», а нашимъ миноносцамъ было приказано стать на бочки ближе къ «Орлу». На слѣдующій день къ «Орлу» по-

дошелъ катеръ, у котораго на носовомъ флагштокѣ развѣвался флагъ русскаго генеральнаго консула. Команда была поставлена во фронтъ, и консулъ объявилъ, что желающіе списаться въ Россію должны немедленно приготовиться и со своими вещами перейти на англійскій вспомогательный крейсеръ для слѣдованія во Владивостокъ. За исключеніемъ одного унтеръ-офицера всѣ матросы и четыре гардемарина перешли на вспомог. крейсеръ. Наступила новая эра. Нашъ аккредитивъ былъ закрытъ, и мы должны были превратить нашъ «Орелъ» въ самаго обыкновеннаго купца и возить грузы. Миноносцы были поставлены въ ковшѣ Cowloon'а и сдѣлались нашей временной базой, на которой жили гардемарины, если почему-нибудь не шли въ очередной рейсъ въ Хайфонгъ или Сайгонъ.

Еще до нашего перваго самостоятельнаго похода что-то такое случилось въ каютъ-компаніи, что заставило Михаила Александровича покинуть «Орелъ». Объ его отъѣздѣ знала только 8-я смѣна, отвозившая Михаила Александровича на берегъ, но, исполняя его строгое приказаніе, она никому ничего не сказала. Когда же объ этомъ узнали всѣ гардемарины, было поздно — Михаилъ Александровичъ былъ уже въ Японіи.

Сначало все шло какъ будто хорошо. «Орелъ» ходилъ въ регулярные рейсы Гонконгъ — Хайфонгъ — Сайгонъ и обратно. Миноносецъ «Громкій» былъ переданъ французамъ во временное пользованіе, а вся артиллерія «Орла» со снарядами была сдана французамъ на храненіе. Одни эти факты уже не нравились гардемаринамъ, и начался ропотъ. Не хочу никого обвинять и, можетъ быть, противники Михаила Александровича были по-своему правы, но мы-то въ то время думали иначе. Изъ Россіи приходили извѣстія, что какіе-то никому неизвѣстные чехословаки выступили противъ большевиковъ и продвигаются по сибирской магистрали по направленію къ Владивостоку. Было ясно, что въ Россіи назрѣваютъ какія-то событія, къ которымъ мы не можемъ относиться безучастно, съ чѣмъ соглашались и поддерживали насъ сторонники Михаила Александровича. Изъ каютъ-компаніи въ Харбинъ отправился лейт. Шестаковъ, который вернулся черезъ нѣсколько недѣль и привезъ информацію о положеніи на К. В. Ж. Д. И послѣ этого началось списываніе съ полнаго одобренія офицеровъ-сторонниковъ Михаила Александрвича. Командиръ «Орла» всячески препятствовалъ

списыванію, но остановить его не могъ. Мнѣ, напримѣръ, съ большимъ скандаломъ удалось списаться. Изъ-за того, что я былъ единственнымъ радіо-телеграфистомъ, командиръ не хотѣлъ меня отпускать и даже погрозилъ мнѣ арестомъ, если я буду особенно настойчивымъ, и только благодаря помощи лейт. Краузе я былъ въ концѣ-концовъ отпущенъ. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда всѣ гардемарины были списаны на берегъ на мысъ Сенъ-Жакъ около Сайгона, гдѣ начались регулярныя занятія, которыя, конечно, принесли имъ пользу. Мы же, находясь въ Харбинѣ въ морскомъ отрядѣ кап. 2 р. Безуара, съ нетерпѣніемъ ждали переворота во Владивостокѣ, чтобы отправиться туда. Осенью 1918 года власть отъ эсэровъ перешла въ правыя руки безъ единаго выстрѣла и мы всѣ были переведены въ распоряженіе Михаила Александровича, который къ тому времени уже прибылъ изъ Японіи. Всѣ гардемарины были временно помѣщены въ морскихъ казармахъ. Ожидали скораго прибытія всѣхъ гардемаринъ съ мыса Сенъ-Жакъ и съ «Орла» и окончанія ремонта въ Шефнеровскихъ казармахъ, гдѣ мы должны были жить и учиться. И здѣсь произошла моя вторая встрѣча, которая, какъ и первая, особенно врѣзалась мнѣ въ память. Я возвратился изъ отпуска и, войдя въ наше временное помѣщеніе, опять увидѣлъ Михаила Александровича, окруженнаго гардемаринами съ радостными физіономіями. Я отдалъ честь. «Здравствуйте, Юнаковъ», услышалъ я знакомый голосъ. Пріятно было отъ сознанія, что Михаилъ Александровичъ такъ хорошо помнитъ насъ по фамиліямъ и опять съ нами.

Вскорѣ Шефнеровскія казармы были готовы, мы переѣхали туда и начались регулярныя занятія. Было открыто Морское Училище, начальникомъ котораго былъ назначенъ кап. 1 р. М. А. Китицынъ. Ему удалось собрать прекрасныхъ преподавателей изъ офицеровъ флота, и мы за это время пріобрѣли дѣйствительно много знаній. Изрѣдка мы выходили въ море на миноносцахъ и другихъ судахъ Сибирской флотиліи для участія въ десантныхъ операціяхъ, такъ какъ уже началось партизанское движеніе. Въ этихъ короткихъ плаваніяхъ мы обыкновенно несли службу спеціалистовъ, т. к. команды были совсѣмъ неопытныя и необстрѣлянныя.

Весной 1919 года въ Морское Училище начали прибывать молодые люди, окончившіе среднія учебныя заведенія,

и кадеты сухопутныхъ корпусовъ, которые, послѣ медицинскаго осмотра были приняты въ 3-ю гардемаринскую роту. Рота получилась блестящая. Въ то же самое время былъ сформированъ учебный отрядъ, состоявшій изъ бывшей кан. лодки «Манчжуръ», пос. судовъ «Якутъ», «Улиссъ» и «Діомидъ». На «Манчжуръ» была назначена 3-я младшая гардемаринская рота, остальныя же суда были назначены въ сѣверное плаваніе на Камчатку со всемъ нашимъ выпускомъ. Наше плаваніе было очень тяжелое во всѣхъ отношеніяхъ, но зато мы имѣли очень много штурманскихъ занятій и пріобрѣли морской опытъ. Кораблями командовали прекрасные офицеры и съ извѣстными во всемъ флотѣ штурманами. Послѣдній походъ отряда былъ въ Анадырскій заливъ, откуда пос. судно «Якутъ» ушло въ Номъ на Аляскѣ. Изъ Петропавловска я ушелъ на пароходѣ Добровольнаго флота «Тобольскъ» во Владивостокъ, такъ какъ получилъ назначеніе инструкторомъ на «Манчжуръ» въ 3-ю гардемаринскую роту. Здѣсь мнѣ пришлось познакомиться съ новыми гардемаринами, которые искренно привязались къ Михаилу Александровичу и питали къ нему тѣ же чувства, что и мы. Въ этомъ отношении мы были все время едины и остались такими и по сей день. Будучи вахтеннымъ начальникомъ на «Манчжурѣ», одинъ разъ мнѣ пришлось встрѣчать Михаила Александровича со всѣми почестями, полагающимися по Морскому Уставу начальнику отдѣльнаго отряда судовъ. Моментъ, который оставилъ неизгладимое впечатлѣніе на всю жизнь и который позабыть нельзя. Осенью 1919 года, по просьбѣ Чехословацкаго командованія, было принято въ Морское Училище около 20-ти чехословаковъ, которые сразу же были отправлены на мѣсяцъ въ плаваніе на «Діомидѣ». Со многими изъ нихъ мнѣ приходилось встрѣчаться въ Прагѣ и всѣ они съ удовольствіемъ вспоминали свое короткое, но весьма бурное плаваніе, т. к. одинъ разъ попали въ штормъ и потеряли гротъ-мачту. Командиръ «Діомида» вошелъ въ одну изъ бухтъ, срубилъ подходящее дерево и судовыми средствами и силами поставилъ новую мачту. Этотъ фактъ постановки новой мачты почему-то гардемарины чехословаки особенно любили вспоминать. Всѣ они были старше насъ лѣтъ на 5-8, но всѣ, одинаково съ нами, любили и уважали кап. 1 р. Китицына. Особенно они были растроганы, когда въ день ихъ національнаго праздника былъ сыгранъ «большой сборъ», на

фокъ-мачтѣ со всѣми почестями былъ поднятъ національный чехословацкій флагъ и Михаилъ Александровичъ, обходя фронтъ и здороваясь со всѣми, поздоровался съ отдѣльно стоявшими чехословаками и поздравилъ ихъ съ праздникомъ. Въ отвѣтъ раздалось красивое и воинское «Здаръ!». Вскорѣ послѣ этого, кажется въ Коломбо, мы съ ними разстались, т. к. всѣ они пересѣли на чехословацкій транспортъ для слѣдованія на родину.

Въ концѣ 1919 года во Владивостокѣ назрѣвалъ очередной переворотъ; бѣлаго фронта уже не существовало, а во всемъ Приморьѣ господствовали партизанскіе отряды, грабившіе и терроризировавшіе населеніе. Выпуску пришлось принять участіе во многихъ десантныхъ операціяхъ, которыя не всегда кончались благополучно. Напримѣръ, одна изъ нихъ, въ бухту Находка, могла окончиться болѣе трагично, если бы красные выдержали и не выдали себя. Мы потеряли командира «Магнита» ст. лейт. Жеденова, его старшаго помощника и прапорщика Артемьева, бывшаго нашего гардемарина. У Михаила Александровича былъ простреѣлянъ плащъ и пуля поцарапала руку. Правда, по свѣдѣніямъ, которыя мы получили, красные партизаны понесли большія потери отъ нашего пулеметнаго огня. Вообще же, военныя власти часто высаживали десанты безъ подготовки и совершенно не разбираясь въ обстановкѣ. Михаилъ Александровичъ берегъ Морское Училище, и на авантюру его невозможно было уговорить.

Послѣ возстанія чешскаго генерала Гайда во Владивостокѣ стало тревожно. Михаилъ Александровичъ былъ очень занятъ и по цѣлымъ днямъ куда-то исчезалъ; по всей вѣроятности онъ уже въ это время подготовлялъ эвакуацію, а для насъ «новое заграничное плаваніе». Михаилъ Александровичъ и раньше, когда жилъ въ Морскомъ Училищѣ, исчезалъ, и иногда у насъ была боязнь за его безопасность, т. к. онъ никогда не носилъ съ собой оружія. Однажды, поздно вечеромъ, въ нашу курилку вошелъ Котъ (Е. Котовичъ), который дежурилъ по ротѣ, и сказалъ: «А Кита опять нѣтъ! И гдѣ это онъ пропадаетъ?» Несмотря на то, что онъ сказалъ это спокойно, все же въ голосѣ его была слышна тревога, которая передалась всѣмъ присутствующимъ. Моментально, съ разрѣшенія дежурнаго офицера, было отправлено нѣсколько вооруженныхъ гардемаринъ на розыски. Оказалось, что нашъ «Китъ» благодушествовалъ въ домѣ Т., напротивъ Училища.

Къ концу 1919 года Владивостокъ былъ окруженъ партизанами. Верховный Правитель адмиралъ Колчакъ фактически былъ отдѣленъ отъ Сибирской арміи, отступавшей на востокъ. Во Владивостокѣ же не было никакихъ воинскихъ частей кромѣ офицерской школы Нокса на Русскомъ островѣ. Наше положеніе казалось безвыходнымъ. Защищать Владивостокъ отъ насѣдавшихъ партизанъ, даже при содѣйствіи офицерской школы Нокса, мы не смогли бы. По воспоминаніямъ моихъ однокашниковъ Михаилъ Александровичъ говорилъ, что мы никуда не будемъ отступать и останемся во Владивостокѣ. «Можетъ быть нѣкоторыхъ изъ насъ разстрѣляютъ, но не всѣхъ, а остальные будутъ служить во флотѣ», говорилъ онъ во всеуслышаніе. Никто ничего не понималъ сначала, но скоро всѣ поняли. Эти разговоры были только для нашихъ враговъ. По приказу Командующаго Сибирской флотиліей былъ образованъ отрядъ судовъ особаго назначенія подъ командой капитана 1 ранга М. А. Китицына. Михаилъ Александровичъ издалъ короткій приказъ, который былъ вывѣшенъ въ городѣ. Въ 5 час. утра 30 января 1920 года я былъ посланъ, вмѣстѣ съ Н. Алитовскимъ, съ приказомъ о посадкѣ на суда къ ст. лейт. М. М. Кореневу и къ кап. 2 р. Е. П. Винокурову, командиру «Улисса». Отконвоировавъ семьи этихъ офицеровъ на «Якутъ», мы съ Алитовскимъ возвратились въ Морское Училище. Всегда вспоминаю съ благодарностью эти двѣ морскія семьи, принимавшія насъ, бездомныхъ гардешковъ, какъ родныхъ. Къ вечеру 30 января всѣ склады Морского Училища были перевезены на «Орелъ», уголь былъ погруженъ и весь отрядъ, въ составѣ вспом. крейсера «Орелъ» и пос. судна «Якутъ» былъ готовъ къ выходу въ море. На портовый ледоколъ былъ посланъ караулъ, т. к. его командиръ отказался добровольно исполнить приказъ очистить отъ льда фарватеръ для прохода отряда.

Рано утромъ, часовъ въ 5, 31 января 1920 года отрядъ снялся и вышелъ въ море. Очиститъ фарватеръ, ледоколъ былъ отпущенъ, а нашъ караулъ перешелъ на «Орелъ». На всякій случай были приготовлены орудія и пулеметы, т. к. ожидали, что насъ начнетъ обстрѣливать красная батарея на Русскомъ островѣ, но ничего не случилось, и отрядъ спокойно покинулъ гостепріимный Владивостокъ. И такъ мы опять оказались въ «заграничномъ плаваніи». Хотя мы и шли въ полную неизвѣстность, но никто изъ насъ не тревожился. Всѣ мы вѣ-

рили Михаилу Александровичу и въ его счастливую звѣзду, но, конечно, предвидѣли всѣ трудности, которыя намъ придется преодолѣть.

Послѣ довольно тяжелаго похода отрядъ благополучно дошелъ до Цуруги, гдѣ началось списываніе пассажировъ. Списался на берегъ и уѣхалъ въ Шанхай командиръ «Орла» кап. 1 р. П. и многіе другіе морскіе офицеры. За мѣсяцъ стоянки въ Цуругѣ на отрядѣ пассажировъ уже почти не осталось. Изъ Цуруги мы пошли въ Модзи и Симонесеки, гдѣ мы получили первый грузъ угля для доставки въ Гонконгъ. Во время нашей стоянки въ Модзи пришелъ пароходъ Добровольнаго флота «Пенза», на который прибыла делегація новой власти во Владивостокѣ. Делегація явилась на «Орелъ» и была принята Михаиломъ Александровичемъ. Не знаю, о чемъ делегація говорила съ Михаиломъ Александровичемъ, но по всей вѣроятности поднимался вопросъ о нашемъ возвращеніи во Владивостокъ. Въ заключеніе Михаилъ Александровичъ приказалъ вернуть снятые замки съ орудій на миноносцахъ. Делегація покинула «Орелъ» не солоно хлѣбавши, но все же была растрогана пріемомъ и разговоромъ съ Михаиломъ Александровичемъ, и «Пенза» отсалютовала намъ флагомъ, уходя изъ Модзи. Характерно было настроеніе интеллигенціи и, конечно, полуинтеллигенціи того времени на востокѣ. Всѣ эти делегаты, которые насъ посѣтили, и большая часть широкой общественности были настроены противъ бѣлыхъ, совсѣмъ не испытавши прелестей настоящей большевистской власти. Простой же народъ, по моимъ наблюденіямъ, былъ нейтраленъ. Поэтому-то мы такъ легко покинули Владивостокъ.

Вспоминается мнѣ такой характерный случай: я хотѣлъ узнать коммерческія позывныя радіостанціи «Орла», но не могъ ихъ найти ни въ архивѣ, ни въ вахтенномъ журналѣ радіорубки «Орла». Въ то время въ морѣ перекликались между собой нѣсколько пароходовъ Добровольнаго флота. Я, не долго думая, запросилъ одинъ изъ нихъ . Отвѣтъ былъ : «А ты что же, забылъ свое имя? Погоди, всѣхъ васъ судьба поставитъ на колѣни!» Конечно, насъ судьба не часто баловала, но все же почти навѣрное можно сказать, что судьба поставила моего собесѣдника по радіо не только на колѣни, но и на свое мѣсто. Съ уходомъ бѣлыхъ кончилась и спекуляція, отъ которой команды Добровольнаго флота богатѣли. Въ плаваніи намъ было трудно, приходилось работать, стоять

вахты строевыя и по спеціальности, но все шло гладко и безъ нарушенія дисциплины. Столъ, вобщемъ, былъ однообразный, быть можетъ не всегда обильный, но все же мы не голодали. Только денегъ было мало, и почти всѣ заработанныя деньги уходили на продовольствіе. Въ это время на «Орлѣ» была сформирована новая немногочисленная гардемаринская рота изъ добровольцевъ флота со среднимъ образованіемъ. Достать фрахтъ было очень трудно, т. к. уже начинался очередной кризисъ, и уголь вздорожалъ. Несмотря на всѣ трудности, всѣ на нашихъ корабляхъ были единодушны въ томъ отношеніи, что были убѣждены въ томъ, что все-таки нужно идти въ Европу, а можетъ быть и въ Крымъ. Въ каждомъ порту Михаилъ Александровичъ проводилъ цѣлые дни на берегу, обходя торговыя компаніи и предлагая свои услуги. Мы видѣли, какъ ему было тяжело, и иногда онъ возвращался съ берега мрачнѣе тучи. Конечно, коммерсанты пользовались нашимъ труднымъ положеніемъ и, если давали намъ фрахтъ, то по самымъ невыгоднымъ ставкамъ. Все же, несмотря на всѣ препятствія, мы добрались до Портъ Саида, гдѣ насъ ожидалъ новый сюрпризъ. Парижское правленіе Добровольнаго флота потребовало возвращенія «Орла». Въ то время существовало два правленія — одно изъ нихъ находилось на Востокѣ, другое — въ Парижѣ. И то и другое имѣли свои пароходы и, конечно, враждовали. Въ Портъ Саидѣ мы попали въ сферу вліянія Парижскаго правленія. Дипломатическій корпусъ, консула и агенты Добровольнаго флота пользовались еще нѣкоторымъ вліяніемъ у иностранцевъ, и для нихъ было легко добиться своего, т. е. сдачи «Орла». Всѣ они знали, что эвакуація Крыма неизбѣжна, и они ни за что не хотѣли пустить «Орелъ» въ Крымъ, зная, что онъ перейдетъ въ руки французовъ, а то, что изъ Крыма ушло бы на 4-5 тысячъ больше войскъ, имъ было все равно. Все же Михаилу Александровичу удалось отложить сдачу «Орла» и получить уголь для похода въ Дубровникъ. Уголь былъ данъ послѣ угрозы Михаила Александровича затопить корабль въ Суэцкомъ каналѣ, что, повидимому, особенно подѣйствовало на нашихъ «дипломатическихъ представителей». Не обошлось безъ недоразумѣній и съ нашей стороны. Командиръ «Якута» вышелъ изъ повиновенія, пересталъ отвѣчать на сигналы «Орла», рѣшивъ идти въ Севастополь самостоятельно. Не буду судить уже умершихъ виновниковъ этого неповино-

венія, т. к. причиной этого было состояніе здоровья главнаго виновника — командира «Якута» лейтенанта Р. который черезъ два года умеръ гдѣ-то въ больницѣ для душевно-больныхъ въ Тунисѣ. Второй виновникъ мичманъ С. застрѣлился въ Парижѣ. Остальные два офицера — мичманъ С. младшій и лейтенантъ Н. погибли при исполненіи служебнаго долга во время эвакуаціи войскъ генерала Врангеля.

Лейт. Р., командиръ «Якута», вобщемъ былъ блестящимъ офицеромъ и прекраснымъ штурманомъ, отъ котораго мы многому научились, но изъ-за неудачной семейной жизни онъ сдѣлался мрачнымъ, неразговорчивымъ и какимъ-то страннымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Недоразумѣніе съ «Якутомъ» рѣшили корабельные гардемарины по-своему очень быстро. По моему плану, около 10 часовъ вечера, съ разрѣшенія вахтеннаго начальника, мы взяли катеръ и подошли очень тихо къ «Якуту». У траповъ стояли часовые, которые насъ окликнули. Въ отвѣтъ на окликъ началась короткая перебранка съ вахтеннымъ начальникомъ, корабельнымъ гардемариномъ С. Несмотря на угрозы, катеръ присталъ къ баку «Якута» и снялъ почти-что всю команду за исключеніемъ необходимой вахты въ машинѣ. «Возстаніе» было ликвидировано. Весь офицерскій составъ «Якута» списался на берегъ, а вмѣсто нихъ были назначены новые офицеры. На другой день меня вызывалъ завѣдующій гардемаринами ст. лейт. Бунинъ и сказалъ мнѣ: «На васъ жалуется лейт. Р., что вы вчера вели себя какъ опричникъ». Я, конечно, только изъ приличія возразилъ, что въ своемъ поведеніи не вижу ничего предосудительнаго и позорнаго, а на самомъ дѣлѣ мнѣ пріятно было слышать такую почетную кличку.

По приходѣ отряда въ Дубровникъ начались опять переговоры о передачѣ «Орла» Добровольному флоту, и даже военно-морской агентъ въ Бѣлградѣ настаивалъ на этомъ. Зло побѣдило. «Орелъ» былъ переданъ Добровольному флоту и ушелъ съ грузомъ въ Александрію, а черезъ годъ былъ проданъ англичанамъ и плавалъ въ районѣ Гонконга. Пос. судно «Якутъ», подъ парадным вымпеломъ и съ большимъ кормовымъ флагомъ, ушло въ Севастополь. Помню Михаила Александровича на мостикѣ отходящаго «Якута» и даже помню пролетавшаго голубя, который почему-то рѣшилъ отдохнуть на плечѣ нашего любимаго начальника. Всѣ считали это хорошей примѣтой.

Нашъ выпускъ пробылъ въ Севастополѣ всего нѣсколько дней, а потомъ ушелъ въ «заграничное», на сей разъ послѣднее, плаваніе въ Бизерту. Одному изъ нашихъ однокашниковъ мичману Ч. даже не пришлось увидѣть Севастополя. Онъ былъ назначенъ въ Константинополѣ командиромъ катера, груженнаго патронами для арміи, и уже въ пути въ Севастополь встрѣтилъ въ морѣ покидавшую Севастополь эскадру.

На походѣ изъ Константинополя въ Бизерту двое изъ нашихъ корабельныхъ гардемаринъ Крыличевскій и Дунаевъ едва не утонули, т. к. французскій авизо, на который они были назначены для связи, налетѣлъ на скалистый берегъ какого-то острова въ Эгейскомъ морѣ и затонулъ. Нашего старика «Якута» тоже едва спасли, т. к. появилась вода въ кочегаркахъ.

По приходѣ въ Бизерту Михаилъ Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ строевой части Морского Корпуса и сталъ ближайшимъ помощникомъ директора адмирала Герасимова. Мой выпускъ остался цѣликомъ при корпусѣ и всѣ были назначены офицерами-воспитателями въ гардемаринскіе и кадетскіе роты.

Впослѣдствіи Михаилъ Александровичъ организовалъ при Русской Эскадрѣ въ Бизертѣ два офицерскихъ класса — подводнаго плаванія и артиллерійскій, который намъ всѣмъ удалось кончить и сдать репетиции по отдѣльнымъ предметамъ. Нужно сказать, что и преподаватели и мы, слушатели, работали съ энтузіазмомъ, зная, что Михаилъ Александровичъ придаетъ этимъ классамъ большое значеніе.

Французскія власти отъ времени до времени сокращали паекъ, чтобы заставить личный составъ покидать корабли и идти на работы. Къ нашему счастью, въ началѣ 1922 года пришло письмо съ приглашеніемъ отъ Чехословацкаго министерства иностранныхъ дѣлъ продолжать образованіе въ чехословацкихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Письмо было весьма сердечнымъ, и въ немъ говорилось о томъ гостепріимствѣ, которое оказало Морское Училище гардемаринамъ-чехословакамъ. Сборы были недолгіе, и черезъ двѣ недѣли мы уже были въ пути вмѣстѣ съ капитаномъ 1-го ранга Китицынымъ. Михаилъ Александровичъ довелъ эшелонъ до французско-германской границы и вернулся на эскадру. Не помню послѣднихъ словъ Михаила Александровича, т. к. поѣздъ недолго стоялъ на станціи, и даже не всѣмъ намъ удалось пожать ему руку на прощаніе.

Чехословакія приняла насъ по-братски и, если впослѣдствіи у кого-нибудь изъ насъ появилось разочарованіе, то это можно объяснить только растущей коммунистической пропагандой, старавшейся возстановить общественное мнѣніе противъ бѣлой эмиграціи.

По пріѣздѣ въ Чехословакію мы должны были сразу же записаться въ высшее учебное заведеніе. Всѣ выбрали себѣ техническія спеціальности, надѣясь въ будущемъ вернуться на флотъ уже инженерами. Началась студенческая, не всегда легкая жизнь. Поработать пришлось много и къ концу 1930 года почти всѣ стали инженерами-спеціалистами. Насколько мнѣ извѣстно, то же самое происходило и въ другихъ странахъ нашего разсѣянія и въ особенности въ Америкѣ.

Китицынскій выпускъ можетъ гордиться своими достиженіями, т. к. мы полностью выполнили пожеланія Михаила Александровича: учиться и готовиться къ службѣ на флотѣ.

Въ заключеніе, мнѣ хотѣлось бы задать вопросъ всѣмъ однокашникамъ: что случилось бы съ нами, если съ нами не было Михаила Александровича? Съ полной увѣренностью можно сказать, что многимъ изъ насъ пришлось бы сложить свои буйныя головы въ подвалахъ Чека.

Михаилъ Александровичъ любилъ, понималъ насъ и всѣ наши переживанія. О любви, конечно, на военной службѣ не принято говорить, но она чувствуется какъ подчиненными, такъ и начальствующими. И это чувствовали мы — подчиненные, и зналъ объ этомъ и нашъ любимый начальникъ Михаилъ Александровичъ Китицынъ. Вспоминается мнѣ одинъ случай, когда Михаилъ Александровичъ расчувствовался и проговорился. Случилось это послѣ похоронъ жертвъ нашего десанта противъ партизанъ въ бухтѣ Находка. Настроеніе было у всѣхъ подавленное. Послѣ вечерней молитвы Михаилъ Александровичъ собралъ насъ вокругъ себя, что онъ часто дѣлалъ, поблагодарилъ насъ за исполненіе воинскаго долга и въ заключеніе сказаъ: «Я очень горжусь вами, мои милые мальчики, а теперь идите спать спокойно и не грустите». Это было такъ искренно сказано, что навѣрное у всѣхъ у насъ внутри, какъ искра, пробѣжало такое же искреннее, теплое юношеское чувство преданности къ своему любимому начальнику.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ вдова М. А. Китицына писала мнѣ: "He always spoke with love of you all".

Мы знали, что Михаилъ Александровичъ любилъ свой выпускъ, но мы во Владивостокѣ какъ-то не замѣчали, что онъ слишкомъ много времени отдавалъ намъ, и у него не оставалось времени для своей личной жизни. Да развѣ можно было говорить о личной жизни, когда всѣ заботы о двухстахъ гардемаринахъ лежали на его плечахъ. Нужно было создавать и организовать буквально все, начиная съ учебной части и кончая даже собственнымъ рыболовнымъ хозяйствомъ на Русскомъ островѣ.

Нужно считать счастьемъ нашего выпуска, что завѣдывать нами былъ назначенъ капитанъ 1-го ранга Китицынъ, выпуска 1905 года. Михаилъ Александровичъ поэтому-то понималъ насъ такъ хорошо, что ему, какъ гардемарину и офицеру, пришлось пережить горечь неудачной войны съ Японіей, Цусиму и наконецъ разруху 1917 года. Для нашего выпуска въ это время нужна была твердая воля, авторитетъ и отеческое отношеніе. Все это мы нашли въ особѣ нашего любимаго начальника.

Какъ я уже упомянулъ, Михаилъ Александровичъ берегъ насъ, исполняя свою моральную обязанность передъ нашими близкими, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не боялся посылать насъ въ плаваніе на самыхъ утлыхъ судахъ Сибирской флотиліи. Выпускъ плавалъ дѣйствительно много и въ результатѣ далъ цѣлый рядъ капитановъ, помощниковъ капитановъ и лоцмановъ, и нѣкоторые изъ нихъ еще благополучно плаваютъ.

Не могу себѣ простить, что я такъ и не собрался повидаться съ Михаиломъ Александровичемъ. Занятые семейными дѣлами и различными заботами, мы совершенно забываемъ о годахъ, которые летятъ. Такъ это случилось со мною. Не пришлось мнѣ увидѣться съ Михаиломъ Александровичемъ. А такъ бы хотѣлось лично поблагодарить его и низко поклониться ему за все то, что было сдѣлано имъ для всѣхъ его выпускниковъ. Удалось мнѣ только побывать на его временной могилѣ и помолиться за упокой его души.

Вѣчная память нашему воспитателю и любимому начальнику капитану 1-го ранга Михаилу Александровичу Китицыну.

Михаилъ А. Юнаковъ,
выпуска Морского Училища 1920 г.
«Китицынскаго»

Я. В. Шрамченко

«ЖУТКІЕ ДНИ...»

АГОНІЯ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА.

Событія «Жуткихъ дней . . .» относятся къ октябрю, ноябрю и декабрю 1917 года и январю, февралю и марту 1918 года.

Свои воспоминанія я написалъ по памяти въ октябрѣ 1960 года, т. е. ровнымъ счетомъ 43 года спустя. Срокъ достаточный, чтобы память могла мнѣ иногда измѣнить и мой разсказъ уподобиться старой фильмовой лентѣ, оборванной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и неправильно склеенной. Возможно, что вслѣдствіе пробѣловъ памяти, я забуду нѣкоторыя имена или перепутаю даты событій, и связь между ними иногда не будетъ ясна читателю. Но за то тѣ части фильма, въ которыхъ, по волѣ судебъ, мнѣ суждено было играть какую-нибудь роль, хотя бы пассивную — я ручаюсь. Это уже не фильмъ, а гравюра на металлѣ или на камнѣ. Тутъ уже ошибки быть не можетъ . . .

Въ первые дни революціи въ Севастополѣ все оставалось по-старому. На командныхъ должностяхъ особыхъ перемѣнъ не произошло. По понятнымъ причинамъ исчезли съ нашего горизонта свитскіе адмиралы — Веселкинъ и Погуляевъ . . . Подалъ въ отставку, заявивъ что онъ монархистъ и не желаетъ служить республикѣ, вице-адмиралъ П. И. Новицкій . . . Съ разрѣшенія начальства на всѣхъ корабляхъ начались митинги матросовъ. На этихъ митингахъ велась агитація про-

тивъ офицерскаго и унтеръ-офицерскаго состава, но голоса раздавались неувѣренно и даже робко. Открытыя телеграммы о событіяхъ въ Ставкѣ становились извѣстными офицерамъ и матросамъ. Черезъ нѣсколько дней объявились «свободы» . . .

На большихъ митингахъ, созываемыхъ періодически въ зданіи цирка Командующимъ Флотомъ адмираломъ Колчакомъ, адмиралъ призывалъ команды (матросовъ) къ патріотизму и указывалъ на необходимость продолженія войны. Онъ былъ блестящимъ ораторомъ и силой своихъ авторитетныхъ и умныхъ рѣчей пытался вернуть матросовъ на путь патріотизма и исполненія воинскаго долга передъ Родиной. Помимо пламенныхъ рѣчей въ циркѣ на массовыхъ матросскихъ митингахъ, проходившихъ съ большимъ успѣхомъ и вызывавшихъ въ командахъ взрывы патріотизма, адмиралъ Колчакъ собиралъ въ библіотекѣ Морского Собранія г. г. офицеровъ флота . . . Собирались обыкновенно вечеромъ свободные отъ службы офицеры. Собранія эти, на которыхъ я много разъ присутствовалъ, носили мрачный характеръ. Адмиралъ ограничивался разъясненіями текущаго политическаго момента и очень осторожно совѣтовалъ офицерамъ держаться объединенно — вплоть до образованія офицерскаго союза для противодѣйствія различнымъ политическимъ группировкамъ, вовлекающимъ команды въ свои сѣти. Офицеры задавали недоумѣнные вопросы иногда политическаго характера, и адмиралъ старался давать на нихъ разъясненія какъ могъ, хотя и самъ былъ далеко не твердъ въ азбукѣ политическаго революціоннаго подполья . . .

Все же, до того рокового дня, когда комитеты потребовали, чтобы офицеры сдали свое оружіе, и адмиралъ Колчакъ бросилъ за-бортъ свое Георгіевское оружіе, крикнувъ собравшимся на палубѣ матросамъ: «Не вы наградили меня золотымъ оружіемъ, не вамъ его отъ меня брать!», Черноморскій флотъ, хотя наружне сохранившій видимость несокрушимой боевой силы, въ дѣйствительности былъ уже смертельно-раненый звѣрь, и дни его были сочтены . . .

Никакихъ дневниковъ я не велъ. Какимъ-то чудомъ у меня сохранилось три документа. Эти документы говорятъ многое, но все же недостаточны, если не освѣтить обстановку, предшествовавшую массовому уничтоженію морскихъ офицеровъ съ декабря 1917 г. по мартъ 1918 года.

ТЕЛЕФОНОГРАММА.

Штабъ Командующаго Черноморскимъ Флотомъ Ноября 19-го дня 1917 года.
№ 1162

Разъясненіе неясной редакціи отъ 27 Октября за № 1064 принять къ свѣдѣнію и руководству постановленія военной комиссіи отъ 28 Октября с. г. приказы и всѣ распоряженія исходящія для отдѣльныхъ частей должны быть издаваемы за подписями Н-ка той части при скрѣпѣ президіума комитета, который долженъ нести обязанности контролирующей власти, всѣ воинскія чины, должны обязательно имѣть при себѣ удостовѣренія личности установленной т. е. форма № 2 безъ означенныхъ удостовѣреній военные чины будутъ задерживаться.

Подписали: Предсѣдатель Военной комиссіи РЫБАЛКА. Секретарь ЧЕБОТАРЬ. Начальникъ Распорядительной части ЦВИНГМАНЪ № 1152.

Резолюція Наштапора: Сообщить въ копіи всѣмъ Н-камъ частей. К-Ад. АЛЕКСАНДРОВЪ.

Вѣрно: Адъютантъ Наштапора
Капитанъ

Передалъ БРАЦУКЪ
Принялъ РЯБОКОНЬ.

ПРИКАЗЪ.

Главнаго Комиссара Черноморскаго флота отъ 20-го Ноября 1917 года.
№ I.

1. Сообщить для свѣдѣнія всѣмъ частямъ подчиненнымъ Наморси что Главнымъ Комиссаромъ Черноморскаго флота избранъ матросъ Василій Васильевичъ РОМЕНЕЦЪ и въ исполненіе своихъ прямыхъ обязанностей вступилъ 22 Ноября с. г.
2. Помощникомъ моимъ избранъ матросъ Матвѣй Андреевичъ Колышевскій, остальные помощники будутъ опубликованы дополнительно.

3. Предлагаю всѣмъ комитетамъ и командирамъ частей подчиненныхъ Наморси никакихъ распоряженій исходящихъ отъ Штаморси безъ подписи моей или одного изъ моихъ помощниковъ не исполнять, какъ оперативная такъ и другихъ отдѣловъ при Штабѣ. Всѣ распоряженія исходящіи отъ Командующаго и его Штаба будутъ скрѣплены моей подписью или моимъ помощникомъ и то только такія распоряженія приводить въ исполненіе. Главный Комиссаръ Черноморскаго Флота РОМЕНЕЦЪ. Утверждаетъ Командующій Черноморскимъ флотомъ Контръ-Адміралъ НЕМЕЦЪ. Вѣрно: Начальникъ Распорядительной части Капитанъ САНТАНАНѢЕВЪ. Передалъ: СОРОКИНЪ. Принялъ РЯБОКОНЬ.

Вѣрно: Адъютантъ Штаба порта Капитанъ ВИТКОВСКІЙ

Съ подлиннымъ вѣрно:
Секретарь Севастопольскаго Военно-Морского Суда
Надворный Совѣтникъ БОРИСОВЪ.

РЕЗОЛЮЦІЯ: Къ свѣдѣнію и руководству Членамъ Суда и для ознакомленія.

Генералъ-Лейтенантъ КЕТРИЦЪ
11 Ноября 1917 г.

ПОВѢСТКА.

Штаба Командующаго Черноморскимъ Флотомъ Октября 27-го дня 1917 г.
№ 1064.

Взявъ власть въ свои руки Исполнительный комитетъ Совѣта Военныхъ Рабочихъ Депутатовъ доводитъ до свѣдѣнія всѣ части, что всѣ распоряженія на мѣстахъ должны быть только за подписью и печатью Комитета каждой части. Комитетамъ по всѣмъ назрѣваемымъ вопросамъ немедленно доводить до свѣдѣнія Исполнительнаго Комитета Совѣта Военныхъ и Рабочихъ Депутатовъ.

Подписали: Предсѣдатель Центр. Комитета Черноморскаго Флота Е. Шелесъ.

Секретарь Зубко.

Флотъ разлагался на нашихъ глазахъ... Боевая мощь его приближалась къ нулю... Не было сомнѣнія, что надъ разложеніемъ флота работали, рука объ руку, какъ иностранные агенты, такъ и свои соціалъ-демократы-большевики. Поощряемые безвластіемъ, агитаторы усиленно и успѣшно обрабатывали морскія команды какъ на корабляхъ, такъ и на берегу. Въ добавокъ къ этому, начали возвращаться въ Севастополь матросы, участвовавшіе въ возстаніяхъ на флотѣ въ Черномъ морѣ въ 1905-12 году и осужденные на каторжныя работы и въ дисциплининарные батальоны. Окруженные революціоннымъ ореоломъ, они старались найти доступъ къ дѣламъ Военно-Морского суда, въ которыхъ они были замѣшаны, и въ то же время свести личные счеты съ тѣми, кто такъ или иначе участвовалъ въ судебныхъ процессахъ.

Въ концѣ осени 1917 г. настроеніе въ Севастополѣ было нервно-напряженное. Городъ словно притаился и ожидалъ худшаго...

Началось съ убійства инж.-мех. мичмана Скородынскаго съ миноносца «Фидониси», общаго любимца команды, вооbражавшаго себя ея революціоннымъ руководителемъ. Убійца дѣйствовалъ неувѣренно и трусливо: вымазавъ лицо сажей и высунувшись изъ машиннаго люка, онъ выстрѣлилъ въ спину стоявшаго у борта мичмана и тотчасъ же скрылся.

Около того же времени вернулись съ Дона жалкіе остатки матросской экспедиціи, отправившейся на Донъ усмирять несознательныхъ, настроенныхъ контръ-революціонно, донцовъ. Но ихъ расчеты не оправдались. Казаки загнали усмирителей въ Донъ, многихъ порубили и потопили, а оставшіеся вернулись въ Севастополь и тамъ рѣшили показать себя.

На другой день послѣ убійства мичмана Скородынскаго агитаторы изъ вернувшихся съ Дона матросовъ разбрелись по миноносцамъ Минной дивизіи, стоявшимъ у стѣнки, и устроили революціонный митингъ, жалуясь на контръ-революціонныхъ донцовъ и обвиняя своихъ морскихъ офицеровъ въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не пошелъ съ ними въ походъ.

Группа такихъ агитаторовъ пришла на эск. мин. «Гаджибей», только-что вступившій въ строй. Командовалъ имъ от-

личнѣйшій офицеръ кап. 2 р. В. М. Пышновъ. Командиръ и офицеры обѣдали въ каютъ-компаніи, когда пришелъ предсѣдатель комитета и просилъ всѣхъ выйти на палубу присутствовать на митингѣ.

Агитаторъ разсказалъ, что казаками руководили офицеры и что больше тысячи матросовъ было порублено. «И вы такіе же?» — спросилъ предсѣдатель комитета. «Мы не хуже славныхъ донскихъ офицеровъ, мы офицеры флота» — отвѣтилъ командиръ «Гаджибея».

Тутъ же команда постановила арестовать офицеровъ и отвести ихъ въ арестный домъ при экипажѣ. Тамъ ихъ не приняли. Не зная, что дальше предпринять, матросы стояли въ недоумѣніи, когда къ нимъ подошла группа «красы и гордости революціи» — матросовъ Балтійскаго флота.

«Ведите ихъ на Малаховъ курганъ и разстрѣляйте!»

Сказано — сдѣлано. Тамъ, у амбразуръ Малахова кургана, на мѣстѣ неувядаемой славы Черноморскаго флота пали одни изъ первыхъ жертвъ докатившейся до Севастополя волны великой русской смуты, жертвы германскаго шпіонажа и безсмысленныхъ мечтаній либеральной русской интеллигенціи. Кап. 2 р. В. М. Пышновъ, лейт. Н. А. Дыбко, лейт. В. А. Санниковъ, лейт. З. Г. Полянскій, мичм. А. А. Томашевичъ, мичм. Г. М. Краузе и мичм. Н. М. Кондратовичъ были разстрѣляны.

Мичманъ Н. М. Кондратовичъ пришелъ въ гости съ эскмин. «Счастливый» къ офицерамъ «Гаджибея» во время ареста, а мичманъ Г. М. Краузе былъ тотъ самый молодой мичманъ, котораго матросы конвоя «Гаджибея» уговаривали не идти съ ними на Малаховъ курганъ, а остаться на миноносцѣ. Сошедшій съ ума матросъ съ «Гаджибея» долго еще бродилъ по Севастополю и разсказывалъ встрѣчнымъ, что онъ лично просилъ мичмана Краузе вернуться на миноносецъ, но что Краузе отвѣтилъ: «Я иду туда, куда идетъ мой командиръ». Разсказъ безумца былъ потрясающе ужасенъ.

16 декабря были арестованы всѣ офицеры Минной дивизіи и отправлены въ арестный домъ, гдѣ уже три недѣли содержались 15 арестованныхъ, безъ всякаго предъявленнаго имъ обвиненія, адмираловъ, штабъ и оберъ офицеровъ. Всѣ они были отличные боевые офицеры, которыми справедливо гордился Черноморскій флотъ.

Ночью толпа тѣхъ же матросовъ, «воевавшихъ» на Дону и подкрѣпленныхъ товарищами-балтійцами (видными участниками разстрѣловъ морскихъ офицеровъ въ Гельсингфорсѣ и Кронштадтѣ въ мартѣ 1917 г.), ворвалась въ арестный домъ. Офицеровъ стали выводить въ корридоръ и построили въ двѣ шеренги. Должно было быть 15 человѣкъ, въ строю же было только 14. Стали дѣлать перекличку. Обыскали всѣ камеры и нашли недостающаго, спрятавшагося подъ нарами... Чѣмъ объяснить униженіе, которому онъ подвергъ себя? Чѣмъ угодно, только не недостаткомъ мужества! Три года войны онъ прослужилъ на Минной Дивизіи, неоднократно подвергался опасности, участвовалъ во многихъ боевыхъ операціяхъ, тонулъ на миноносцѣ, взорвавшемся у вражескихъ береговъ, и былъ безукоризненно храбрымъ, распорядительнымъ и спокойнымъ въ самой опасной обстановкѣ офицеромъ.

Многихъ этихъ офицеровъ тогда я зналъ поименно... Теперь перечислю фамиліи нѣкоторыхъ, насколько память мнѣ не измѣнила:

Вице-адмиралъ П. И. Новицкій — Нач. дивизіи лин. кораблей

Ген.-лейтенантъ Ю. Э. Кетрицъ — Предсѣдатель Военно-Морского Суда.

Контръ-адмиралъ М. И. Каськовъ — Нач. Штаба Ком. Флотомъ

Контръ-адмиралъ А. И. Александровъ — Нач. Штаба Порта

Кап. 1 р. И. С. Кузнецовъ — командующій Минной дивизіей

Кап. 1 р. А. Ю. Свиньинъ 1-й — командиръ экипажа

Кап. 1 р. Н. М. Коломейцевъ

Кап. 2 р. Н. С. Саловъ — командиръ эск. мин. «Дерзкій»

Стар. лейт. Н. Д. Каллистовъ — стар. офицеръ эск. миноносца «Дерзкій»

Лейт. Г. П. Тевяцевъ — вахт. нач. эск. мин. «Дерзкій»

Стар. лейт. Г. В. Ведерниковъ — стар. офиц. лин. корабля «Евстафій»

Лейт. Н. Г. Гривцовъ — флаг. штурманъ бригады дредноутовъ

Подполковникъ п/А. В. А. Муларовъ — пом. к-ра экипажа.

Ихъ привели на Малаховъ курганъ и начали разставлять для разстрѣла. Неожиданно ген. лейт. Кетрицъ началъ

истерично кричать, что онъ ни въ чемъ не виновенъ, что онъ не морской офицеръ, а чиновникъ, носившій военный мундиръ.

«Успокойтесь, стыдно!» . . . — громко крикнулъ адмиралъ Александровъ.

«Умѣли жить, умѣйте и умирать!» . . — сказалъ адмиралъ Новицкій.

Разстрѣломъ распоряжался минный унтеръ-офицеръ Басовъ — вновь избранный предсѣдатель комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей *).

Лѣтомъ 1912 года шайкой австрійскихъ шпіоновъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи крупныя суммы денегъ, съ цѣлью помѣшать содѣйствію Черноморскаго флота Сербіи и Болгаріи въ войнѣ 1912 г., былъ организованъ широко продуманный планъ бунта. Этотъ заговоръ былъ раскрытъ ун.-оф. съ лин. кор. «Іоаннъ Златоустъ» Жукомъ. Заговорщики были арестованы офицерами съ помощью плававшихъ въ то лѣто на эскадрѣ корабельныхъ гардемаринъ. Со всей эскадры было арестовано около 600 матросовъ. Организаторы вербовали самыхъ худшихъ матросовъ, давая имъ денежныя подачки. Состоялся судъ. По уставу Русской Императорской Арміи сговоръ группы больше 8 человѣкъ для вооруженныхъ дѣйствій противъ своихъ начальниковъ квалифицировался какъ «военный бунтъ» съ примѣненіемъ къ зачинщикамъ бунта высшей степени наказанія — разстрѣла.

За этотъ военный бунтъ въ 1912 году было разстрѣляно 3 матроса съ лин. кор. «Іоаннъ Златоустъ», нѣсколько матросовъ съ крейсера «Память Меркурія», около 30 чел. приговорено къ каторжнымъ работамъ на разные сроки, многіе были посланы въ дисциплинарные батальоны и въ Каспійское море. На корабли Черноморскаго флота не вернулся ни одинъ изъ нихъ.

Въ своей рѣчи, обращенной къ командѣ «Іоанна Златоуста» послѣ суда, адмиралъ Новицкій сказалъ: «Вѣрю, что команда «Іоанна Златоуста» — честные ребята и преданные Государю Императору воины. Не вѣрьте смутьянамъ, ребята! Одна паршивая овца все стадо портитъ!»

*) Возможно, что по его наговору и были арестованы эти офицеры.

Подробности рѣчи я не помню, но офицеры «Златоуста» говорили мнѣ, что по какой-то интуиціи всѣ поняли, что «паршивой овцой» адмиралъ назвалъ матроса Басова.

Въ 1910 г., какъ бы для отбытія воинской повинности, во флотъ были приняты шесть ставленниковъ жандармеріи, слѣдить за революціонной пропагандой среди матросовъ. Люди эти были послѣдняя дрянь и теперь, чтобы оправдать свою грязную работу, играли роль провокаторовъ. Однимъ изъ нихъ былъ Басовъ.

Когда офицеры были выстроены въ одну шеренгу, распорядитель разстрѣла матросъ Басовъ громко сказалъ: «Матросскій судъ приговорилъ васъ къ разстрѣлу какъ враговъ революціи. Адмиралъ Новицкій, помните ли Вы ваши слова про «паршивую овцу?»

Залпы и отдѣльные выстрѣлы изъ винтовокъ раздавались пока всѣхъ не перебили... Басовъ съ револьверомъ обошелъ лежащія тѣла офицеровъ и шевелившихся и стонавшихъ дострѣливалъ.

Я жилъ на Таврической улицѣ №5, противъ чудеснаго Петропавловскаго собора, построеннаго въ стилѣ греческаго пантеона. Храмъ былъ окруженъ тополями.

Жена легла спать, а я сидѣлъ въ кабинетѣ и читалъ дневные газетные листки. Прислуга Люба ушла гулять съ «женихомъ» — матросомъ подводнаго плаванія. Возвращались они съ парадного хода, т. к. ворота запирались и съ чернаго хода попасть домой нельзя было. Около 12 час. слышу бѣгутъ и оба хохочутъ, заливаются... Я снялъ засовъ и открылъ парадную дверь. Люба со своимъ «женихомъ» влетѣла въ двери. «Баринъ» — такимъ радостно-возбужденнымъ тономъ сказала мнѣ Люба — «офицеровъ на улицахъ бьютъ!» Я сразу не понялъ и удивленно взглянулъ на нее... Она тоже, вѣроятно, сообразила... и уже другимъ тономъ сказала: «матросы разстрѣливаютъ офицеровъ!». «Идите спать!» — сказалъ я. Они ушли на кухню, а я опять сѣлъ за письменный столъ и грустно задумался. Вотъ, ждали, ждали... и теперь это пришло... и я совершенно не готовъ къ этой жестокой расплатѣ за чьи-то чужіе грѣхи. Вотъ сейчасъ

придутъ убивать меня — что дѣлать? . . спрятаться на чердакъ? . . и сейчасъ же самъ себѣ отвѣтилъ — революція протянется нѣсколько лѣтъ, что же, такъ я буду сидѣть на чердакѣ?» Я потушилъ свѣтъ, легъ не раздѣваясь на кушетку въ кабинетѣ и сейчасъ же заснулъ, рѣшивъ, что если ночь пройдетъ спокойно, то утромъ пойду на миноносецъ «Безпокойный», которымъ командовалъ съ августа 1917 года. Въ началѣ ноября я привелъ миноносецъ изъ Одессы, на походѣ сильно простудился и нѣсколько дней сидѣлъ дома.

Я всталъ рано и пилъ кофе, когда на парадной позвонили. Я открылъ дверь. Вошли два матроса съ «Безпокойнаго» — минно-машинный ун.-оф. Воммъ и машинный ун.-офицеръ самостоятельнаго управленія Кутузовъ *). Оба блѣдные, съ перекошенными лицами. Въ рукахъ у нихъ были наганы.

«Комитетомъ Минной дивизіи приказано арестовать и привести на свои миноносцы всѣхъ офицеровъ дивизіи. Мы пришли за вами, г-нъ командиръ. Если у васъ есть оружіе, отдайте его намъ и пойдемте съ нами на миноносецъ».

Я отдалъ имъ револьверъ Веблей и Скотъ, лежавшій года два у меня въ коробкѣ; у него лопнула пружина и ее нечѣмъ было замѣнить. Въ этотъ моментъ моя жена вышла изъ своей комнаты и встала впереди меня.

«Сейчасъ иду съ вами, но прежде всего спрячьте револьверы, не пугайте мою жену».

«Надѣюсь, что вы не поведете своихъ офицеровъ въ экипажъ», — сказала моя жена, — «ихъ тамъ могутъ убить!»

«Нѣтъ, барыня, офицеры будутъ на миноносцѣ, мы будемъ ихъ тамъ охранять».

Когда миноносецъ былъ еще въ капитальномъ ремонтѣ въ Николаевѣ (послѣ отъѣзда адмирала Колчака изъ Севастополя), офицеры миноносца установили очередь, въ какомъ порядкѣ, въ случаѣ необходимости, оставлять корабль и бѣжать кто-куда можетъ. Было ясно, что надѣяться больше не на что.

---

*) Воммъ и Кутузовъ были самые интеллигентные и исправные унтеръ-офицеры "Безпокойнаго".

Сопровождаемый присланными за мною матросами, я пришелъ на «Безпокойный». Въ каютъ-компаніи собрались всѣ наличные офицеры:

Стар. инж.-мех. лейт. Яковъ Артемьевичъ Романчукъ
Вахт. инж.-мех. мичм. Карамзинъ
Минный офиц. лейт. Михаилъ Цвѣтковъ
Ревизоръ мичм. Константинъ Гросицкій
Вахт. офиц. мичм. Дмитрій Мертваго
Юнкеръ флота Шехавцевъ *)

Мы сидѣли въ каютъ-компаніи молча, мрачные. Никакихъ признаковъ офицерскихъ отличій ни у кого не было. Только у меня были на рукавахъ двѣ широкихъ и одна узкая нашивка по чину капитана 2-го ранга.

Мичманъ Гросицкій, всегда узнававшій первымъ всякія новости, разсказалъ о разстрѣлѣ офицеровъ «Гаджибея» и офицеровъ, содержавшихся въ морскомъ арестномъ домѣ. Юнкеръ Шехавцевъ замѣтилъ, что по раннѣе условленному расписанію онъ долженъ былъ сегодня бѣжать изъ Севастополя.

«Уже былъ купленъ билетъ . . . ну а вотъ теперь арестованъ . . .»

Въ каютъ-компанію вошелъ боцманъ Гнѣдюкъ (онъ же былъ предсѣдателемъ судового комитета) и объявилъ: «Комитетъ минной дивизіи постановилъ всѣхъ офицеровъ отправить подъ конвоемъ въ арестный домъ въ экипажъ. Патруль собрался».

Мы начали выходить на верхнюю палубу. Я шелъ первымъ. Вся команда собралась на палубѣ. Было тихо — муха пролетитъ — слышно. Въ тотъ десятокъ шаговъ до сходни на берегъ я, по старой привычкѣ ротнаго командира, вглядывался въ лица собравшихся на ютѣ всѣхъ матросовъ «Безпокойнаго». Ни одинъ изъ нихъ не взглянулъ мнѣ прямо въ глаза, всѣ отводили глаза, смотря на палубу.

Я еще разъ взглянулъ на «Безпокойный» — одинъ изъ самыхъ боевыхъ и образцовыхъ миноносцевъ Черноморскаго флота. Я плавалъ на немъ съ перваго дня прихода его изъ

*) Юнкеръ флота Шехавцевъ былъ однимъ изъ организаторовъ добровольческихъ батальоновъ на фронтѣ.

Николаева въ 1914 году, продѣлалъ на немъ тысячи миль во время войны у береговъ Анатоліи, участвовалъ въ стычкѣ-единоборствѣ съ крейсеромъ «Бреслау»... Зналъ поименно большинство унтеръ-офицеровъ и команды... всегда мечталъ, что когда-нибудь буду командовать этимъ чуднымъ миноносцемъ... Вотъ и дождался! Можетъ быть я не думалъ тогда такими словами, но эти чувства и мысли я всегда носилъ въ то время въ своей душѣ.

На берегу насъ ждалъ патруль изъ нашихъ матросовъ (члены комитета и унтеръ-офицеры) въ полной революціонной формѣ — капковой курткѣ съ револьверами въ кобурахъ.

Послѣднее впечатлѣніе о миноносцѣ было удивленіе и недоумѣніе. У трапа миноносца стоялъ высокій голубоглазый матросъ. Онъ плакалъ и кулакомъ вытиралъ слезы... Это былъ Михайлюкъ, набора 1910 года, вѣстовой скрывшагося неизвѣстно куда старшаго офицера лейт. Оскара Оскаровича Ферсмана.

Насъ повели по Екатерининской улицѣ. Съ сѣраго неба падалъ мокрый снѣгъ, улица была покрыта какимъ-то мѣсивомъ снѣга и грязи. Правая калоша у меня была надорвана и падала съ ноги... Два раза я со своимъ провожатымъ артил. ун.-оф. Туковымъ отставалъ, надѣвалъ калошу и шелъ въ хвостѣ... Иногда я закашливался и плевался кровью, оставляя на снѣгу красныя пятна...

Изъ воротъ одного дома вышла на улицу просто и бѣдно одѣтая немолодая женщина. Она еще издали что-то кричала и грозила кулакомъ... «Навѣрное революціонерка, старая вѣдьма» — подумалъ я, но началъ ясно разбирать ея слова: «Проклятые!.. проклятые!.. Опять повели офицеровъ убивать!.. проклятые матросы, вся Россія васъ проклянетъ! вся Россія...» И долго еще вслѣдъ неслись ея проклятія...

Патруль ускорилъ шаги. Мы спустились къ вокзалу и по вокзальному спуску стали подыматься къ экипажу. У воротъ экипажа стояла толпа матросовъ — у нѣкоторыхъ фуражки съ ленточками, у нѣкоторыхъ казачьи папах и.. обмотанные пулеметными лентами, шинели въ накидку... Было ихъ человѣкъ 100-120... Намъ предстояло пройти черезъ эту шумѣвшую, буйную толпу, тѣснившуюся у воротъ двора казармы.

Неожиданно толпа отхлынула къ краю площади съ криками: «воръ! воръ!» и открыла безпорядочную стрѣльбу по другой сторонѣ бухты ... Стрѣляли по человѣку въ одномъ бѣльѣ, плывшему отъ госпитальнаго судна «Сюжетъ» по направленію къ стоявшимъ у берега миноносцамъ. За человѣкомъ гналась четверка съ двумя гребцами. Нашъ патруль поспѣшилъ ввести насъ во дворъ, и мы подошли къ арестному дому. Чѣмъ кончилась погоня за «воромъ» мы не видѣли и не знали, кто былъ тотъ несчастный человѣкъ, спасшій насъ отъ возможной немедленной расправы.

Только много лѣтъ спустя я узналъ разгадку этой исторіи.

Кап. 1 р. Феодоръ Константиновичъ Климовъ, образцовый офицеръ и лихой командиръ миноносца, вскорѣ послѣ начала «безкровной» получилъ въ командованіе 3-й дивизіонъ миноносцевъ. Въ день когда, мы офицеры «Безпокойнаго», были арестованы, Климовъ лежалъ больной на госпитальномъ суднѣ «Сюжетъ», которое стояло тутъ же, на минной базѣ. На этомъ же «Сюжетѣ» былъ теперь и штабъ Минной дивизіи и комиссаромъ дивизіи былъ фельдшеръ лазарета дивизіи.

На «Сюжетъ» пришла вооруженная группа матросовъ и объявила больному Климову, что онъ арестованъ и что его они отведутъ въ экипажъ. Климовъ, въ одномъ бѣльѣ, выскочилъ на трапъ, бросился въ воду и поплылъ на свой миноносецъ, быть можетъ надѣясь найти тамъ защиту. За нимъ погнались на четверкѣ, догнали и вытащили на берегъ. Онъ былъ какъ сумасшедшій, дико кричалъ, дрался и бросался на всѣхъ. Его тутъ же убили ...

Мы стояли у калитки, ведущей во дворъ арестнаго дома. Одинъ изъ патрульныхъ пошелъ просить, чтобы намъ ее открыли. «Нельзя! Домъ переполненъ арестованными офицерами минной дивизіи!». «Я пойду самъ», сказалъ Гнѣдюкъ и ушелъ.

Къ намъ медленно подтягивались группами разнузданнаго вида «товарищи»; трое изъ нихъ подошли близко къ намъ и начали дѣлать свои замѣчанія. Имъ понравился мичманъ Карамзинъ, стоявшій рядомъ со мною.

«Этотъ еще ничего, мальчикъ, а вотъ рядомъ съ нимъ смотри, какая злая морда .. видно настоящая контръ-революціонная сволочь ...»

Чѣмъ кончились бы эти разговоры, неизвѣстно, но вернулся Гнѣдюкъ и насъ ввели въ арестный домъ. Въ канцеляріи намъ предложили сдать деньги и часы. Всѣ эти вещи завѣдующій домомъ положилъ въ письменный столъ и повелъ насъ во второй этажъ, въ камеру №6. Насъ встрѣтило нѣсколько человѣкъ сторожей въ рабочемъ платьѣ (взятые на эту должность матросы, сосланные на каторжные работы за бунтъ 1912 года и вернувшіеся въ Севастополь). Одинъ изъ нихъ, высокаго роста дѣтина съ знакомымъ мнѣ лицомъ заоралъ во все горло: «Шрамченко привели!»

Щелкнулъ громадный тюремный замокъ, и мнѣ пришла въ голову глупая поговорка: «отъ тюрьмы и сумы не зарекайся». Насъ ввели въ камеру, въ которой тускло горѣла электрическая лампочка. Вокругъ стѣнъ были досщатыя нары. Посреди стоялъ деревянный столъ. Въ камерѣ было тринадцать офицеровъ — насъ семеро, изъ остальныхъ мнѣ запомнился только морской летчикъ подпоручикъ по Адмиралтейству. Здѣсь въ послѣдній разъ я видѣлъ лейтенанта Б. Дубницкаго, онъ стоялъ въ дверяхъ другой камеры, гдѣ тоже было много морскихъ офицеровъ. Гдѣ-то въ коридорѣ мелькнулъ д-ръ Куличенко, флагманскій врачъ Минной дивизіи, видѣлъ В. И. Орлова, стар. лейт. Погорѣльскаго, хорошій былъ музыкантъ, немного композиторъ. Дня два-три тому назадъ я встрѣтилъ его и зная, что онъ уѣзжалъ на Кавказъ съ матерью, радовался за него.

«Зачѣмъ вы вернулись- Развѣ въ Кисловодскѣ плохо?» — спросилъ я его. Онъ махнулъ рукой — «Хуже чѣмъ здѣсь!»

Стоявшіе у двери камеры часовые (двое съ «Безпокойнаго») сказали мнѣ: «Мы только что смѣнились, а прежняя смѣна пошла на миноносецъ сказать, что всѣхъ офицеровъ надо вернуть на миноносецъ, а то васъ тутъ ночью могутъ убить».

Въ камерѣ были худшія новости . . . Отъ сторожей мы узнали, что къ 2-мъ часамъ приготовлены уже баржи, будутъ разстрѣливать и топить, . . . Это подтверждалъ летчикъ подпоручикъ: «Въ первую очередь будутъ разстрѣливать штабъ-офицеровъ и вообще стариковъ, а молодыхъ не будутъ разстрѣливать . . .» Я посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ и вспомнилъ слова старыхъ солдатъ: «кто здорово труситъ, тотъ старается напугать другихъ, чтобы не чувствовать въ сво-

ей трусости позорнаго одиночества . . . Хотя, можетъ быть, матросы раздѣляли насъ на «старыхъ» и «молодыхъ», молодые имъ были ближе и понятнѣе . . .

Я нашелъ у себя въ карманѣ зеленую трешку и попросилъ принести коробку папиросъ. Раздалъ всѣмъ, закурилъ, и стало немного легче на душѣ.

Принесли бакъ макаронъ съ масломъ . . Я съ утра ничего не ѣлъ — поѣлъ макаронъ и звалъ другихъ присоединиться, но мало кто послѣдовалъ моему примѣру. Часовъ ни у кого изъ насъ не было — времени не знали . . . Прошелъ какой-то патруль, гремя ружьями и стуча сапогами . . . Въ камеру къ намъ втолкнули старика священника . . . Онъ упалъ на колени и видимо ушибся. Мы подняли его и посадили на скамейку.

«Причащай офицеровъ! . .» — кричали матросы — «ты умѣешь причащать передъ смертной казнью!»

Старику было около 70 лѣтъ — это былъ настоятель кладбищенской церкви на Корабельной сторонѣ, отецъ Чефрановъ. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, опустивъ голову, видимо страшно удрученный. Поднявъ голову онъ обвелъ насъ печальнымъ взглядомъ.

«За что они васъ арестовали, батюшка?» — «Да совершенно ни за что . . . Я понимаю, что они арестовали васъ, но за что меня, старика? . .»

Мы разошлись и разлеглись по нарамъ въ ожиданіи той или другой участи . . . Справа отъ меня лежалъ мичманъ Карамзинъ, слѣва мичманъ Митя Мертваго.

«Дайте намъ вашъ китель, мы споремъ золотыя нашивки. Вы тутъ одинъ съ нашивками, это обратитъ вниманіе». Я передалъ имъ мой китель, и они въ мигъ перегрызли нитки и отпороли нашивки . . . Томительно тянулось время . . Проходили по коридору стуча прикладами патрули . . . На экипажномъ дворѣ стрѣляли изъ ружей въ воздухъ . . . Шальная пуля разбила стекло и ударила въ потолокъ . . . Страха не было, но сердце билось тяжелыми ударами, такъ что казалось, что и другіе слышатъ, какъ оно стучитъ. Около полуночи шумъ ъъ тюрьмѣ началъ затихать. Вскорѣ послѣ этого послышались шаги цѣлой группы людей, подошедшихъ къ нашей двери. Какой-то голосъ перечислялъ фамиліи офицеровъ «Безпокойнаго»: Шрамченко, Мертваго, Карамзинъ.

«Это за нами!» — крикнулъ кто-то, кажется Гросицкій. Загремѣлъ замокъ. Вошелъ матросъ, начальникъ арестнаго дома. Изъ-за его спины высунулись лица нашихъ патрульныхъ, тѣхъ самыхъ, которые насъ привели сюда...

«Шрамченко, Мертваго, Гросицкій, Карамзинъ и Цвѣтковъ... Въ канцелярію, получите свои вещи — васъ ваша команда беретъ обратно на миноносецъ...» Стараясь удержать радостную улыбку (да проститъ мнѣ Господь Богъ подлость человѣческую), я поцѣловалъ двухъ оставшихся — инж.-мех. лейт. Якобчука и юнкера флота Шехавцева и вышелъ изъ камеры.

Въ канцеляріи намъ вернули часы, кошельки, пальто и фуражки. Начальникъ арестнаго дома далъ краткое наставленіе патрулю: «Если вы рѣшили взять своихъ офицеровъ на миноносецъ, то должны честно выполнить свое обѣщаніе. У воротъ арестнаго дома стоитъ группа товарищей балтійцевъ и они агитируютъ за то, чтобы всѣхъ офицеровъ немедленно разстрѣлять. Вы этой агитаціи не поддавайтесь и поступайте по приказу Главнаго Комиссара Черноморскаго флота». Онъ взглянулъ на какую-то бумажку и прочелъ: «Судовому комитету эск. мин. «Безпокойный» разрѣшается взять офицеровъ изъ арестнаго дома на миноносецъ. Списокъ приложенъ. Товарищъ Островская».

«Самое лучшее, если вы повернете изъ воротъ налѣво внизъ черезъ сухіе доки», — добавилъ онъ.

Ворота тюрьмы были открыты, у воротъ не было ни души... Пять офицеровъ подъ конвоемъ пяти вооруженныхъ до зубовъ матросовъ начали шлепать по грязи. Мы вышли къ морю около экипажной лѣстницы. Я опять увязъ въ грязи и потерялъ галошу. Я засмѣялся — не могъ вытащить ногъ. Около меня шелъ артил. ун.-оф. Гуковъ. Я остановился. «Ну, Гуковъ, теперь самое время бѣжать». Эта глупая шутка чуть не стоила мнѣ жизни. Гуковъ вытащилъ изъ кобуры наганъ и взмолился плачущимъ голосомъ: «Куда бѣжать?... Вѣдь меня же разстрѣляютъ, г-нъ командиръ!».

Весь миноносецъ былъ освѣщенъ, когда мы подошли къ нему. Команда не спала. Намъ приготовили чай и хлѣбъ съ масломъ. Десятки рукъ набившихся въ командирское помѣщеніе матросовъ протягивали папиросы и спички. «Васъ

тамъ могли убить!.. могли убить!..» — твердили матросы — «теперь будете жить на миноносцѣ и никто не посмѣетъ убить или взять васъ... поставимъ двойной караулъ!..»

Началось сидѣніе на миноносцѣ. Отъ команды мы узнали, почему они не взяли изъ арестнаго дома инж.-мех. лейт. Романчука (потому что, когда началась революція, онъ смотрѣлъ на команду исподлобья злыми глазами и ни съ кѣмъ изъ матросовъ никогда не разговаривалъ — несомнѣнный контръ-революціонеръ! Также какъ при царѣ — не только машинистамъ, но и всѣмъ унтеръ-офицерамъ говорилъ «ты»). Юнкера Шехавцева не взяли, потому что «онъ былъ организаторомъ добровольческихъ батальоновъ на фронтѣ и вмѣстѣ съ Баткинымъ былъ сотрудникомъ предателя Керенскаго — главнаго царскаго контръ-революціонера...»

На слѣдующее утро пришла на миноносецъ моя жена съ прислугой Любой и разсказала, что вчера она съ Любой ходила въ арестный домъ, какъ ее туда не пустили, какъ онѣ пошли на «Безпокойный» и предсѣдатель комитета Гнѣдюкъ послалъ ихъ къ комиссару Островской и какъ та, послѣ долгихъ пререканій, разрѣшила взять командира и офицеровъ «Безпокойнаго» обратно на корабль.

Послѣ мы узнали, что насъ выпустили изъ арестнаго дома какъ разъ во-время, что въ 2 часа ночи туда снова ворвались матросы и вывели изъ камеръ нѣсколько человѣкъ, которыхъ тутъ же, въ коридорѣ, убили. Были заколоты штыками и забиты прикладами кап. 2 р. В. И. Орловъ, настоятель кладбищенской церкви корабельной стороны отецъ Афанасій Чефрановъ, флагманскій врачъ Минной дивизіи д-ръ Кулученко, лейт. Борисъ Дубницкій, инж.-мех. Кортиковскій и лейт. Погорѣльскій.

Ко времени, когда мы были отведены въ арестный домъ, относится и другое жестокое убійство.

Старшій артиллерійскій офицеръ крейсера «Память Меркурія», старшій лейтенантъ Д. І. Павловскій былъ отличный офицеръ, но съ нескрываемымъ презрѣніемъ обращался съ матросами и, возможно, поэтому, у него среди нихъ были личные враги. Мнѣ разсказывали потомъ мастеровые артиллерійской мастерской Севастопольскаго порта, что въ этотъ день Павловскій, проходя мимо мастерской въ порту, былъ задержанъ бывшимъ тамъ патрулемъ. Матросы бросили его

на землю, накрыли его стальными листами, находившимися поблизости, и прыгали и топтались на этихъ листахъ пока не затихъ послѣднiй вопль несчастной жертвы. Чѣмъ было вызвано это злодѣянiе, осталось неизвѣстнымъ.

Время нашего сидѣнiя на миноносцѣ ознаменовалось однимъ поразительнымъ случаемъ: уходившiй въ запасъ матросъ 10-го года Михайлюкъ пришелъ прощаться съ нами, каждому изъ насъ далъ клочекъ бумаги со своимъ деревенскимъ адресомъ и сказалъ: «Если кому-либо изъ васъ придется скитаться отъ преслѣдованiя «товарищей», то каждый изъ васъ, кто придетъ ко мнѣ, найдетъ защиту и хлѣбъ». Михайлюкъ былъ нашимъ буфетчикомъ и сохранилъ неприкосновеннымъ весь столовый сервизъ и серебро каютъ-компанiи и прислуживалъ намъ за столомъ до послѣдней минуты, какъ будто были прежнiя времена. Въ день его ухода въ каютъ-компанiю спустился комиссаръ миноносца — онъ же боцманъ Гнѣдюкъ — и сказалъ намъ, что пока мы числимся арестованными, мы будемъ получать обще-командный паекъ и должны сами установить очередь ходить съ бакомъ и получать пищу въ общей очереди съ командой. Казалось, что на фонѣ незаслуженно-обиднаго хода событiй этой общей очереди не слѣдовало придавать большого значенiя, но все-таки среди насъ было замѣтно паденiе настроенiя и какой-то приливъ унынiя. Я нарочно громко сказалъ: «Какой пустякъ, моя очередь первая», и взявъ принесенный боцманомъ пустой бакъ, и выйдя на палубу, всталъ въ линiю матросовъ въ очереди за обѣдомъ. Я простоялъ въ очереди не больше минуты. Ко мнѣ подошелъ мастеровой Николаевскаго Судостроительнаго завода (одинъ изъ 20, оставшихся на миноносцѣ до окончательной сдачи послѣ капитальнаго ремонта въ Николаевѣ), высокiй, статный мужчина съ красивымъ, строгимъ и немного печальнымъ лицомъ. Онъ попросту отобралъ у меня бакъ и сказалъ: «Пожалуйста, г-нъ командиръ, идите въ каютъ-компанiю. У васъ сегодня ушелъ послѣднiй вѣстовой, и пока я съ мастерами буду на миноносцѣ, я буду вамъ и офицерамъ прислуживать за столомъ, какъ вѣстовой. ...Я заводскiй рулевой старшина Ершовъ».

Я вернулся въ каютъ-компанiю. Столъ былъ накрытъ скатертью, положено обычное серебро и тарелки. Хлѣбъ въ хлѣбницѣ былъ аккуратно нарѣзанъ ломтиками. Ершовъ перелилъ борщъ въ суповую миску и сталъ у дверей каютъ-

компаніи. Изъ-за его крупной фигуры выглянулъ часовой — машинистъ Левицкій съ винтовкой въ рукахъ. Маленькій, вертлявый черномазый человѣкъ со злыми черными глазами — одинъ изъ главныхъ «ораторов» на бакѣ.

Между нимъ и Ершовымъ начался замѣчательный діалогъ:

Левицкій: Вы, товарищъ мастеръ, нанялись прислуживать офицерамъ замѣсто вѣстового?

Ершовъ: Я никуда не нанимался, а прислуживаю г-мъ офицерамъ добровольно. А за что вы арестовали офицеровъ?

Левицкій: Извѣстно за что! — за контръ-революцію! Матросы рѣшили! . .

Ершовъ: Кто далъ право матросамъ арестовывать офицеровъ? Офицеръ на кораблѣ — все, а корабль безъ офицеровъ — ничто. Самъ былъ 10 лѣтъ матросомъ, знаю, что говорю. Вотъ вы арестовали офицеровъ, а за что сами не знаете.

Левицкій: А на какихъ корабляхъ были вы матросомъ?

Ершовъ: Я былъ рулевымъ боцманматомъ на Императорской яхтѣ «Штандартъ».

Левицкій: Значитъ, вы и Государя знали?

Ершовъ: Государя Императора Николая Александровича вся команда «Штандарта» знала и любила. Я имѣю отъ него подарокъ — онъ показалъ серебряные часы съ орломъ на крышкѣ часовъ . . . У насъ всѣ офицеры были хорошіе (онъ перечислилъ нѣсколько фамилій, въ томъ числѣ Саблина, Зеленецкаго и другихъ). Но Государь Императоръ — особь статья: праведный человѣкъ, другого такого человѣка на свѣтѣ не было и не будетъ!»

На этомъ дискуссія закончилась. Теперь эти слова Ершова кажутся простыми и обыкновенными, но въ той обстановкѣ они были необычайны!

Въ тѣ времена! . . Въ тѣ дни, когда вся православная, генеральская, адмиральская, дворянская и купеческая Русь потеряла голову и не смѣла даже произнести вслухъ имени Государя Императора . . Въ тѣ дни, когда подымали на штыки, избивали прикладами и разстрѣливали ни въ чемъ неповинныхъ офицеровъ . . . тутъ рядомъ . . . сегодня, вчера и зав-

тра . . . въ тѣ времена — слова бывшаго матроса Гвардейскаго Экипажа рулевого боцманмата Ершова: «Государь Императоръ особь статья — другого такого праведнаго человѣка не было и не будетъ! . . .» — звучали отважно. Это были слова простого русскаго человѣка.

На миноносцѣ мы просидѣли почти до Рождества. О насъ собирали свѣдѣнія съ мѣстъ прежней нашей службы.

Свѣдѣнія обо мнѣ приходили неутѣшительныя: изъ Артиллерійской школы, гдѣ я два года былъ преподавателемъ-инструкторомъ класса артил. ун.-офицеровъ, отвѣтъ гласилъ: «Мы его не знаемъ — комитетъ Артил. школы на «Опытѣ»». Изъ Штаба командующаго Черноморскимъ флотомъ, гдѣ въ 1916 году я былъ на должности помощника Главнаго Артиллериста Чернаго моря, отвѣтъ былъ: «Такой же офицеръ, какъ и другіе, ни хуже, не лучше». Крейсеръ «Память Меркурія», на которомъ я четыре года былъ старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ, отвѣтить не удосужился . . . крейсеръ былъ занятъ другимъ важнымъ дѣломъ: онъ ушелъ въ Одессу и провозгласилъ себя «Морской силой независимой Украйны».

Въ 20-хъ числахъ декабря меня неожиданно вызвалъ наверхъ боцманъ Гнѣдюкъ. Команда, къ моему удивленію, была построена въ нѣчто вродѣ фронта. Гнѣдюкъ торжественно вытащилъ какую-то бумажку и громогласно прочелъ: «Комитетъ лин. кор. «Три Святителя» сообщаетъ комитету эск. мин. «Безпокойный»: хотя лейт. Шрамченко плавалъ на лин. кор. «Три Святителя» не въ командѣ, а въ Штабѣ, но мы всѣ его знаемъ за очень хорошаго человѣка. Что же касается его контръ-революціонной дѣятельности, то даемъ объ этомъ свои лучшіе отзывы. Подписали члены судового революціоннаго комитета: такіе-то».

Я вернулся домой и торжественно заявилъ женѣ, что все самое тяжелое мы уже пережили и теперь можно ожидать облегченія участи морскихъ офицеровъ. Спали мы спокойно, точно послѣ тяжелой болѣзни . . . не предвидя того, что Голгофа морскихъ офицеровъ Черноморскаго флота была еще впереди.

Въ началѣ января, рано утромъ, на Екатерининской улицѣ собралась группа морскихъ офицеровъ. Всѣ они были въ пальто безъ всякихъ отличій и въ фуражкахъ съ старыми офицерскими кокардами. Командовалъ всѣмъ отрядомъ кап.

2 р. Борисъ Михайловичъ Пышновъ. Построились по 4 человѣка въ рядъ. «Вынуть револьверы! — приказалъ Пышновъ — и слѣдовать за мной! Шагомъ маршъ!» Шли мимо вокзала и обходнымъ путемъ вышли на Симферопольскую дорогу. Встрѣчные патрули и матросская застава не посмѣли ихъ остановить. Они ушли къ татарамъ . . . Давно уже носились слухи, что крымскіе татары не сочувствуютъ революціи и хотятъ усмирять матросовъ.

Прошло еще нѣсколько дней, когда однажды ночью началась безпорядочная стрѣльба изъ винтовокъ въ воздухъ, и вдругъ завыли всѣ сирены заводскихъ мастерскихъ и портовыхъ катеровъ. Утромъ распространился слухъ, что татары идутъ войной на Севастополь. Никакихъ татарскихъ войскъ не оказалось, но много татаръ заплатили своей жизнью и разгромомъ своихъ домовъ за дикую панику, возникшую среди матросовъ.

Въ Морскомъ Собраніи начались ежедневныя засѣданія революціоннаго трибунала. И обвинители, и свидѣтели были случайные — кто попадаетъ подъ руку.

На одномъ такомъ засѣданіи въ большомъ танцевальномъ залѣ Собранія судили контръ-адмирала Львова за усмиреніе бунта на крейсерѣ «Память Меркурія» въ 1912 году. Я присутствовалъ въ почти маскарадномъ костюмѣ. Еще въ 1915 г. я купилъ кожаный костюмъ и заячью мѣховую шапку, чтобы легче переносить зимнюю стужу на мостикѣ миноносца. Теперь онъ пригодился мнѣ, ибо кожаные костюмы стали какъ бы формой всѣхъ мелкихъ революціонныхъ комиссаровъ.

Я давно не былъ въ Морскомъ Собраніи. Нашъ великолѣпный залъ былъ заплеванъ, забросанъ окурками и семячками. Зіяли пустые мѣста тамъ, гдѣ были портреты всѣхъ императоровъ. Изъ какого подполья выползла эта толпа заполнявшая залъ? Бабы въ платкахъ — жестикулирующія и злобныя мегеры . . . Какіе-то оборванцы-бандиты, матросы и солдаты въ растрепанной формѣ . . . На сценѣ засѣдалъ судъ — какой-то штатскій предсѣдатель и двое судей, по бокамъ ихъ — матросы. Тутъ же на сцену вывели адмирала Львова, около него 2 матроса съ ружьями. Начался нудный допросъ и показанія свидѣтеля бунта 1912 года, какого-то матроса, вернувшагося съ каторжныхъ работъ. Адмиралъ Львовъ дер-

жался съ большимъ достоинствомъ. «Я всегда поступалъ по чести и по совѣсти . . . Другимъ я и не могъ быть, каяться мнѣ не въ чѣмъ . . .»

Защищалъ добровольно на всѣхъ этихъ процессахъ какой-то мастеровой Севастопольскаго порта съ большой бородой. Защищалъ съ пафосомъ, пламенно. Многихъ это спасло.

Я выбрался изъ зала съ тяжелымъ чувствомъ.

На другой день судили кап. 2 р. Вахтина, командира румынскаго парохода «Принчипесса Марія», обращеннаго въ вспомогательный крейсеръ, обвиняя его въ усмиренiи бунта на «Потемкинѣ». Вахтина убили сейчасъ же послѣ суда, когда патруль долженъ былъ отвести его въ крѣпость.

Тамъ же судили кап. 2 р. И. Цвингмана за единый доносъ на него какого-то матроса лин. кор. «Екатерина Великая», о томъ, что за какой-то проступокъ матроса Цвингманъ вывелъ его передъ фронтъ команды за ухо. Цвингмана приговорили къ одному мѣсяцу содержанія въ крѣпости за унизительное обращеніе съ командой.

Становилось трудно съ продовольствіемъ и, можетъ быть, съ цѣлью отвлечься отъ тяжелой, давящей какъ кошмаръ, жизни, я, вооружившись сачкомъ (сѣткой), пошелъ на берегъ Южной бухты ловить кефаль, которая вошла въ бухту большой стаей. Я былъ въ одиночествѣ. По дорогѣ за моей спиной проѣзжалъ всадникъ — морской офицеръ. Я узналъ въ немъ кап. 2 р. Богданова. Я оглянулся — кругомъ никого . . .

«Богдановъ, — сказалъ я, — Вы знаете, что Вашъ закадычный другъ Ваничка Цвингманъ сидитъ въ крѣпости. Вѣдь тамъ его убьютъ! Вы Начальникъ революціоннаго Штаба флота! Попытайтесь освободить его! . . .» «А что я могу сдѣлать? Ему тамъ безопаснѣе, чѣмъ дома . . . Пускай посидитъ» — съ этимъ Богдановъ поѣхалъ дальше.

Не могу вспомнить точнаго числа еще одного печальнаго событія. Въ десятыхъ числахъ января сборный отрядъ матросовъ на миноносцѣ «Гаджибей» отправился въ Ялту усмирять контръ-революцію. Съ командой «Безпокойнаго» на походъ увязался лейт. Цвѣтковъ. Онъ мнѣ потомъ разсказывалъ, что пошелъ добровольно, надѣясь удержать матросовъ

отъ звѣрствъ. «Гаджибей» обстрѣлялъ Ялту, большихъ поврежденій не причинилъ, а затѣмъ карательная экспедиція сошла на берегъ и началась расправа съ оставшимися въ Ялтѣ сухопутными офицерами. Большинство ихъ объединилось съ прибывшими съ фронта чинами Крымскаго дивизіона и ушло въ горы къ татарамъ, но въ городѣ оставались и не ялтинцы, сухопутные офицеры какихъ-то частей, прибывшихъ съ Кавказскаго фронта. Ихъ разстрѣливали на молу и трупы бросали въ море. Въ Ялтѣ погибло около 200 сухопутныхъ офицеровъ.

Лейт. Цвѣтковъ сошелъ съ миноносца на пристань, около которой собралась огромная толпа. Какіе-то оборванцы, солдаты и матросы привели къ самому миноносцу двухъ молодыхъ кавалерійскихъ офицеровъ и долголѣтняго Старшаго Врача Севастопольскаго Морского Госпиталя, тайнаго совѣтника Кибера съ окровавленнымъ лицомъ.

«Пойдемте со мной, — сказалъ Цвѣткову начальникъ карательнаго отряда матросъ Драчъ. — Пора прекратить эти разстрѣлы». «Ей вы! — закричалъ онъ зычнымъ голосомъ. — Что вамъ сдѣлали эти молодые офицеры? Пусть идутъ домой . . . Я разобрался, они ни въ чемъ не виноваты». Ихъ отпустили въ сопровожденіи трехъ матросовъ съ «Гаджибея».

«Да отпустите же и старика», — попросилъ Цвѣтковъ. «Нѣтъ! — рѣшительно отвѣтилъ Драчъ. — Довольно пожилъ! Пускай себѣ умираетъ!»

«Нѣтъ ли фельдшера въ толпѣ?» — спросилъ Киберъ.

Фельдшеръ нашелся на «Гаджибеѣ». Киберъ передалъ ему 6000 рублей казенныхъ денегъ, данныхъ ему на хлопоты по устройству санаторіи въ Ялтѣ, и просилъ передать ихъ въ Штабъ Флота, вмѣстѣ съ запиской женѣ. Фельдшеръ это порученіе принялъ.

«Теперь я готовъ» — сказалъ Киберъ. Его подвели къ краю мола и выстрѣлили въ грудь. Онъ свалился въ воду раненный и вернулся на берегъ къ разстрѣливавшимъ.

«Я еще живъ», — сказалъ онъ, выходя на молъ. Его пристрѣлили . . .

Настроеніе въ Севастополѣ было безнадежное, тяжелое, угнетенное . . . Чувствовалось, что Черноморскій флотъ умираетъ и что мы, офицеры, тоже должны умереть. Вопросъ

только былъ: какъ? и когда? Или бѣжать? — и опять вопросъ: куда? какъ быть съ семьями? Все же кое-кто изъ офицеровъ флота куда-то исчезъ. Убили или бѣжали — неизвѣстно..

Внутри Россiи хаосъ былъ больше чѣмъ въ столицахъ и на окраинахъ.. На желѣзныхъ дорогахъ — ужасъ... Носились слухи объ избiенiи около 2000 сухопутныхъ офицеровъ въ Кiевѣ..

Я попросилъ Штабъ дивизiи назначить освидѣтельствованiе меня на предметъ увольненiя въ отпускъ по болѣзни и сидѣлъ дома. Меня освидѣтельствовала комиссiя, состоявшая изъ двухъ врачей и двухъ санитаровъ, представителей госпитальнаго комитета, и признали больнымъ. Комитетъ постановилъ дать мнѣ двухмѣсячный отпускъ, безъ права выѣзда изъ Севастополя.

Въ началѣ февраля 1918 г. отъ различныхъ делегацiй революцiонныхъ матросовъ Балтiйскаго флота, отъ образованнаго революцiоннаго большевистскаго совѣта народныхъ комиссаровъ и другихъ революцiонныхъ организацiй начали поступать требованiя объ углубленiи революцiи. Агитацiонные листки желтой прессы разжигали страсти, призывая къ уничтоженiю интеллигенцiи. Собственными глазами читалъ я телеграмму, присланную Раскольниковымъ Центрофлоту Чернаго моря. Она гласила: «Совнаркому извѣстно, что въ Севастополѣ дѣйствуетъ контръ-революцiонная организацiя — Бѣлый крестъ — черная точка. Заговорщиковъ надо искать среди морскихъ офицеровъ и слѣдуетъ немедленно задавить эту гидру».

Въ городѣ начали носиться слухи, что матросы поговариваютъ, что пора устроить Варфоломѣевскую ночь, для истребленiя всѣхъ проживающихъ въ Севастополѣ офицеровъ, купцовъ и вообще «господъ».

Послѣ нѣсколькихъ буйныхъ митинговъ на линейномъ кораблѣ «Воля» (бывшiй «Императоръ Александръ III»), Варфоломѣевская ночь была осуществлена. Въ исторiю революцiонныхъ мерзостей она войдетъ подъ безграмотно искаженнымъ матросами наименованiемъ «Еремѣевской ночи».

Рѣшающiй митингъ былъ собранъ 23 февраля, и къ полуночи былъ составленъ планъ дѣйствiя: послѣ 12 час. ночи,

15-20 группъ матросовъ, съ перевернутыми ленточками на фуражкахъ, такъ чтобы не видно было съ какого корабля, съѣхали на берегъ. Каждая группа имѣла списокъ офицеровъ и состоятельныхъ гражданъ, которыхъ надо было уничтожить.

За два-три дня до «Еремѣевской ночи» ко мнѣ на квартиру пришелъ матросъ «Безпокойнаго» Галушка и сообщилъ, что на митингѣ по приказу краснаго Центрофлота состоялись выборы командира миноносца. Много спорили, но все таки меня провалили съ трескомъ, а выбрали своимъ командиромъ лейтенанта Лазарева, «потому что онъ Георгіевскій кавалеръ (золотое оружіе), а Шрамченко не годится, потому что укачивается и, кромѣ того, при царѣ служилъ въ тайной полиціи» (??)

Галушка просилъ меня быть у него на свадьбѣ посаженнымъ отцомъ. Онъ женится на очень хорошей барышнѣ изъ кондитерской Мессинскаго. Вѣнчаніе въ Покровской церкви и парадный ужинъ въ помѣщеніи кондитерской, съ тортами, конфектами и мороженнымъ. Я съ женой обѣщали быть посаженными.

Послѣ ухода Галушки я поѣхалъ въ Штабъ Командующаго и получилъ на руки приказъ о моемъ назначеніи Начальникомъ Оперативнаго Отдѣла Штаба — вакантное мѣсто, фиктивная должность, т. к. флотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ былъ совершенно небоеспособенъ. Дезорганизованная, распущенная матросская масса, терроризованный и сильно порѣдѣвшій офицерскій составъ.

Свадьба Галушки была отпразднована въ помѣщеніи кондитерской Мессинскаго при наглухо закрытыхъ дверяхъ чрезвычайно помпезно: было много дѣвицъ-подружекъ невѣсты и человѣкъ 10 унтеръ-офицеровъ и матросовъ съ «Безпокойнаго». Было много тортовъ, вина и конфектъ. Супруги Мессинскіе и я были почетными гостями. Просидѣвъ за столомъ съ 8 до 12 ночи, въ первомъ часу мы съ женой рѣшили идти домой. Къ моему удивленію этому воспротивились женихъ и матросы съ «Безпокойнаго». Унтеръ-офицеръ Пѣшковъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вамъ нельзя уходить!... Веселье будетъ до утра. Мы, матросы, проводимъ васъ съ женой до самого дома». Въ 2-3 часа онъ опять подошелъ и сказалъ: «Теперь можно идти. Мы проводимъ васъ до дому». Я тогда не понималъ — въ чемъ дѣло?

Такъ, подъ эскортомъ десяти человѣкъ матросовъ мы дошли до дверей моей квартиры — Таврическая 5, въ верхнемъ этажѣ гимназіи Подлесной. Матросы очень вѣжливо съ нами попрощались и ушли.

Наша спальня была самая дальняя комната отъ парадной двери, закрытой большимъ дубовымъ засовомъ. Мы заперли дверь въ спальню. Ложась спать я бросилъ въ ящикъ комода маленькій револьверъ-бульдогъ — изящную игрушку, отдѣланную перламутромъ и золотомъ.. Держалъ я его на случай необходимости покончить съ собой въ критическій безвыходный моментъ. До-нельзя усталые, мы крѣпко заснули и проснулись отъ стука въ дверь прикладами и крика снаружи: «Обыскъ оружія!»

Я вскочилъ и началъ одѣваться. Надѣлъ первое что попалось подъ руку, бѣлыя брюки и китель... не могъ вспомнить, куда дѣлъ револьверъ... машинально открылъ комодъ — револьверъ здѣсь! Засунулъ его за тугой поясъ брюкъ сзади подъ китель... Открылъ двери... Вошли человѣкъ 10-12 матросовъ съ перевернутыми ленточками и ружьями. Ищите... Жена открыла два зеркальныхъ шкапа съ одеждой. Матросы немного порылись и вышли въ гостинную. Тамъ стоялъ буфетъ, перенесенный изъ столовой (эта комната была у насъ реквизирована для коммерческаго моряка, прапорщика съ женой). Матросы вѣжливо спросили открыть буфетъ. Серебряные столовые приборы, сахарницы и вазы морозовскаго серебра ихъ не заинтересовали. Нагибаясь, открывая нижніе шкапчики, я съ опаской думалъ, не виденъ ли заткнутый за поясъ револьверъ. Прошло!. Въ это время Люба вышла изъ моей комнаты съ женихомъ-матросомъ подводнаго плаванія. Люба стояла красная, растерянная, а этотъ дурень рѣшилъ вмѣшаться.. «Товарищи, а есть ли у васъ мандатъ на обыскъ?», — спросилъ онъ. Матросъ, руководившій обыскомъ, вынулъ наганъ и ткнувъ имъ въ носъ спрашивающаго, строго отвѣтилъ: «Вотъ тебѣ мой мандатъ!». Послѣ этого осмотрѣли еще кабинетъ и письменный столъ и ушли.. уведя съ собой прапорщика, котораго только на-дняхъ произвели, и онъ купилъ себѣ саблю. Такъ и стояла она въ углу, завернутая въ бумагу и перевязанная веревочкой. Послѣднія слова начальника патруля были: «Этого контръ-революціонера за храненіе оружія мы арестуемъ». Я вышелъ на лѣстницу вслѣдъ за вышедшимъ патрулемъ, со-

знавая, что хладнокровіе и угрюмая вѣжливость — единственное вѣрное оружіе. Одинъ изъ матросовъ, уже спускаясь, крикнулъ мнѣ: «А съ какого вы корабля?». «Я **выборный** командиръ эскад. миноносца «Безпокойный», — важно отвѣтилъ я. Матросы ушли . . Я стоялъ на площадкѣ лѣстницы и слушалъ удалявшіеся шаги патруля, оставившаго мнѣ записку, что обыскъ оружія произведенъ. Минутъ черезъ пять опять внизу отворяются двери . . Опять патруль . . Но я уже обнаглѣлъ. «Кто тамъ? — спросилъ я — обыскъ оружія только-что былъ!». «А кто вы такой?» — «Выборный командиръ «Безпокойнаго». «А! «Безпокойнаго»! тамъ хорошіе ребята! А есть ли еще квартиры?» — «Нѣтъ, это зданіе гимназіи Подлесой». Ушли . . . Хлопнула внизу дверь . . Возвращаюсь въ квартиру и . . натыкаюсь на фигуру въ капковой курткѣ и офицерской фуражкѣ. «Мичманъ Мартино! — воскликнулъ я — а вы чего здѣсь?» «Долго разсказывать — сказалъ онъ — дайте мнѣ ѣсть!» Въ столовой ему дали чаю, чернаго хлѣба и малороссійскаго сала. Онъ ѣлъ молча, блѣдный и удрученный . . . «Вы-то чего увязались? развѣ не видѣли. чѣмъ это пахнетъ?» — спросилъ я. «Ужасъ! ужасъ!» — отвѣтилъ онъ . . . и ушелъ. Было уже совсѣмъ свѣтло.

Въ 7 часовъ прибѣжала прислуга изъ дома моего тестя, генералъ-майора Зражевскаго. «Барина увели!» — закричала она. Жена пошла съ ней. Еще черезъ часъ вернулся прапорщикъ и моя жена, и они разсказали мнѣ, что всѣхъ арестованныхъ уводили въ Морское Собраніе или во дворецъ Главнаго Командира — не помню точно, и тамъ судили. Однихъ, по приговору революціоннаго суда, уводили въ примыкающія къ залу комнаты — налѣво, другихъ направо. Какъ потомъ разсказывалъ мнѣ мой тесть, судъ постановилъ отвести его налѣво, но въ этотъ моментъ одинъ изъ членовъ суда, молодой мастеровой Севастопольскаго порта, вдругъ крикнулъ: «Я протестую! генералъ-майоръ Зражевскій въ отставкѣ еще до войны! Онъ служитъ въ комиссіи по испытанію угля. Онъ хорошій человѣкъ, и всѣ, кто съ нимъ служили и работали его любятъ какъ справедливаго человѣка». Предсѣдатель-матросъ сразу согласился. «Хорошо! ведите его направо!». Всѣхъ собравшихся въ этой комнатѣ вскорѣ отпустили съ запиской: «Революціоннымъ судомъ освобожденъ отъ наказанія и посланъ домой». Въ лѣвой комнатѣ было собрано 14 человѣкъ, въ томъ числѣ вице-адмиралъ Васильковскій

(капитанъ надъ Севастопольскимъ портомъ) и лейтенантъ Н. Н. Макаровъ. Остальныхъ не помню или не зналъ. Были въ томъ числѣ и сухопутные офицеры. Всѣхъ ихъ повели на Корабельную сторону и тамъ, гдѣ-то около Малахова кургана, поставили въ рядъ и начали разстрѣливать . . . Послѣ перваго, нестройнаго, залпа Макаровъ, чувствуя, что онъ раненъ въ руку, бросился бѣжать, не разбирая дороги . . . Пули свистѣли около него, но настоящаго преслѣдованія не было. До ночи онъ просидѣлъ въ ямѣ въ какомъ-то лѣскѣ. Рана сильно кровоточила и перевязать ее не было возможности. Поздно вечеромъ, совершенно изнуренный, онъ постучалъ въ дверь какой-то хатки на окраинѣ «корабушки» (селеніе Корабельной стороны). Дверь ему отворилъ мастеровой Севастопольскаго порта и, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ: «Войдите. Я васъ спрячу на чердакѣ и сейчасъ перевяжу вашу рану. Я меньшевикъ и ненавижу большевиковъ». Прошло двѣ недѣли, пока гноившаяся рана зажила. Тогда, переодѣтый въ штатское платье, Макаровъ направился домой.

Вотъ что потомъ мнѣ разсказала жена Н. Н. Макарова. «На второй день послѣ Варфоломѣевской ночи (23 февраля 1918 г.), я еще ничего не знала о моемъ мужѣ, послѣ того какъ какой-то патруль увелъ его, какъ мнѣ сказали, во дворецъ Главнаго Командира. Когда въ Крымскомъ Вѣстникѣ появился списокъ разстрѣлянныхъ по приговору революціоннаго трибунала, была напечатана фамилія лейтенанта Николая Макарова. Я ходила съ другими женами офицеровъ разыскивать убитыхъ мужей . . . Плакала цѣлыми днями, обнявшись съ моей трехлѣтней дочуркой . . . Въ ближайшіе дни отслужили панихиду, но это меня не успокоило, я была въ какомъ-то отупеніи. Послѣ этой страшной ночи прошло около двухъ недѣль. Мы съ дочуркой сидѣли въ своей столовой и пили чай. Было около 9 часовъ вечера. Кто-то постучался. Я открыла дверь . . . это былъ мой мужъ . . . Ударъ для моихъ натянутыхъ нервовъ былъ слишкомъ страшный. Я дико вскрикнула и упала безъ сознанія».

Лейтенантъ Н. Н. Макаровъ погибъ, сражаясь въ рядахъ бѣлой арміи, командиромъ бронепоѣзда. Къ сожалѣнію, не помню подробностей этого дѣла. Поѣздъ былъ лишенъ возможности двигаться — пути были взорваны впереди и позади поѣзда гдѣ-то въ ущельѣ, и весь составъ поѣзда былъ перебитъ. Какимъ-то чудомъ удалось спастись одному артилле-

рійскому кондуктору, который, много позже, разсказывалъ мнѣ объ этомъ.

Какъ передавала освѣдомленная о всемъ происходившемъ въ эту ночь севастопольская газета, было убито около 300 морскихъ и жившихъ въ городѣ офицеровъ севастопольской крѣпостной артиллеріи, нѣсколько домовладѣльцевъ и городской голова Неофитъ, чрезвычайно культурный городской дѣятель, владѣтель макаронной фабрики. Онъ лежалъ больной въ постелѣ, когда матросы пришли дѣлать обыскъ. Вошедшій патруль искалъ оружія, но ничего не нашелъ и хотѣлъ уже уходить, когда одинъ изъ матросовъ вернулся и взялъ у него съ ночного столика золотые часы. «Это не оружіе», — сказалъ Неофинъ. «А это оружіе» отвѣтилъ матросъ и выстрѣлилъ въ упоръ ему въ лицо, убивъ наповалъ на глазахъ жены.

Еще одно изъ звѣрскихъ убійствъ сохранилось у меня въ памяти. Патруль изъ трехъ человѣкъ пришелъ на квартиру кап. 2 р. Резенкамфа, Начальника пристрѣлочной минной станціи. «Вы арестованы и должны идти съ нами въ революціонный штабъ», — сказали матросы. Это было, вѣроятно, въ декабрѣ, въ дни разстрѣловъ, потому что погода стояла скверная, и Резенкамфъ хотѣлъ надѣть галоши. «Галоши надѣвать не надо, не къ чему». Предчувствуя недоброе, жена и двое дѣтей, съ которыми отецъ попрощался, спустились за патрулемъ и вышли на улицу. На ихъ глазахъ отецъ былъ застрѣленъ тутъ же, около дома, и исколотъ штыками. Онъ еще дышалъ, когда жена и дѣти бросились къ нему. Патруль ушелъ не оборачиваясь . . .

Однако все проходитъ, прошла и жуткая «Еремѣевская» ночь.

Въ 9 часовъ утра я позвонилъ въ Штабъ Флота на «Георгій Побѣдоносецъ». Отвѣтилъ писарь матросъ Шевченко, мой личный писарь артиллерійской части Штаба, гдѣ я, въ 1916 году былъ помощникомъ Главнаго артиллериста Чернаго моря. «Шевченко, пусть два писаря Штаба придутъ за мною на квартиру; мнѣ надо явиться въ Штабъ, а тутъ, въ городѣ, чертъ знаетъ что творится». «Сейчасъ, сейчасъ же организуемъ, — послышалось въ отвѣтъ. — Безъ насъ, Ваше Выс-кородіе, не выходите». Черезъ полчаса писаря были у меня, разсказали мнѣ, что въ городѣ ночью было много беззаконныхъ убійствъ, но что теперь все уже спокойно, но не всѣ патрули

еще вернулись на корабли, и поэтому слѣдуетъ идти осторожнѣе. «Писарь Никитинъ пойдетъ впереди, а вы идите рядомъ со мною, — сказалъ Шевченко. — Слѣдите за моей рукой, если сдѣлаю знакъ, переходите на другую сторону».

Мы дошли благополучно до Графской пристани и стали съ лѣвой стороны въ ожиданіи шлюпки. Справа около Графской пристани стояла баржа, на которой были навалены трупы офицеровъ. Сверху лежалъ, раскинувъ руки, трупъ офицера въ окровавленной бѣлой рубашкѣ. Борода широкимъ вееромъ прикрыла его раны. Это было тѣло контръ-адмирала Николая Георгіевича Львова . . . Я не могъ смотрѣть въ ту сторону . . . Спазмы душили мнѣ горло. Это было чувство безпредѣльной тоски и отвращенія къ жизни . .

На «Георгіи Побѣдоносцѣ» я явился Начальнику Штаба кап. 1 р. А. А. Нищенкову. «Вы примите Оперативное отдѣленіе отъ лейтенанта Ковенко, а онъ останется во главѣ Административнаго и Организаціоннаго отдѣленій. Вновь назначенному Командующему Флотомъ адмиралу Саблину являться не надо. Адмиралъ приказалъ никому изъ чиновъ Штаба три дня на берегъ не съѣзжать. Идите къ комиссару Штаба Флота Романовскому (рулевой унтеръ-офицеръ съ катера адмирала Новицкаго). Онъ выдастъ Вамъ новое удостовѣреніе личности».

Я пошелъ къ Романовскому. Онъ очень любезно и величественно меня принялъ. «Пожалуйста садитесь, г-нъ лейтенантъ, сейчасъ Вамъ напишутъ удостовѣреніе». Онъ отдалъ распоряженіе, и нѣсколько минутъ мы сидѣли молча. Потомъ онъ началъ лихорадочно говорить: «Какіе мерзавцы! Я лично отдалъ распоряженіе и далъ списки патрулямъ . . . Надо было убить 50 человѣкъ, а они, мерзавцы, негодяи, пошли грабить и убили больше 300 . . .».

Черезъ нѣсколько минутъ принесли удостовѣреніе: красная книжечка, въ которой было написано: капитанъ 2-го ранга Яковъ Шрамченко,, дѣйствительный членъ Центрофлота Чернаго моря. Кто-то «они» были выборные члены вновь образованнаго учрежденія «Центрофлота», а мы, чины Штаба, стали «дѣйствительными членами».

Я принялъ Оперативное отдѣленіе. На стѣнѣ была громадная карта, на которой ежечасно отмѣчалось, гдѣ и какія наши суда находятся въ морѣ. На полкахъ лежало 24 увѣси-

стыхъ папки съ дѣлами Штаба — вся исторія войны 1914-1917 годовъ. Мое особое вниманіе остановилось на двухъ туго набитыхъ папкахъ — вся переписка со Ставкой, рядъ бумагъ, подписанныхъ Государемъ Императоромъ и великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Эти папки — тома IѴ и Ѵ были внесены въ реестръ документовъ Оперативнаго отдѣленія подъ краткимъ заголовкомъ: «Дѣло о Босфорѣ».

Вскорѣ я взялъ эти два тома и отвезъ ихъ въ Архивъ Штаба и просилъ искалеченнаго и израненнаго завѣдывающаго архивами капитана 2-го ранга запрятать ихъ подальше.

На должность Начальника Оперативнаго отдѣленія я вступилъ 24 февраля. Отлично помню избранный президіумъ Центрофлота, вначалѣ умѣреннаго характера: Предсѣдатель — матросъ Кноррусъ, члены президіума: матросы Волковъ, Волошинъ и еще одинъ, изъ коммерческихъ моряковъ, помощникъ съ одного изъ пароходовъ Русскаго О-ва. Матросская форма ихъ была только декораціей: Кноррусъ и Волошинъ были люди съ законченнымъ университетскимъ образованіемъ, Волковъ былъ попроще, но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ интеллигентный человѣкъ. Они всецѣло были на сторонѣ офицеровъ флота и относились къ адмиралу Саблину и кап. 1 р. Нищенкову съ нескрываемымъ уваженіемъ. Объ этихъ двухъ достойныхъ офицерахъ, у тѣхъ кто ихъ зналъ, не было двухъ мнѣній — это были большіе люди, прекрасные офицеры, твердые и мужественные.

Изъ остальныхъ чиновъ Штаба Черноморскаго флота я запомнилъ далеко не всѣхъ: старшій офицеръ лейт. Тавасшерна, флагманскій инж.-мех. кап. 1 р. В. Ф. Бергъ, Начальникъ Распорядительнаго отдѣленія лейт. Ковенко, Главный Артиллеристъ кап. 2 р. Городысскій, прикомандированный къ Штабу чиновникъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, до войны занимавшій отвѣтственный постъ при нашемъ Посольствѣ въ Турціи, дѣйст. статскій совѣтникъ Тухолка. Это былъ очень интересный человѣкъ, убѣжденный астрологъ, раздававшій всѣмъ чинамъ Штаба свои брошюры о высокомъ значеніи и достиженіяхъ астрологіи. Жена его была гадалка. Каждое утро, возвращаясь на корабль, онъ дѣлалъ обстоятельный докладъ каждому изъ молодыхъ чиновъ Штаба о нашихъ шансахъ пережить опасные дни. Саблину и Нищенкову онъ не рѣ-

шался досаждать. Мы просидѣли на кораблѣ три дня — «какъ маркизы въ тюрьмѣ, ожидая трибунала» — какъ выражался Тавасшерна. На четвертый день Тухолка зашелъ ко мнѣ въ оперативную каюту и съ таинственнымъ видомъ сообщилъ, что «съ сегодняшняго дня сочетаніе орбиты Марса съ прямымъ восхожденіемъ луны замѣчательное — и, видя мое недоумѣніе, прибавилъ: Жена вчера персонально гадала на всѣхъ чиновъ Штаба. Никому ничего не угрожаетъ и всѣ вы сегодня можете ѣхать домой».

Тухолка хотѣлъ исчезнуть изъ оперативной каюты, но я схватилъ его за руку, стараясь задержать его: «Ну, а въ чемъ дѣло? Серьезно!». Тухолка наклонился къ моему уху и прошепталъ: «Германская армія заняла Одессу и двигается вдоль побережья!».

Слухъ о переходѣ нѣмцевъ въ наступленіе на Южномъ фронтѣ и страхъ передъ нимъ нѣсколько отрезвили бунтовавшія массы матросовъ. Все какъ-то затихло въ животномъ страхѣ: «Нѣмцы идутъ!», и недоговоренное: «будетъ жестокая расплата».

Однажды утромъ въ операціонной каютѣ зазвонилъ телефонъ. Говорилъ караульный начальникъ склада ручныхъ гранатъ гдѣ-то въ районѣ Севастопольской крѣпости: «Караулъ ушелъ въ городъ по своимъ дѣламъ, я остался одинъ. Изъ окрестностей прибыло нѣсколько частныхъ подводъ, которыя нагружаютъ ручными гранатами — говорятъ они необходимы имъ для рыбной ловли. Я одинъ противостоять не могу, пришлите помощь, чтобы пріостановить грабежъ склада». Я вышелъ изъ оперативной каюты и, заперевъ ее на ключъ, пошелъ по корридорамъ «Георгія Побѣдоносца», читая надписи, указывающія отдѣлы Штаба, на дверяхъ каютъ. Наконецъ я нашелъ подходящую надпись: «Комитетъ общественной безопасности». Тамъ я нашелъ двухъ членовъ Центрофлота, обсуждавшихъ какіе-то вопросы съ лейт. Ковенко. Тутъ же около стола, стояла зловѣщая фигура предсѣдателя чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей матроса Басова. Видъ у него былъ воинственный: къ кожаному поясу была пристегнута кобура съ револьверомъ Кольта, въ лѣвой рукѣ портфель, туго набитый какими-то документами, а на ладонѣ правой руки онъ держалъ нѣсколько револьверныхъ патроновъ, потряхивая ихъ.

Я передалъ Комитету общественной безопасности о грабежѣ склада, и они обѣщали мнѣ принять мѣры противъ анархическаго растаскиванія ручныхъ гранатъ.

Ко мнѣ подошелъ Басовъ и сказалъ: «Мнѣ надо съ вами, г-нъ лейтенантъ, поговорить». «Пойдемте въ операціонную каюту, — предложилъ я, — тамъ удобнѣе». Войдя въ каюту я заперъ дверь на ключъ изнутри.

Басовъ порылся у себя въ портфелѣ и вынулъ какую-то бумагу. напечатанную на машинкѣ. «Вотъ, посмотрите это», — сказалъ онъ.

Это было показаніе старшаго артиллериста и командира 1-й роты крейсера «Память Меркурія» лейтенанта Шрамченко на засѣданіи Военно-Окружного суда въ 1912 году, судившаго матросовъ крейсера «Память Меркурія» за сговоръ о бунтѣ и распредѣленіе обязанностей — кому изъ матросовъ надлежитъ убить какого офицера. Я невольно перенесся мыслями ко времени моихъ показаній.

Я: Да, это мои показанія на судѣ въ 1912 г.

Басовъ: Обратите вниманіе на фамиліи, подчеркнутыя зеленымъ карандашемъ. Эти лица были жестоко наказаны.

Я: Я былъ исправный ротный командиръ, знавшій какъ свои пять пальцевъ матрсоовъ своей роты и дававшій свои показанія по совѣсти и присягѣ.

Басовъ: Но вы ни о комъ изъ нихъ не отозвались хорошо?

Я: Вы ошибаетесь, посмотрите въ концѣ моего показанія.

Басовъ: (Читаетъ конецъ моего показанія). «Прошу судъ сдѣлать возможное смягченіе участи старшему телеграфному унтеръ-офицеру моей роты Добжанскому». Какое же это было снисхожденіе?

Я: Его перевели изъ 1-й группы осужденныхъ въ послѣднюю — ссылку въ Каспійское море.

Басовъ: Откуда вы это знаете?

Я: У меня есть благодарственное письмо отъ Добржанскаго, Онъ въ Одессѣ пришелъ ко мнѣ на миноносецъ и передалъ это письмо. Оно со мною.

Басовъ: Дайте мнѣ его. Я пріобщу его къ вашему дѣлу. Завтра въ 10 часовъ Вы явитесь на судъ въ Морское Собраніе. Не думаю, чтобы васъ ожидало большое наказаніе, но служить въ революціонномъ флотѣ вы, конечно, не должны.

Я отперъ каюту и выпустилъ Басова. Минутъ пять я просидѣлъ неподвижно, обхвативъ голову руками. Потомъ всталъ и сказалъ громко: «Круто, надо утекать!». Потомъ пошелъ въ телефонную будку и сообщилъ женѣ, что ухожу изъ Севастополя и чтобы она не волновалась. Она начала что-то истерично кричать: «Ты хочешь меня бросить одну въ такое время!» Я повѣсилъ трубку. По телефону я узналъ, когда идутъ утренніе поѣзда на Джанкой, потомъ пошелъ попрощаться съ кап. 1 р. Нищенковымъ. Онъ просилъ передать ключъ отъ оперативной каюты лейтенанту Ковенко и сердечно распрощался со мною. Я переодѣлся въ штатскій костюмъ и высокіе сапоги. Ботинки и смѣну бѣлья я взялъ въ маленькую корзиночку и съѣхалъ на берегъ съ матросами на катерѣ, который едва не черпалъ воду бортами. Ночь я провелъ на квартирѣ инж.-мех. лейт. Я. А. Романчука. Всю ночь мы проговорили съ нимъ о томъ, что произошло въ арестномъ домѣ, какъ звѣрски убили 6 человѣкъ арестованныхъ офицеровъ тутъ же, въ корридорѣ. Денегъ у меня не было. Между ближайшими друзьями мнѣ собрали около 1000 рублей керенками. Съ миноносца «Завѣтный» принесли мнѣ удостовѣреніе: «матросъ 1-й статьи Павелъ Соколовъ», съ печатью и подписью комиссара миноносца. Конторщикъ Севастопольскаго порта отдалъ мнѣ свое удостовѣреніе: «Конторщикъ Севастопольскаго порта Григорій Ярославцевъ, 25 лѣтъ». Утромъ, въ 5 час. утра, я вышелъ изъ дому на Екатериненской улицѣ. Около дома Бурхановскихъ ждала меня моя жена. Она трогательно прижимала руки къ груди и просила: «Возьми меня съ собой! Я пропаду безъ тебя!..»

«Не бойся, я вернусь. У тебя есть немного денегъ. Если ихъ не хватитъ, спроси въ интендантскомъ отдѣленіи Штаба, тебѣ дадутъ авансъ въ счетъ моего жалованія...». Мы попрощались...

На вокзалѣ я долго стоялъ въ очереди. Впереди меня стоялъ поваръ съ кан. лодки «Уралецъ», съ которымъ я плавалъ въ 1910 году. Онъ былъ бывшій лейбъ-гусаръ и послѣ многихъ лѣтъ службы былъ поваромъ у великаго князя Николая Константиновича въ Туркестанѣ. Я не хотѣлъ, чтобы онъ узналъ меня. Онъ ораторствовавлъ окружающимъ его людямъ, что у него сынъ матросъ — комиссаръ морской авіаціи и плелъ какую-то революціонную ерунду. Наконецъ, би-

летъ купленъ, и я забился въ вагонъ, туго набитый какими-то солдатами. Поѣздъ стоялъ... Какой-то патруль провѣрялъ удостовѣренія. Наконецъ онъ дошелъ до нашего вагона. Крайніе показали какія-то бумажки, но раздались крики: «Тутъ все свои!». «Нѣтъ ли офицеровъ?» — Какіе тебѣ офицеры — самой дезертиръ!».

Поѣздъ тянулся долго и медленно. Только часамъ къ 6-ти подошли мы къ Джанкою. Я взялъ билетъ до Акъ-Маная, гдѣ начальникомъ станціи былъ дядя конторщика Григорія Ярославцева. По его совѣту я долженъ былъ отрекомендоваться какъ его двоюродный братъ, студентъ Новороссійскаго университета — этого племянника дядя никогда не видѣлъ.

Поздно ночью я постучался на квартиру начальника станціи. Онъ взглянулъ на меня удивленно и недовѣрчиво, но передалъ своей женѣ и дочери со словами накормить и напоить.

Мнѣ дали стаканъ чаю и хлѣба съ масломъ. Ѣсть мнѣ не хотѣлось, и я валился съ ногъ отъ усталости. Въ маленькой гостиной, среди фикусовъ, филандръ и гераней мнѣ поставили импровизированную постель, и я сейчасъ же завалился спать. Часовъ въ 8 утра я проснулся, чувствуя, что хорошо выспался и отдохнулъ. Я вымылся на дворѣ изъ рукомойника и пришелъ въ столовую. Мать, простая, обходительная, женщина, и дочка, дѣвочка лѣтъ 15-16, наперерывъ угощали меня. «Кушайте, кушайте пожалуйста, у насъ своя корова и курочки...». Кофе со сливками, творогъ со сметаной, свѣжій хлѣбъ, какіе-то пироги... Я просто набросился на ѣду и уплеталъ за обѣ щеки. Потомъ поглядѣлъ на нихъ и чуть не поперхнулся. Въ чемъ дѣло? Не понимаю! Обѣ мои хозяйки сидѣли и плакали, отворачиваясь и стараясь скрыть отъ меня свои слезы. На мой вопросъ: «Въ чемъ дѣло?» — онѣ отвѣтили: «Мы не спали всю ночь. Вы такъ кричали, что мужъ пошелъ спросить въ чемъ дѣло, но вернулся и сказалъ, что вы крѣпко спите. Но намъ спать не пришлось; слишкомъ страшно просыпаться отъ такихъ криковъ и стоновъ. Можетъ быть вы больны?».

Однако долго отдыхать мнѣ не пришлось. Къ начальнику станціи пришла делегація какихъ-то стрѣлочниковъ и еще какихъ-то служащихъ, предложившая ему убрать меня, такъ какъ имъ извѣстно, что у него живетъ контръ-революціонеръ.

«Лучше всего вамъ уѣхать въ Керчь. Черезъ часъ будетъ проходить эшелонъ красноармейцевъ, бѣгущихъ отъ нѣмцевъ изъ-подъ Херсона.

Я опять попалъ въ вагонъ съ дезертирами... Вагонъ былъ набитъ солдатами, какой-то дружной одесской шпаной. Они перекликались между собой на какомъ-то воровскомъ жаргонѣ, и такъ складно, въ рифму, съ прибаутками. Я сидѣлъ въ уголкѣ на своей корзиночкѣ между четырьмя молодыми балбесами и, чтобы избѣжать вопросовъ, угощалъ ихъ папиросами и заставлялъ разсказывать о военныхъ дѣйствіяхъ и походахъ. Они военныхъ дѣйствій не видѣли, но зато, проѣздомъ въ Александровскѣ, участвовали въ погромѣ купцовъ и буржуевъ, и разсказывали мнѣ, какъ они выкидывали буржуйскихъ дѣтей съ третьяго этажа. Я не зналъ, вѣрить или не вѣрить моимъ собесѣдникамъ, но, судя по гнуснымъ рожамъ, они были на все способны. Я продолжалъ подбодрять ихъ, угощать папиросами и распрашивать о другихъ преступныхъ дѣйствіяхъ. Такъ, незамѣтно, мы доѣхали до Керчи.

Лилъ проливной дождь. У выходныхъ дверей патруль изъ шести матросовъ провѣрялъ документы. Дошла очередь и до меня. Ощупавъ свои «бронзовые» документы, я съ нѣкоторой неувѣренностью вынулъ изъ кармана удостовѣреніе — «матросъ Степанъ Соколовъ» — сказалъ я увѣренно. Мнѣ возвратили документъ — я былъ свободенъ.

Керченскій вокзалъ находился въ двухъ верстахъ отъ города. У вокзала дежурили линейки, плата съ человѣка 1 рубль. На линейкѣ помѣщалось 6 человѣкъ. Ѣхали компаніями, сговорившись. Всѣ линейки были разобраны, оставалась одна, занятая патрулемъ. Пригласили меня, и я сидѣлъ между ними какъ арестованный. Дождь помѣшалъ какимъ-либо распросамъ. Не доѣзжая до города была какая-то сторожка. Патруль распрощался со мною, и я остался одинъ. «Куда ѣхать?» спросилъ возница. «Въ гостиницу». «Въ какую?» — «Въ самую лучшую!». Извозчикъ привезъ меня въ дѣйствительно хорошую гостинницу, но тамъ все было занято. Я сѣлъ опять на свою корзинку и сталъ дожидаться утра. Рядомъ со мною сидѣлъ какой-то солидный мужчина, тоже не имѣвшій пристанища. Мы разговорились. «Подождемъ утра, а тамъ пойдемъ къ брату, онъ смотритель богадѣльни. У него тѣсно, но онъ что-нибудь посовѣтуетъ. А самъ я —

отрекомендовался мой спутникъ — бывшій машинистъ сухого дока для дредноутовъ въ Севастополѣ, а послѣднее время предсѣдатель Геническаго городского совѣта. Я убѣжденный коммунистъ. Никакихъ злодѣйствъ я никогда не дѣлалъ и не допущу, но считаю коммунистическое ученіе идеальнымъ». Какой-то интуиціей я понялъ, что съ такимъ человѣкомъ нечего хитрить и лучше быть откровеннымъ. «Я не коммунистъ, — сказалъ я, — я офицеръ, морякъ и бѣгу отъ мучителей и гонителей офицерства. Коммунистомъ я никогда не буду, но если Вы ничего не имѣете противъ, я съ удовольствіемъ поселюсь съ Вами гдѣ-нибудь въ Керчи и мы будемъ имѣть случай поговорить».

Въ этотъ моментъ къ подъѣзду подошли какіе-то автомобили и шумная ватага какихъ-то, видимо вліятельныхъ, лицъ ввалилась въ гостинницу. «Самый главный революціонный комитетъ» — сказалъ съ какимъ-то почтеніемъ швейцаръ. Революціонный комитетъ сталъ подыматься по лѣстницѣ. Вслѣдъ за нимъ изъ парадной двери влетѣлъ красноармеецъ въ растегнутой шинели и съ залихватски сдвинутой набокъ и назадъ пилоткѣ. Онъ остановился передъ нами, поглядѣлъ на меня въ упоръ и вдругъ заоралъ во все горло: «Кого я вижу! лейтенантъ Шрамченко!» Я всталъ со своей корзиночки и подошелъ къ красноармейцу вплотную. «Прежде всего, не кричите. Я здѣсь матросъ Степанъ Соколовъ, а васъ я тоже хорошо знаю. Вы — студентъ третьяго курса Горнаго Института Степановъ, братъ Бобки Степанова». «А вы зачѣмъ сюда пожаловали?» — спросилъ Степановъ. «Я, вѣроятно, скоро вернусь въ Севастополь, гдѣ у меня осталась жена. Но если дѣла будутъ плохи, я хочу пробираться на Донъ и Екатеринодаръ, гдѣ, по слухамъ, образуются добровольческіе отряды. Тогда я обращусь къ вамъ за пропускнымъ свидѣтельствомъ».

«Хорошо, я вамъ помогу», — сказалъ Степановъ и быстро побѣжалъ вслѣдъ за революціоннымъ комитетомъ.

Вмѣстѣ съ машинистомъ-коммунистомъ изъ Геническа мы нашли себѣ хорошую комнату у купца-солепромышленника Золотарева. Онъ былъ очень симпатичный старикъ, жена его была милая и у нихъ было три очень славныя дѣвочки лѣтъ 8-12. Я съ удовольствіемъ занимался грамматикой съ ребятами и бесѣдовалъ съ умными стариками, сокрушаясь о бѣдахъ, постигшихъ русскій народъ. Можетъ быть, они и до-

гадывались, что я офицеръ, но инкогнито свое я не открывалъ и былъ извѣстенъ какъ Степанъ Владиміровичъ Соколовъ. Стѣсняясь въ средствахъ, я питался хлѣбомъ и яйцами. Отъ угощенія хозяевъ я отказывался, не зная чѣмъ ихъ отблагодарить. Изрѣдка я ходилъ въ аристократическую столовку, гдѣ обѣдала прибывшая изъ Петрограда знать. Тамъ была изысканная и обильная пища — каждый день на меню были: осетровая уха, а по воскресеніямъ и поросенокъ съ кашей. Цѣны были, конечно, не довоенныя, но доступныя. Нарядныя, изящныя барышни-подавальщицы ласково говорили моему сосѣду, пушистому старичку: «Вамъ, Ваше Высокопревосходительство, мы оставили стерляжьей ухи и поросеночка . . .». Тщетно я пытался получить эту аппетитную уху и хотя бы бэфъ-строгановъ, но ничего кромѣ непрожаренныхъ котлетъ и супа-вермишель въ этой столовой я получить не могъ. Какимъ-то чудомъ гости узнали, что я матросъ Соколовъ, и барышни-подавальщицы сурово на меня поглядывали. Вѣроятно даже мстили «красѣ и гордости революціи» за гнусныя преступленія противъ нашей великой родины.

Въ страстной четвергъ я рано утромъ вышелъ на улицу купить свѣжаго хлѣба къ чаю. На перекресткѣ улицъ стоялъ нѣмецкій разъѣздъ изъ трехъ кавалеристовъ. Старшій, повидимому унтеръ-офицеръ, разсматривалъ въ бинокль дали улицъ, провѣряя карту — планъ города. Черезъ два часа въ городъ начали входить германскія войска — пѣхота и артиллерія. Порядокъ, одежда, были какъ на парадѣ. Къ полдню городъ былъ занятъ нѣмецкими частями, на перекресткахъ улицъ стояли пулеметные посты и минометы, окруженные колючей проволокой. Городъ какъ-будто вымеръ. Никто не привѣтствовалъ нѣмцевъ, хотя, конечно, жители почувствовали облегченіе. Въ церквахъ звонили къ богослуженію Страстей Господнихъ. Какъ обычно, въ субботу поздно вечеромъ началась заутреня. Я пошелъ въ церковь вмѣстѣ съ семьей Золотаревыхъ. Радостное пасхальное богослуженіе не давало обычнаго настроенія ни жителямъ Керчи, судя по мрачнымъ лицамъ молящихся, ни мнѣ.

Первая нѣмецкая оккупація (1918 г.) не была особенно тяжелой для русской земли . . . Если реквизировали, то только продукты и хлѣбъ, увозя поѣздами продовольствіе въ изголодавшійся фатерландъ, но грабежъ по квартирамъ ста-

рались не допускать. На второй день Пасхи по улицамъ Керчи было расклеено объявленіе Керченской германской комендатуры:

«Солдаты 6-го Баварскаго пѣх. полка X и Y вошли въ сторожку бѣднаго желѣзнодорожнаго служащаго и взяли съ праздничнаго стола десятокъ крашеныхъ яицъ и сладкій хлѣбъ, положили въ свои каски и вышли изъ сторожки. У входа ихъ встрѣтилъ фельдфебель того же Баварскаго полка и отвелъ ихъ въ комендатуру. Полевой судъ приговорилъ грабителей къ разстрѣлу. Въ 8 час. вечера того же дня приговоръ приведенъ въ исполненіе. Комендантъ, полковникъ Н.».

Поѣзда все не шли. Первый поѣздъ долженъ былъ отойти во вторникъ утромъ. Билеты продавали на станціи. Въ Свѣтлый праздникъ я неожиданно получилъ приглашеніе отъ керченскихъ рыбаковъ посѣтить ихъ скромную трапезу и пошелъ вмѣстѣ съ машинистомъ. Рыбаки сказали, что знаютъ, что я морской офицеръ, и вмѣстѣ съ женами устроили богатое угощеніе — былъ и балыкъ, и миски маринованной осетрины, и чудныя керченскія сельди. Спиртное — греческій коньякъ Метакса. Такъ, въ сытомъ и полупьяномъ видѣ, во вторникъ утромъ я сѣлъ въ поѣздъ, состоявшій изъ товарныхъ вагоновъ. Солдатъ и матросовъ, разумѣется, не было, пассажиры были, главнымъ образомъ, интеллигентныя лица и какіе-то мужики и бабы. Ко времени отхода поѣзда помѣщеніе буфета вокзала было заполнено мужиками и бабами съ дѣтьми, мѣшками и котомками. Крикъ, шумъ, на дверь навалились такъ, что ее нельзя было открыть, никто не хотѣлъ уступать своей очереди. Я приготовился терпѣливо и, вѣроятно, очень долго ждать, когда въ залъ вошелъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ со стэкомъ въ рукѣ. Въ одну минуту онъ возстановилъ порядокъ и очистилъ проходъ черезъ весь залъ, шага три ширины, до самыхъ дверей, ведущихъ на платформу. Дѣйствовалъ нѣмецъ своимъ стэкомъ очень просто: онъ хлесталъ направо и налѣво, не разбирая ни пола, ни возраста, ни плечъ, ни головъ столпившихся людей. Порядокъ былъ возстановленъ, и народъ сталъ тихо и чинно выходить на платформу.

Моя бѣдная жена ужасно обрадовалась, увидѣвъ меня: «Я уже боялась, что ты никогда не вернешься», — говорила она. Въ кабинетѣ у меня жилъ нѣмецкій лейтенантъ, въ кух-

нѣ его деньщикъ. Прислуга Люба и ея женихъ были арестованы нѣмцами и посажены въ тюрьму по обвиненію въ моемъ убійствѣ. Нѣмцы дѣлали обыскъ оружія у меня въ квартирѣ и взяли все мое бѣлье, сапоги, фотографическій аппаратъ и 700 рублей керенками. Моя жена ходила жаловаться въ комендатуру на ограбленіе. Комендантъ выстроилъ роту, производившую обыскъ, въ одну шеренгу; моя жена долго разглядывала лица и потомъ сказала: «не могу признать никого, всѣ на одно лицо». На слѣдующее утро нѣмецкій фельдфебель принесъ фотографическій аппаратъ.

Вскорѣ по возвращеніи въ Севастополь я пошелъ въ Архивъ узнать, гдѣ «Дѣло о Босфорѣ». Кондукторъ Быковъ, помощникъ Начальника Архива, разсказалъ мнѣ о томъ, что случилось во время моего отсутствія. «Въ архивъ нагрянули бандиты въ маскахъ. Я — разсказывалъ Быковъ, — спрятался подъ диванъ и слышалъ, какъ они мучили бѣднаго архиваріуса. Они требовали отъ него золота, но такового въ архивѣ не было, и они замучили его на-смерть. Я остался за начальника архива. Когда пришли нѣмцы, изъ Берлина пріѣхалъ нѣкій профессоръ Шмитъ и требовалъ, чтобы я указалъ, гдѣ папка съ дѣлами о Босфорѣ. Но я ничего не зналъ. Они перерыли весь архивъ и нашли ихъ. «Я нашелъ то, за чѣмъ пріѣхалъ и сегодня же уѣзжаю домой», — сказалъ мнѣ профессоръ Шмитъ, посовѣтовавъ, чтобы я оказывалъ содѣйствіе нѣмецкой комиссіи, которая будетъ разбирать дѣла архива.

Вѣроятно, «Дѣло о Босфорѣ» и по сію пору находится въ архивахъ Морского Министерства Германіи, если только не пропало въ послѣдующемъ водоворотѣ событій.

На севастопольскомъ рейдѣ — пустыня. Весь флотъ, во главѣ съ дредноутомъ «Свободная Россія» (бывш. «Императрица Екатерина Великая») ушелъ въ Новороссійскъ. «Воля» (бывш. «Императоръ Александръ III») безъ команды, но съ нѣмецкимъ карауломъ стоялъ пришвартовленный у царской пристани въ Южной бухтѣ.

На Большомъ рейдѣ стоялъ на бочкѣ германскій крейсеръ «Гебенъ».

Я. Шрамченко.
10. II. 60
Нью-Іоркъ.

Проф. А. Д. Бубновъ.

ВЛІЯНІЕ ПРОГРЕССА ТЕХНИКИ НА ВОЕННО-МОРСКУЮ ИДЕОЛОГІЮ.

(Очеркъ).

Военно-морская идеологія — это совокупность всѣхъ стратегическихъ и тактическихъ идей, положенныхъ въ основаніе руководства военно-морской силой въ войнѣ и сраженіи въ данный періодъ времени.

Эволюція этой идеологіи находится въ прямой зависимости отъ прогресса техники, который ее и обусловливаетъ.

Еще сравнительно недавно — въ началѣ этого столѣтія — считалось, что основныя начала (принципы) военно-морской идеологіи остаются во всѣ времена неизмѣнными и прогрессъ техники вліяетъ лишь на формы ихъ примѣненія; однако, какъ сіе увидимъ ниже, гигантскій и поистинѣ фантастическій прогрессъ техники въ послѣднее время не только кореннымъ образомъ видоизмѣнилъ формы военно-морской идеологіи, но поколебалъ ея основныя начала, считавшіяся до тѣхъ поръ неизмѣнными. Чтобы составить себѣ ясное представленіе о степени вліянія прогресса техники на эволюцію военно-морской идеологіи необходимо бросить взглядъ на исторію этой эволюціи.

Начиная съ древнѣйшихъ временъ и до половины средневѣковья, военно-морская идеологія ограничивалась на идеѣ тѣсной кооперации — такъ сказать плеча къ плечу — съ арміей и на уничтоженіи непріятельскаго мореплаванія въ прибрежныхъ водахъ. Техническое несовершенство тогдашняго кораблестроенія и навигации не допускало вообще въ тѣ времена плаванія судовъ по широкимъ морскимъ пространствамъ, и это плаваніе — силой вещей — было ограничено исключительно узкой полосой прибрежныхъ водъ. Такъ какъ и торговое мореплаваніе, по тѣмъ же причинамъ, происходило исключительно въ прибрежныхъ водахъ, то и задача его уничтоженія, ставившаяся флоту того времени, полностью рѣшалась его операціями въ прибрежныхъ водахъ, и не было никакой необходимости расширять ихъ на открытое море, ибо тамъ, въ тѣ времена, никакого движенія судовъ не происходило. Вмѣстѣ съ тѣмъ, операціями въ прибрежныхъ водахъ рѣшалась и вторая основная задача флота — кооперація съ арміей, ибо въ тѣ времена, изъ-за полнаго бездорожья, передвиженіе арміи происходило главнымъ образомъ по берегу моря, при чемъ она постоянно пользовалась военными и торговыми судами для своего снабженія и перевозокъ, примѣромъ чего намъ служатъ греко-персидскія и пуническія войны и столѣтняя война въ средновѣковьи.

Такое положеніе вещей длилось до второй половины средневѣковья, когда, вслѣдствіе введенія математическаго исчисленія въ кораблестроеніе, усовершенствовалась мореходная способность судовъ, когда былъ изобрѣтенъ компасъ и когда, вслѣдствіе усовершенствованія такелажа, стала возможна лавировка, что, все вмѣстѣ взятое, позволило расширить мореплаваніе на открытое море и установить связь съ заморскими землями.

Въ связи съ этимъ появилась идея о господствѣ на морѣ въ широкомъ смыслѣ, а не только въ прибрежныхъ водахъ, и такимъ образомъ, вслѣдствіе вышеприведенныхъ техническихъ достиженій, расширилась и видоизмѣнилась военно-морская идеологія. При этомъ нельзя не обратить вниманіе на то, что идеологія операцій въ прибрежныхъ водахъ оставалась неизмѣнной и не эволюировала отъ древнѣйшихъ временъ до половины средневѣковья, то-есть втеченіе 3-хъ слишкомъ тысячелѣтій, что показываетъ, какъ медленно въ тѣ времена развивалось техническое творчество.

Этотъ длинный періодъ времени, носящій названіе эпохи гребного флота, уступилъ мѣсто эпохѣ паруснаго флота, чья идеологія была основана на доктринѣ борьбы за абсолютное господство на морѣ.

Подъ абсолютнымъ господствомъ на морѣ подразумѣвалось лишеніе противника возможности, путемъ уничтоженія или тѣсной блокады его флота, воспрепятствовать выполненію какихъ бы то ни было операцій въ любой точкѣ водной поверхности земного шага.

Примѣненіе къ мореплаванію парового двигателя не внесло коренного измѣненія въ идеологію абсолютнаго господства на морѣ, ибо оно лишь освободило суда отъ зависимости отъ вѣтра и, упростивъ ихъ движеніе, облегчило лишь флоту исполненіе его основныхъ задачъ — уничтоженіе или блокаду непріятельскаго флота — и такимъ образомъ эта идеологія осталась въ силѣ до Русско-Японской войны включительно, вѣрнѣе до появленія оперативно-способныхъ подводныхъ лодокъ.

Въ то время какъ первый періодъ эволюціи военно-морской идеологіи, охватывающій собой эпоху гребного флота, продолжался 3 съ лишкомъ тысячелѣтія, этотъ второй періодъ, охватывающій собой эпоху паруснаго флота и часть эпохи парового флота, продолжался лишь 3 съ небольшимъ столѣтія.

Появленіе оперативно-способныхъ подводныхъ лодокъ и усовершенствованіе минъ коренным образомъ видоизмѣнило идеологію, основанную на доктринѣ абсолютнаго господства на мрѣ. Уже опытъ 1-й Міровой войны показалъ, что вслѣдствіе опасности отъ подводныхъ лодокъ и минъ флотъ оказался лишеннымъ возможности вести крупныя операціи въ стѣсненныхъ моряхъ и заливахъ, примѣнять тѣсную блокаду и добиться **своими средствами** уничтоженія **всей** морской силы противника. Добиться же этого флотъ былъ бы способенъ лишь въ тѣсной коопераціи съ арміей, которая должна была бы занять всѣ базы непріятельскаго флота нападеніемъ на нихъ со стороны суши.

Вслѣдствіи этого доктрина **абсолютнаго** господства на морѣ уступила послѣ 1-й Міровой войны свое мѣсто доктринѣ **относительнаго** господства на морѣ, сущность коей со-

стояла въ томъ, что флотъ долженъ былъ охранять морскія сообщенія въ опредѣленныхъ направленіяхъ и обезпечивать въ случаѣ надобности **мѣстное** (локальное) господство въ опредѣленныхъ районахъ театра военныхъ дѣйствій, гдѣ предпринимались извѣстныя стратегическія операціи крупнаго размѣра, какъ то: высадка большихъ десантовъ, форсированіе проливовъ и т. д.

Доктрина относительнаго господства на морѣ и связанная съ ней идеологія оставалась въ силѣ около 3-хъ десятилѣтій, то-есть отъ 1-й до 2-й Міровой войны, когда выявившаяся во время этой послѣдней войны громадная оперативная мощь авіаціи въ корнѣ видоизмѣнила эту доктрину. Военные дѣйствія на морѣ во время 2-й Міровой войны ясно показали, что обезпеченіе морскихъ сообщеній и, вообще, обезпеченіе всякихъ морскихъ операцій обусловливается не столько господствомъ на морѣ сколько господствомъ въ воздухѣ, и такимъ образомъ центръ тяжести морской войны былъ перенесенъ въ воздухъ. Этимъ не только кореннымъ образомъ видоизмѣнилась сама сущность военно-морской идеологіи, но измѣнилась и сама структура морской силы: авіація пріобрѣла въ ней доминирующее значеніе, исчезли изъ ея состава большіе броненосцы и значительно увеличилось число разнообразныхъ малыхъ боевыхъ судовъ.

Однако, этой, такъ сказать, **воздушно-морской идеологіи,** созданной 2-й Міровой войной, не суждено было долго просуществовать. Въ самомъ концѣ этой войны появилось новое достиженіе военной техники — атомная бомба, которая вызвала коренной переворотъ не только въ военно-морской идеологіи, но и въ самой сущности вооруженной борьбы въ широкомъ смыслѣ.

Двѣ эти бомбы, брошенныя на Хирошиму и Нагасаки, произвели такое ужасное опустошеніе и уничтожили столько людей, что Японія принуждена была немедленно капитулировать.

До этого эпохальнаго достиженія техники цѣль войны, то-есть побѣда надъ противникомъ, достигалась **борьбой** съ его вооруженной силой, которая обычно длилась годами; между тѣмъ атомная бомба въ соединеніи съ ракетами уничтожила самое понятіе вооруженной борьбы, ибо въ буду-

щемъ цѣль войны будетъ достигаться **молніеноснымъ разрушеніемъ страны противника и уничтоженіемъ ея населенія.** Уже 2-я Міровая война безпощаднымъ бомбардированіемъ мирныхъ городовъ, примѣненіемъ баллистическихъ снарядовъ и употребленіемъ первыхъ атомныхъ бомбъ, пріоткрыла завѣсу, застилающую отъ насъ будущее, которое поистинѣ представляется намъ апокалипсическимъ, въ связи съ массовымъ примѣненіемъ въ будущемъ усовершенствованныхъ атомныхъ и водородныхъ бомбъ въ сочетаніи съ дальнобойными ракетами и разныхъ видовъ космическими снарядами.

Нынѣ для государствъ, обладающихъ атомнымъ вооруженіемъ, идеологія, основанная на борьбѣ за господство на морѣ и въ воздухѣ, перестала существовать, ибо идеологія атомной войны основана не на **борьбѣ,** а на **уничтоженіи:** противники будутъ въ будущемъ стремиться внезапнымъ ударомъ уничтожить другъ друга, обратить непріятельскую страну въ развалины, лишенныя жизни, при чемъ это разрушеніе будетъ мгновеннымъ и его размѣры будутъ зависѣть отъ количества атомнаго оружія, которымъ противники будутъ располагать.

А такъ какъ въ теченіе времени послѣ 2-й Міровой войны вплоть до нашихъ дней въ мірѣ произведено большое количество еще болѣе ужаснаго атомнаго оружія, чѣмъ бомбы, которыя были сброшены на Японію, можно полагать, что въ случаѣ возникновенія войны будутъ уничтожены не только оба противника, но и народы, не принимавшіе участія въ войнѣ, ибо вся атмосфера земного шара окажется «отравленной» мощной радіацией отъ взрыва большого количества атомныхъ бомбъ. При томъ переворотѣ, который произвело въ военной идеологіи атомное вооруженіе, задача и роль флота будутъ заключаться въ томъ, чтобы **приблизить** атомное оружіе къ поставленнымъ ему цѣлямъ на территоріи непріятельской страны, вслѣдствіе чего авіаносцы и подводныя лодки съ ракетнымъ вооруженіемъ будутъ загодя выдвигаться на позиціи какъ можно ближе къ границамъ предполагаемаго противника, что мы уже теперь и наблюдаемъ.

Изъ изложеннаго видимъ, что эволюція военно-морской идеологіи дѣйствительно находится въ прямой зависимости

отъ прогресса техники, и происходящія въ этой эволюціи измѣненія вызываются новыми достиженіями въ области техники вооруженія. При этомъ бросается въ глаза, что съ теченіемъ времени этотъ прогрессъ все болѣе и болѣе ускоряется и его достиженія пріобрѣтаютъ все болѣе радикальный и мощный характеръ. Въ давно прошедшія времена потробовались тысячелѣтія для усовершенствованія паруснаго такелажа и примѣненія магнитной стрѣлки, чтобы открыть кораблямъ доступъ на широкіе водные просторы нашей планеты, тогда какъ въ новѣйшія времена потребовалось лишь десятилѣтіе для изобрѣтенія и усовершенствованія безконечно мощнаго атомнаго оружія. Сколь нынѣ, при современныхъ достиженіяхъ техники, кажутся ничтожными ея достиженія прежнихъ временъ!

Сіе показываетъ, что изобрѣтательность ума и ея «мощность» двигается впередъ ускоряющимся темпомъ, такъ сказать въ геометрической прогрессіи.

Къ чему же эта изобрѣтательность человѣческаго ума насъ нынѣ привела?

Она дала въ руки человѣку оружіе, способное опустошить весь земной шаръ и уничтожить на немъ все живое; въ усиленіи мощи оружія массоваго уничтоженія достигнутъ нынѣ предѣлъ, дальше коего, казалось бы, ходить уже некуда. Въ то время какъ въ древнія времена потери въ войнахъ исчислялись тысячами и десятками тысячъ человѣческихъ жизней, постепенно увеличиваясь съ тѣхъ временъ, эти потери въ грядущей войнѣ будутъ исчисляться сотнями милліоновъ, а можетъ быть и больше.

Философія войны, основанная на борьбѣ по началамъ стратегіи и тактики, исчезла, уступивъ свое мѣсто варварской философіи опустошенія страны противника и истребленія ея населенія «огнемъ и мечомъ». При этомъ, въ древнія варварскія времена это опустошнеіе и истребленіе ограничивалось страной противника, тогда какъ нынѣ, вслѣдствіе самаго свойства атомнаго оружія «отравлять» атмосферу, это опустошеніе и истребленіе неминуемо распространится за предѣлы намѣченнаго театра войны и будетъ угрожать существованію другихъ народовъ и даже всего человѣчества.

Что же все это значитъ?

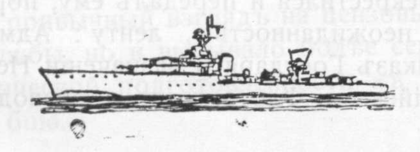
Въ таинственномъ «механизмѣ», управляющимъ Природой, война была, есть и будетъ однимъ изъ средствъ задержать чрезмѣрный ростъ населенія земного шара. Поэтому человѣчеству, какъ бы оно ни старалось, никогда не удастся устранить это «средство», вложенное Природой въ самую сущность его бытія; это намъ неопровержимо доказываетъ тотъ фактъ, что развитію человѣчества отъ древнѣйшихъ временъ донынѣ неизмѣнно сопутствуетъ нескончаемый рядъ войнъ. Несмотря на то что эти войны съ теченіемъ времнеи дѣлаются все болѣе и болѣе кровопролитными, ростъ народонаселенія земли, благодаря достиженіямъ медицины и гигіены, не только не задерживается, но наоборотъ — ускоряется, и такимъ боразомъ человѣчеству угрожаетъ опасность, что на нашей землѣ, въ сравнительно недалекомъ будущемъ, не хватитъ средствъ для его питанія и существованія. Не значитъ ли это, что въ экономіи Природы наступаетъ моментъ, когда необходимо радикально остановить этотъ ростъ, для чего человѣческая изобрѣтательность направлена Природой къ созданію оружія массоваго истребленія?

Все мірозданіе, или по крайней мѣрѣ та его часть, которую мы видимъ и можемъ объять своимъ разумомъ, построена на законѣ «вымиранія», то-есть процессѣ рожденія, жизни и смерти: рождаются, живутъ и умираютъ отдѣльные люди и цѣлые народы, появляются, развиваются и погибаютъ цѣлыя цивилизаціи, создаются, существуютъ и исчезаютъ тѣла и цѣлые міры . .

Не значитъ ли изобрѣтеніе оружія массоваго истребленія, что въ процессѣ жизни мірозданія наступаетъ срокъ гибели нашей цивилизаціи или, можетъ быть, обращенія нашей планеты въ безжизненное небесное тѣло? Кто знаетъ и кто можетъ дать отвѣтъ на этотъ трагическій вопросъ?

Но какъ бы то ни было одно лишь ясно, что человѣчество нынѣ вступило въ критическую фазу своего существованія.

А. Бубновъ.

Контръ-Адмиралъ Б. Дудоровъ.

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ А. И. НЕПЕНИНЪ

Опытъ біографіи.

(Продолженіе)

КОМАНДУЮЩІЙ ФЛОТОМЪ.

6 сентября 1916 года (ст. ст.) — кульминаціонная точка служебной карьеры Непенина и роковой день его жизни — начался, какъ обычно, въ строго дѣловой обстановкѣ Штаба Службы Связи.

Необычайный вызовъ его на Центральную Станцію къ аппарату Юза по приказанію Ставки Верховнаго Главнокомандующаго естественно вызвалъ общее любопытство, но, разумѣется, никому и въ голову не приходило что бы онъ могъ означать.

И только присутствовавшій при передачѣ депеши Начальникъ Станціи кап. 1 р. А. Ковальскій разсказывалъ потомъ, какъ, по окончаніи ея, Непенинъ вдругъ снялъ фуражку, широко перекрестился и передалъ ему, поразившую того своей полной неожиданностью, ленту: Адмиралъ Русинъ передавалъ приказъ Государя о назначеніи Непенина Командующимъ Балтійскимъ Флотомъ, съ производствомъ его въ вице-адмиралы.

ОТНОШЕНІЕ КЪ НАЗНАЧЕНІЮ НА ФЛОТЪ.

Вѣсть объ этомъ событіи молніеносно разнеслась по всѣмъ частямъ флота, и вызванное ею впечатлѣніе было настолько разнообразно, и даже противоположно одно другому, въ зависимости ступеней служебнаго положенія отдѣльныхъ лицъ и частей флота, къ которымъ они принадлежали, что выразить его какой-либо одной формулировкой представляется совершенно невозможнымъ, кромѣ развѣ общаго всѣмъ чувства — изумленія.

Въ частяхъ, непосредственно ему подчиненныхъ — Службѣ Связи, Авіаціи, на Береговомъ Фронтѣ Крѣпости И. П. В. — восторженное торжество въ извѣстной степени вызывалось сознаніемъ своего собственнаго участія въ работѣ, доставившей ихъ начальнику это высокое признаніе заслугъ съ высоты Престола. И какому либо критическому отношенію мѣста не было.

У людей на себѣ лично въ теченіе двухъ лѣтъ испытавшихъ его заботу объ ихъ безопасности, сохраненіи силъ личнаго состава и сбереженіе механизмовъ кораблей отъ излишней изношенности путемъ ясныхъ и всегда точныхъ свѣдѣній и предупрежденій о дѣйствіяхъ и самихъ намѣреніяхъ врага, какъ напр. на Минной Дивизіи, Дивизіи Траленія, подводныхъ лодкахъ и на легкихъ крейсерахъ, среди командировъ которыхъ было не мало его личныхъ друзей, вѣсть о его назначеніи была въ общемъ принята доброжелательно. И это особенно ярко сказывалось въ средѣ наиболѣе молодого команднаго состава.

Конечно, даже въ этихъ, весьма расположенныхъ къ Непенину кругахъ, естественно возникало сомнѣніе въ достаточной его подготовленности къ занятію столь отвѣтственнаго поста. Въ командованіе флотомъ въ самый разгаръ войны вступалъ человѣкъ, хотя и отмѣченный за свои боевыя достоинства Георгіевскимъ крестомъ и выявившій свои волевыя и организаціонныя достоинства, но все же не командовавшій даже большимъ кораблемъ. Это не только нарушало весь привычный взглядъ на цензовый порядокъ прохожденія службы, но и вызывало болѣе серьезныя сомнѣнія въ его тактической подготовленности къ руководительству флотомъ въ бою.

Традиція морской войны, согласно которой главной задачей флота всегда являлся ГЕНЕРАЛЬНЫЙ БОЙ, имѣвшій цѣлью уничтоженіе живой силы врага однимъ ударомъ, требовала для выполненія ея искуснаго въ тактикѣ вождя, единой волей направляющаго общія усилія всѣхъ принимающихъ въ немъ силъ. И лебединой пѣсней ея была все еще ярко жившая въ сердцахъ и умахъ трагедія Цусимы.

Между тѣмъ огромный ростъ боевыхъ флотовъ и его техники, появленіе подводныхъ лодокъ большого радіуса дѣйствія и, хотя все еще слабаго, но уже ясно намѣчавшагося значенія воздушнаго оружія — въ корнѣ мѣняли методы борьбы на морѣ. Тактика становилась достояніемъ отдѣльныхъ начальниковъ частей и даже единицъ. А главной задачей Командующаго Морской Силой четко опредѣлялась работа стратегическая — готовить успѣхъ, предугадывая намѣренія противника и сосредоточивая соотвѣтственныя силы въ нужное время въ нужномъ пунктѣ.

Формула высокаго авторитета теоріи и практики военнаго руководительства — Наполеона — требующая отъ вождя «КВАДРАТА», то есть равновѣсія, «УМА И ВОЛИ», — въ морскихъ кругахъ всего міра часто затемнялась огромностью ТЕХНИКИ флота, въ результатѣ чего ея спеціалистамъ отводилось преимущественное право на занятіе даже и чисто строевыхъ командныхъ должностей.

Между тѣмъ, уже на яркомъ примѣрѣ нашихъ собственныхъ современныхъ адмираловъ, легко было видѣть насколько въ успѣхѣ руководительства флотомъ, какъ въ мирное такъ и въ военное время, именно эти ПРИРОДНЫЯ КАЧЕСТВА преобладали надъ очень высокимъ АКАДЕМИЧЕСКИМЪ и ТЕХНИЧЕСКИМЪ ОБРАЗОВАНІЕМЪ даже у МАКАРОВА и ЭССЕНА.

Обладавшій яснымъ природнымъ умомъ, способнымъ смотрѣть въ корень вещей и дѣлать изъ наблюдаемаго СИНТЕТИЧЕСКІЕ ВЫВОДЫ, и сильнымъ ВОЛЕВЫМЪ ХАРАКТЕРОМЪ, могущимъ преодолѣвать всѣ препятствія на пути къ достиженію поставленной себѣ цѣли, сочетавшимися съ умѣніемъ выбирать помощниковъ для выполненія своихъ предначертаній, Непенинъ являлся достойнымъ послѣдователемъ ихъ школы.

Однако, чѣмъ выше были ступени служебной лѣстницы, на которыхъ стояли обойденныя его назначеніемъ лица, тѣмъ сильнѣе выявлялось непониманіе этого, выразившееся даже въ прямомъ недовольствѣ. Было бы, конечно, слишкомъ грубо приписывать это простой зависти или обидѣ. Но кое-кто могъ чувствовать себя и обиженнымъ пренебреженіемъ его старшинства, образовательнаго ценза и даже боевыхъ заслугъ. А это, разумѣется, должно было мѣшать совершенно объективному отношенію.

Ярче всего это выразилось въ восклицаніи, вырвавшемся у того, кому довелось сдавать ему свою высшую въ строевой службѣ должность.

«Нашли кого назначить Командующимъ Флотомъ. Старшаго дворника!» съ горечью сказалъ почтенный старикъ В. А. Канинъ *).

Въ этихъ словахъ сконцентрировались и отношенія свысока отличнаго техника миннаго дѣла къ «сѣрому» строевому офицеру, и всегда корректнаго и мягкаго человѣка къ горячему, нерѣдко несдержанному и рѣзкому въ критикѣ, своему бывшему подчиненному и, разумѣется, по человѣчеству, оскорбленное самолюбіе.

Что касается начальниковъ отдѣльныхъ частей флота, то личная дружба со многими изъ нихъ, съ которыми связала его совмѣстная боевая служба еще до японской войны, весьма способствовала преодолѣнію подобныхъ сомнѣній съ ихъ стороны.

Когда же до него дошли слухи о томъ, что адмиралъ Курошъ и Максимовъ крайне недовольны, считая себя обойденными, и онъ въ личномъ разговорѣ съ ними предложилъ имъ устроить такія назначенія, гдѣ они не были бы ему подчинены, то оба они это отклонили, заявивъ, что никакой обиды съ ихъ стороны нѣтъ **). И только событія первыхъ дней революціи выявили подлинное отношеніе беззастенчиваго честолюбца Максимова къ обошедшему его по службѣ человѣку.

---

*) Воспоминанія О. В. Непениной. Письмо автору 31-10-55.

**) Адмиралъ Курошъ вскорѣ былъ назначенъ Комендантомъ Кронштадтской Крѣпости. Б. Д.

НЕПЕНИНЪ О КОМАНДОВАНІИ ФЛОТОМЪ

Какъ ни существененъ вопросъ о тѣхъ чувствахъ, съ которыми личный составъ Балтійскаго Флота принялъ вѣсть о назначеніи новаго Командующаго, еще болѣе важнымъ для его личной характеристики представляется его собственный взглядъ на возложенную на его, правда очень крѣпкія, плечи, тяжелую и отвѣтственную передъ Родиной и Престоломъ ношу.

Наилучшимъ отвѣтомъ на это могутъ служить его слова, высказанныя въ частномъ разговорѣ со мною, когда у него не могло быть еще и мысли о своемъ собственномъ возвышеніи на столь высокій постъ. Вопросъ разсматривался чисто отвлеченно.

«Командующій флотомъ въ наше время, — говорилъ онъ — уже не тотъ флотоводецъ, который только ведетъ его въ бой, а тотъ, который готовитъ ему побѣду, ее организуетъ. И потому онъ, прежде всего ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ ОРГАНИЗАТОРОМЪ».

Было ли въ этой мысли, что либо радикально новое? Конечно нѣтъ. Вѣдь уже во времена паруснаго флота Нахимовъ всю заслугу своего успѣха въ славномъ Синопскомъ бою открыто и безкорыстно отдавалъ Главному Командиру Черноморского Флота и Портовъ адмиралу Лазареву именно потому, что тотъ своимъ воспитаніемъ личнаго состава, содержаніемъ въ боевой готовности кораблей и заботой о снабженіи эскадры по всѣмъ частямъ, положилъ твердое основаніе успѣху своего флота.

Та же огромная заслуга передъ Балтійскимъ Флотомъ принадлежала адмиралу Н. О. Эссену, передъ памятью котораго Непенинъ благоговѣлъ.

И все-таки далеко не каждому морскому офицеру было легко охватить въ то время эту мысль во всей ея полнотѣ. Образы Макарова и Того, лично ведшихъ свои эскадры въ бой, затмевали ихъ же собственную организаціонную работу тѣмъ болѣе, что широкому участію въ ней со стороны перваго, въ періодъ его дѣятельности на посту Главнаго Командира Кронштадтскаго Порта, центральныя учрежденія министерства не давали мѣста.

Только исторія борьбы на океанскихъ просторахъ всего земного шара во вторую Міровую войну съ полной очевидностью это выявила, наиболѣе ярко сказавшись на операціяхъ флота Соединенныхъ Штатовъ Америки въ борьбѣ съ японскимъ. Блестящія дѣйствія разбросанныхъ по всему лону Тихаго океана эскадръ, отрядовъ, подводныхъ лодокъ и авіаносцевъ, создавая боевую славу ведшихъ ихъ адмираловъ и командировъ одиночныхъ судовъ, были лишь партіями отдѣльныхъ и групповыхъ инструментовъ огромнаго оркестра ведшихся прекрасными концертмейстрами и солистами. МАГИЧЕСКАЯ ЖЕ ПАЛОЧКА ДИРИЖЕРА, СЛИВАЮЩАЯ ВСѢ ИНСТРУМЕНТЫ ВЪ ОДНУ ОБЩУЮ ГАРМОНІЮ, неизмѣнно оставалась въ рукахъ КОМАНДУЮЩАГО ФЛОТОМЪ, ОРГАНИЗОВАВШАГО ПОБѢДУ ВСѢМИ БОЕВЫМИ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ ТИХООКЕАНСКАГО ФЛОТА АМЕРИКИ.

Это поняла вся страна и воздала АДМИРАЛУ НИМИЦЪ тріумфъ наравнѣ съ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ всѣми силами дѣйствовавшими противъ Японіи — ГЕНЕРАЛОМЪ МАКЪ - АРТУРЪ.

ИСТОРІЯ НАЗНАЧЕНІЯ.

Знали ли Канинъ и самъ Непенинъ о предстоящей смѣнѣ Командованія Флотомъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ яснѣе всего даютъ воспоминанія одного изъ чиновъ Штаба Флота кап. 2 р. Ф. Ю. Довконта, занимавшаго поочередно должности Исторіографа и Флагъ-Офицера Оперативнаго Отдѣла *).

При Эссенѣ Оперативный Отдѣлъ, во главѣ котораго стоялъ Флагъ-Капитанъ А. В. Колчакъ, получая отъ Командующаго основную мысль плана той или иной операціи, производилъ детальную разработку ея выполненія. Такъ, напримѣръ, уже до войны имъ были выполнены планы Центральной, Фланговой-Шхерной Або Оландской-позицій, а во время ея постановокъ минныхъ загражденій у германскихъ береговъ, дѣйствія подлодокъ на путяхъ противника, обороны

*) Письма автору 24-7-56 г. и 24-11-56 г.

Рижскаго залива съ углубленіемъ Моонзунда, созданіемъ базы въ Рогокюль и т. п. Планы эти измѣнялись и дополнялись въ соотвѣтствіи съ дѣйствіями противника и согласно съ указаніями Командующаго, предоставлявшаго Отдѣлу выработку деталей.

Замѣнившій Эссена адмиралъ Канинъ, будучи отличнымъ техникомъ миннаго дѣла, все свое вниманіе отдавалъ ей, лично, вмѣстѣ со спеціалистами Штаба, разрабатывая планы сѣтей, проекты минъ и т. п.

Оперативная и развѣдочная части Штаба работали совершенно самостоятельно, не получая отъ Командующаго ни директивъ ни даже руководящихъ указаній. И, съ назначеніемъ Колчака Начальникомъ Минной Дивизіей, замѣнившій его въ должности Флагъ-Капитана кап. 1 р. кн. М. Б. Черкасскій былъ поставленъ въ весьма трудное положеніе. Вслѣдствіе отсутствія у Командующаго энергіи и оперативной воли къ борьбѣ за инициативу дѣйствій къ выполненію разрабатываемыхъ оперативной частью операцій, авторитетъ его «неустанно падалъ».

Въ частности это особенно сказалось на планѣ ЛИЧНО ЗАДУМАННОМЪ ГОСУДАРЕМЪ крупной десантной операціи въ Рижскомъ Заливѣ въ 1916-мъ году.

Планъ этотъ былъ тщательно разработанъ Оперативной Частью Флота совмѣстно съ Оперативнымъ Отдѣломъ Ставки (Полк. Верховскій и кап. 2 р. Довконтъ). Для выполненія его былъ сформированъ крупный десантный отрядъ подъ командой генерала Гурко и Штабомъ Флота заготовлены нужныя для его высадки суда и пловучія средства.

Однако къ выполненію его выявилось полное «отсутствіе воли». Какъ Начальникъ Десанта генералъ Гурко, такъ и Командующій Флотомъ, можетъ быть опасаясь отвѣтственности въ случаѣ неудачи этого смѣлаго и, конечно, не лишеннаго риска предпріятія «вели дѣло на откладъ», въ результатѣ чего далѣе одной «репетиціи» этой операціи оно не пошло *). И въ Морскомъ Управленіи Ставки это вызывало неудовольствіе.

---

*) *Совѣтскій военный писатель Даниловъ въ статьѣ "Смѣшанная операція 1916 года"* характеризуетъ ее какъ "образецъ взвѣшеннаго риска". Репетиція эта ограничилась посадкой дессанта на суда въ Ригѣ. Б. Д.

Это недовольство отсутствіемъ «огня» въ Командующемъ Флотомъ усиливалось еще и тѣмъ безпокойствомъ, которое вызвали признаки начавшейся деморализаціи въ средѣ командъ нѣкоторыхъ изъ вступившихъ въ строй и остававшихся въ полномъ бездѣйствіи новыхъ линейныхъ кораблей. Конечно, это явленіе въ значительной мѣрѣ являлось результатомъ ограниченія свыше правъ Командующаго Флотомъ пускать ихъ въ активныя операціи безъ особаго на то разрѣшенія. Все же и отсутствіе личной инициативы съ его стороны, въ свою очередь, этому способствовало.

Сравнительно незначительный самъ по себѣ случай нарушенія дисциплины на одномъ изъ этихъ судовъ въ видѣ самовольнаго выхода команды во фронтъ для демонстративнаго заявленія претензіи на «пищу», слишкомъ ярко напоминавшій, однако, методы возбужденія, примѣнявшіеся на корабляхъ агитаторами въ дни кровавыхъ событій 1906-го года, вызвалъ на верхахъ тревогу *). И крайняя мягкость принятыхъ Командующимъ мѣръ могла ставиться ему въ вину. Вспоминалась энергія проявленная въ свое время Эссеномъ, Бостремомъ, Русинымъ, Герасимовымъ и другими адмиралами и командирами частей и судовъ Балтійскаго Флота, давшая блестящіе результаты. Чувствовалась необходимость поставить и теперь во главѣ его человѣка энергичнаго, обладающаго иниціативой и, главное, желѣзной волей.

Къ чести адмирала Канина надо сказать, что самъ онъ, быть можетъ сознавая недостатокъ этихъ качествъ въ себѣ, тогда же просилъ о своемъ увольненіи отъ должности, но почему-то эта просьба не была уважена. Вѣрнѣе всего, что Ставка не могла окончательно рѣшить вопросъ о его преемникѣ.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ЖЕ СДВИГЪ ВЪ ЭТОМЪ ДѢЛѢ ВЫПАЛЪ НА ДОЛЮ ГРУППЫ МОЛОДЫХЪ ОФИЦЕРОВЪ — ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТЕЧЕНІЯ ИСКАВШАГО АКТИВНОЙ БОРЬБЫ СЪ ВРАГОМЪ.

Среди представителей Флота въ Штабахъ Верховнаго Главнокомандующаго и Главнокомандующаго Сѣвернымъ

---

*) Объ этомъ свидѣтельствуетъ контръ-адм. А. Д. Бубновъ въ своей книгѣ "Въ Царской Ставкѣ"; стр. 221. Изд. Имени Чехова. Нью Іоркъ.

Фронтомъ имѣлось не мало офицеровъ, лично, по своей службѣ въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ въ годы, предшествовавшіе войнѣ, имѣвшихъ возможность наблюдать и оцѣнить работоспособность, умъ и волевыя качества Непенина.

И когда въ Царской Ставкѣ поднимался вопросъ о возможномъ преемникѣ адмирала Канина нѣкоторые изъ нихъ, не обинуясь, называли имя Непенина. Такъ, напримѣръ, адмиралъ А. И. Русинъ лично разсказывалъ вдовѣ Непенина при встрѣчѣ съ нею во Франціи, какъ однажды, при обсужденіи возможныхъ кандидатовъ, состоявшій при Штабѣ Главнокомандующаго Шестой Арміи, кап. 1 р. В. Альтфатеръ воскликнулъ: «Какъ кого назначить? У насъ только одинъ и есть кандидатъ въ Командующіе Флотомъ — адмиралъ Непенинъ!» *).

Надо полагать, что такъ или иначе все это доходило и до самого Непенина. Для него, знавшаго даже намѣренія врага не могло, конечно, укрыться то, что говорятъ въ русскихъ штабахъ дружественные ему люди. Однако, какъ показали дальнѣйшія событія, онъ, видимо, не придавалъ такого рода разговорамъ серьезнаго значенія.

И можно думать, что ничего послѣдующаго и не имѣло бы мѣста если бы въ дѣло не былъ втянутъ самъ Оперативный Отдѣлъ Штаба Командующаго Флотомъ, побуждаемый къ этому выразителемъ настроеній въ средѣ молодыхъ офицеровъ базирующихся на Ревель частей, ст. лейт-омъ А. А. Саковичемъ **).

Вскорѣ по назначенію Колчака Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ, разсказываетъ Довконтъ ***) Саковичъ, пріѣхавъ въ Гельсингфорсъ, напалъ на Черкасскаго, Ренгартена и Довконта. «Вы отвѣтственны за будущій развалъ» говорилъ онъ имъ. «Вы пассивны. Вы ничего не предпринимаете. Бубновъ ****) дѣйствовалъ и Черное море имѣетъ Колчака. А вы?»

---

*) Воспоминанія О. В. Непениной. Письмо автору 31-1-55 г.

**) А. А. Саковичъ былъ однимъ изъ двухъ молодыхъ офицеровъ пощаженныхъ бунтовщиками во время возстанія на "Памяти Азова" въ 1916 г. вмѣстѣ съ Н. Е. Крыжановскимъ. Весьма вѣроятно, что память объ тѣхъ тяжелыхъ переживаніяхъ могла особенно остро реагировать на симптомъ разложенія въ командахъ и побудила его дѣйствовать. Но это всего лишь мое личное предположеніе. Б. Д.

***) Письмо автору 24-11-56 г.

****) Кап. 1 р. А. Д. Бубновъ — вѣдавшій Черноморскимъ театромъ въ Ставкѣ.

Эти упреки произвели большое впечатлѣніе и, по тщательномъ обсужденіи обстановки, они единогласно пришли къ заключенію, что критика Саковича вѣрна и имъ необходимо дѣйствовать.

Черкасскій съ Ренгартеномъ отправились въ Ревель для личныхъ переговоровъ съ Непенинымъ. Довконтъ же оставался въ Гельсингфорсѣ, вслѣдствіе чего подробностей этой, столь важной, бесѣды и, главное, личныхъ впечатлѣній объ отношеніи къ дѣлу Непенина у него не сохранилось, за исключеніемъ того, что НЕПЕНИНА «УГОВОРИЛИ СОГЛАСИТЬСЯ ПРИНЯТЬ ФЛОТЪ». Но и этого достаточно, чтобы понять съ какимъ колебаніемъ рѣшился онъ на выставленіе своей кандидатуры на столь отвѣтственный постъ.

По возвращеніи Черкасскаго и Ренгартена въ Штабъ ими, совмѣстно съ Довконтомъ былъ составленъ ОПЕРАТИВНЫЙ ДОКЛАДЪ СТАВКѢ ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО съ изложеніемъ причинъ необходимости замѣны Канина Непенинымъ для его осуществленія. Докладъ этотъ немедля былъ отправленъ туда съ флагъ-офицеромъ. И, одновременно съ тѣмъ, какъ послѣдній вручалъ его въ Могилевѣ, Черкасскій подалъ рапортъ и Канину.

«Ставка реагировала неожиданнымъ образомъ, — говоритъ Довконтъ, — смѣняя Канина безъ предварительнаго съ нимъ разговора. За два мѣсяца до этого самъ Канинъ просилъ объ увольненіи . . . и теперь было бы не трудно получить его согласіе . . . Мы были поражены . . . но довольны . . . Непенинъ зналъ о нашемъ шагѣ».

Итакъ, Непенинъ былъ въ курсѣ предпринятыхъ чинами Оперативнаго Отдѣла шаговъ къ его собственному высокому назначенію. Но самъ лично въ этомъ дѣлѣ никакого участія не принималъ и иниціатива исходила не отъ него.

А ЗНАТЬ, какъ къ этому дѣлу отнесутся тѣ отъ кого это всецѣло зависѣло онъ и, подавно, НЕ МОГЪ.

Самый порядокъ этого назначенія, за отсутствіемъ въ рукахъ подлинныхъ документовъ, установить трудно. По свидѣтельству контръ-адмирала А. Д. Бубнова всѣ дѣла по Балтійскому Театру, подчиненному Главнокомандующему 6-й Арміи, находились въ вѣденіи кап. 1 р. Альтфатера, бывшаго въ Петроградѣ и до Ставки доходили лишь вопросы высшаго оперативнаго управленія и назначенія на высшія командныя должности. Въ этихъ случаяхъ Альтфатеръ пріѣзжалъ

въ Ставку съ соотвѣтствующимъ докладомъ, который подносилъ Государю адмиралъ Русинъ, обыкновенно въ присутствіи Морского Министра. «Такъ было и при смѣнѣ адмирала Канина... Было ли въ докладѣ предусмотрѣно кромѣ А. И. Непенина нѣсколько другихъ кандидатовъ мнѣ неизвѣстно, но Альтфатеръ мнѣ дѣйствительно говорилъ, что кромѣ А. И. Непенина никого лучшаго нѣтъ» *).

Альтфатеръ, какъ мнѣ хорошо извѣстно изъ личныхъ его словъ, еще въ ту пору, когда Непенинъ работалъ при Морскомъ Генеральномъ Штабѣ, проникся глубокимъ уваженіемъ къ энергіи, трудоспособности и твердости характера Непенина, и, имѣя большое вліяніе на адмирала Русина, любившаго его за трудоспособность и прямоту сильнаго характера, долженъ былъ сыграть въ рѣшеніи вопроса о назначеніи не малую роль.

Все же рѣшающее значеніе принадлежало, разумѣется Морскому Министру, къ которому Государь относился съ огромнымъ довѣріемъ.

Говорили, будто бы, какъ это обычно дѣлалось, Григоровичемъ и на этомъ докладѣ были представлены Государю три имени кандидатовъ на мѣсто адмирала Канина. Провѣрить это не удалось. Да и, во всякомъ случаѣ, имена отклоненныхъ никогда не оглашались, чтобы не возбуждать никакихъ личныхъ обидъ.

Если это было дѣйствительно такъ, то какъ высоки должны были быть оцѣнка заслугъ и надежда на способность именно Непенина приготовить флотъ къ выполненію огромныхъ наступательныхъ задачъ, возлагавшихся на кампанію 1917-го года, со стороны двухъ занимавшихъ высшіе административные посты Морского Вѣдомства лицъ и Самого Государя, чтобы избрать его преимущественно передъ многими другими достойными и опытными въ командованіи боевыми соединеніями судовъ адмиралами.

Очевидно она точно совпадала съ тѣмъ, что думали о немъ тѣ изъ молодыхъ офицеровъ дѣйствующаго флота, которые несли трудную и отвѣтственную работу детальной организаціи всѣхъ элементовъ Морскихъ Силъ Балтійскаго моря для предстоящей борьбы.

---

*) К.-А. А. Д. Бубновъ. Письмо автору 25-10-60 г.

ШТАБЪ ФЛОТА.

Тотчасъ по вступленіи Непенина въ должность всѣ три офицера Оперативной Части его Штаба — Черкасскій, Ренгартенъ и Довконтъ, имѣя въ виду, что ему было извѣстно объ ихъ роли въ дѣлѣ его назначенія, рѣшили, что имъ надлежитъ уйти со своихъ постовъ, чтобы избавить его отъ щекотливаго положенія въ отношеніи работавшихъ въ его интересахъ подчиненныхъ. И съ этой цѣлью они поодиночно обратились къ нему съ просьбой отпустить ихъ «въ строй».

«Могли ли мы поступить иначе?» — спрашиваетъ себя Довконтъ *). Разумѣется нѣтъ. Ихъ роль въ его назначеніи ему была хорошо извѣстна и онъ могъ подозрѣвать ожиданіе съ ихъ стороны нѣкотораго чувства благодарности, что очень тяжело отразилось бы на ихъ взаимоотношеніяхъ, лишивъ ихъ той искренности, безъ которой тѣсное сотрудничество его съ мозговой головкой штаба — оперативнымъ аппаратомъ — стало бы немыслимымъ.

Непенинъ, вызвавъ всѣхъ трехъ, далъ имъ общій отвѣтъ: «Вы въ курсѣ дѣла, а я здѣсь вновѣ. Мнѣ безъ васъ будетъ трудно. Но я буду требовать отъ васъ больше чѣмъ отъ другихъ. Я вамъ не дамъ поблажки. Однако я понимаю, что въ неопредѣленности положенія имѣвшаго мѣсто здѣсь вы устали. Я дамъ вамъ отпускъ на краткое время позднѣе осенью по очереди» **).

Этотъ отвѣтъ разрядилъ напряженную атмосферу и теченіе оперативной работы продолжалось безъ малѣйшаго перерыва, при чемъ Довконтъ былъ освобожденъ отъ работы историографа.

Большихъ перемѣнъ въ личномъ составѣ Штаба вообще не произошло. Были назначены одинъ или два новыхъ молодыхъ флагъ-офицера, и позднѣе флагманскимъ артиллеристомъ сталъ кап. 2 р. Федяевскій, смѣнившій, въ чемъ то не поладившаго съ Командующимъ, кап. 1 р. Игнатьева, откомандированнаго въ Главное Артиллерійское Управленіе Министерства, гдѣ его техническія познанія дѣла могли быть примѣнены съ большей пользой. «Мое впечатлѣніе, — говоритъ Довконтъ, — что вообще Штабъ былъ доволенъ» ***).

---

*) Письмо автору 24-11-56.
) и *) Тамъ же.

Приведенному выше разсказу Довконта предшествовалъ, однако, имѣвшій мѣсто въ Штабѣ Службы Связи въ Ревелѣ разговоръ Непенина со мною, о которомъ я уже вкратцѣ говорилъ на страницахъ «Морскихъ Записокъ» въ 1948-мъ году, въ своихъ воспоминаніяхъ объ Авіаціи Балтійскаго моря *).

По своемъ назначеніи Командующимъ флотомъ Непенинъ прежде всего вышелъ на миноносцѣ въ Рижскій заливъ для посѣщенія дѣйствующихъ въ немъ кораблей, воздушныхъ станцій и строящейся на Церелѣ 12'' батареи, обласкавъ всѣхъ съ одному ему свойственной душевностью.

Вернувшись въ Ревель онъ вызвалъ меня въ Штабъ Службы Связи, гдѣ, съ глазу-на-глазъ, между нами имѣлъ мѣсто слѣдующій разговоръ.

«Раньше я всегда имѣлъ въ виду передать Службу Связи вамъ», — говорилъ онъ. «Но, конечно, вы сами понимаете, что въ настоящихъ условіяхъ это невозможно. Михаилъ Платоновичъ (Давыдовъ — бывшій его помощникомъ. Б. Д.) въ полномъ курсѣ дѣла и онъ одинъ можетъ продолжать вести его безъ перерыва. А вамъ я предлагаю занять должность Флагъ-Капитана по Оперативной Части въ моемъ Штабѣ съ производствомъ въ контръ-адмиралы».

Съ минуту подумавъ я отвѣтилъ, что крайне признателенъ ему за предложеніе такого высокаго поста, но, по совѣсти, долженъ сказать, что если онъ прикажетъ, то, разумѣется, я приказаніе долженъ буду исполнить. Но если онъ спрашиваетъ хочу ли я этого, то я долженъ отвѣтить отрицательно. Во-первыхъ, потому, что всякая штабная дѣятельность мнѣ не по сердцу. Меня всегда привлекала служба строевая и потому, по окончаніи Академіи я отклонилъ предложенія Морского Генеральнаго Штаба и Штаба Балтійскаго Флота вступить въ ихъ составъ. Затѣмъ за четыре года работы по созданію Авіаціи Балтійскаго моря я съ нею сжился. И теперь, когда она, со-дня-на день, должна стать отдѣльной Воздушной Дивизіей Флота, уйти изъ этой боевой части, которой предстоитъ большая будущность, мнѣ было бы крайне тяжело. Кромѣ того Флагъ-Капитану, какъ показалъ *опытъ войны, нерѣдко давались активныя* боевыя задачи при

---

*) "Морскія Записки". Томъ 6 №№1 и 2.

операціяхъ частей флота. Авторитетъ Колчака въ глазахъ командовавшихъ этими частями былъ весьма великъ и къ его слову всѣ прислушивались. У меня же такого авторитета быть не можетъ. И потому мое участіе въ такихъ операціяхъ было бы только вредно. Въ лицѣ князя Черкасскаго вы имѣете первоклассснаго работника съ личной инициативой и лучшаго исполнителя вашихъ собственныхъ плановъ и указаній вамъ не найти. Говорю это не только какъ его другъ, но и свидѣтель его работы съ учениками квартермейстерами на «Славѣ» въ теченіи трехъ лѣтъ, въ результатѣ которой явилась его книга «Морской Практики», замѣнившая классическое руководство Вахтина — пережитокъ эпохи паруснаго флота. Съ переформированіемъ Авіаціи Службы Связи въ Дивизію — я буду находиться въ прямомъ подчиненіи вамъ. И если заслужу этого то и производство въ адмиралы меня въ свое время не минуетъ, тѣмъ болѣе, что, по новому положенію, должность Начальника Воздушной Дивизіи предусматриваетъ даже чинъ Вице-Адмирала».

Выслушавъ меня и слегка улыбнувшись на послѣднія слова Непенинъ молча отвернулся къ окну и минуты двѣ-три барабанилъ пальцами по стеклу, видимо обдумывая рѣшеніе. Вдругъ обернулся. Лицо его посвѣтлѣло. «Ну, будь по вашему», — сказалъ онъ и пожалъ руку. Вопросъ былъ рѣшенъ. Черкасскій и я остались на своихъ постахъ.

Я такъ подробно остановился на этомъ, быть можетъ слишкомъ личномъ, инцидентѣ лишь потому, что онъ отчетливо рисуетъ настроенія побудившія его искать замѣстителя Черкасскому.

Непенинъ и самъ цѣнилъ его, несмотря на свои, подчасъ весьма рѣзкія съ нимъ столкновенія на служебной почвѣ. Впрочемъ, то же самое имѣло мѣсто и при Колчакѣ, что не мѣшало этимъ двумъ, равно горячимъ, людямъ питать не только чувства взаимнаго уваженія, но и искренней дружбы. Даже среди боевыхъ трудовъ не забывалъ Командующій Черноморскимъ Флотомъ посылать Адріану Ивановичу любимыя имъ греческія маслины *).

Теперь работой Оперативнаго Отдѣла онъ хотѣлъ руководить лично. И его, вѣроятно, безпокоилъ вопросъ —

*) О. В. Непенина. Письмо автору 31-10-55 г.

насколько пойдетъ гладко эта совмѣстная работа съ человѣкомъ привыкшимъ вести эту работу почти совершенно независимо и, къ тому же, лично прикосновенному къ дѣлу назначенія своего новаго начальника.

Зная же о моей старой и крѣпкой дружбѣ съ Черкасскимъ онъ повѣрилъ мнѣ, что въ его лицѣ онъ найдетъ именно такого человѣка, какой ему былъ нуженъ, онъ преодолѣлъ свои сомнѣнія и въ результатѣ мы оба остались на своихъ постахъ.

И дальнѣйшее сотрудничество этихъ двухъ выдающихся людей вполнѣ его довѣріе оправдало.

ОПЕРАТИВНАЯ РАБОТА.

«Непенинъ, исключительный организаторъ», говоритъ Довконтъ *) «имѣлъ масштабъ времени». Его заданія были выполнимы, а система докладовъ и распоряженій позволяла легко контролировать исполнено ли приказаніе. Ничего не забывалось и не могло быть забыто такъ какъ своевременно зафиксировалось. Онъ былъ систематиченъ и не изматывалъ личный составъ. Въ Штабѣ были четыре независимыхъ канала: Операція и Развѣдка (военная и радіо); Личный Составъ Распорядительная Часть; Техника и Снабженіе; Другія Дѣла — (Центральныя Учрежденія, Армія, Государственная Дума и пр). Эти части теперь мало между собою смѣшивались, какъ это имѣло мѣсто даже при Эссенѣ.

Эссенъ и Канинъ поставили дѣло снабженія на такую высоту, что «у Непенина голова не болѣла отъ этихъ вопросовъ».

«Онъ отдавалъ больше времени оперативнымъ дѣламъ и БОЛЬШЕ НА НИХЪ ВЛІЯЛЪ. (Курсивъ мой. Б. Д.). Тутъ былъ очень тѣсный контактъ. Больше было инструкцій частямъ, отрядамъ, судамъ, базамъ. Спокойный Начальникъ Штаба мало вліялъ на ходъ оперативной работы.

Начальникъ Оперативной части былъ энергиченъ и систематиченъ. Онъ детально «разрабатывалъ» операціи, обсуж-

*) Письмо автору 24-7-56.

дая и взвѣшивая обстановку, но онъ любилъ рядомъ имѣть «вдохновителя» (его выраженіе).

Если его критиковали, тѣмъ болѣе Непенинъ, онъ не обижался. Онъ страстно хотѣлъ видѣть его во главѣ флота... Оба работали не покладая рукъ.

Штабъ не имѣлъ времени разрабатывать «отсебятину», будучи заваленъ общей работой. Съ перваго дня каждый въ немъ сталъ ежедневно получать свое собственное заданіе. Командующій долженъ былъ знать все, что происходило вокругъ. Его интересовало каждый день, что дѣлаетъ тотъ или иной корабль, каждое сообщеніе о движеніяхъ непріятеля, не въ видѣ краткой сводки, а до мельчайшихъ подробностей.

Доклады были распредѣлены по часамъ, слѣдуя одинъ за другимъ въ порядкѣ внутренней связи круга вѣденія частей, при чемъ Командующій, самъ приходилъ въ мѣсто работы даннаго докладчика, благодаря чему тотъ не терялъ времени на ожиданіе въ «приемной» и имѣлъ подъ рукой всѣ свѣдѣнія поступившія до послѣдней минуты. Съ Командующимъ слѣдовалъ дежурный флагъ-офицеръ съ карандашемъ и блокнотомъ. И если докладъ требовалъ какого-нибудь распоряженія — приказъ, директива, поправка предыдущихъ приказаній — тутъ же записывались, чтобы сразу послѣ доклада быть оформленными въ видѣ радіо, сигнала, письма и т. п. Это было очень удобно для всѣхъ. Ничего не могло быть забыто или упущено и выигрывалось много времени. Организованность работы Штаба росла» *).

«Непенинъ Штаба не разрушилъ. Онъ влился въ него какъ вода вливается въ сосудъ. И какъ вода давилъ на всѣ стѣнки сосуда ровно и съ одинаковой силой, давленіе разлагалось, воспринималось всѣми «стѣнками» одинаково, и не получалось «ни пробоинъ ни утечекъ». **).

«КРОМѢ ТОГО ЧУВСТВОВАЛОСЬ, ЧТО АКТИВНЫЯ ОПЕРАЦІИ ОТКЛАДЫВАЮТСЯ ТОЛЬКО ПО ПРИЧИНАМЪ КЛИМАТИЧЕСКИМЪ, ЧТО ОНѢ ВЪ ПОРЯДКѢ ДНЯ. Это еще болѣе поднимало духъ Штаба... Эссенъ подчинялся Центру и только иногда «выпадалъ» на короткій срокъ изъ повиновенія. Непенинъ могъ бы рисковать своей головой», —

---

*) Ф. Ю. Довконтъ. Письмо автору 23-2-56 г.

**) Ф. Ю. Довконтъ. Письмо автору 24-7-56 г.

заключаетъ свои воспоминанія о работѣ Штаба этотъ вдумчивый и горячій духомъ офицеръ, работавшій въ немъ при всѣхъ трехъ Командовавшихъ Балт. Флотомъ адмиралахъ *).

СХЕМА ПЛАНА ОПЕРАЦІЙ НА 1917 ГОДЪ. **)

Общее положеніе на сухопутномъ фронтѣ войны со времени великаго отступленія русскихъ армій въ 1915 г., сопровождавшагося потерей свыше трехсотъ тысячъ убитыми, свыше милліона ранеными и плѣнными, пяти милліоновъ винтовокъ и многочисленнаго артиллерійскаго вооруженія, и отразившагося на ослабленіи воли Верховнаго Командованія къ наступательной войнѣ, подрывало общій духъ вооруженныхъ силъ Россіи.

А пассивность Германскаго флота на Балтійскомъ морѣ, позволявшая держать въ бездѣйствіи вступившие въ строй отлично обученные наши мощные новые корабли, неблагопріятно сказывалась на духѣ личнаго ихъ состава. Нервы ослаблялись и это грозило пониженіемъ боеспособности.

Между тѣмъ съ матерьяльной стороны флотъ былъ снабженъ отлично. Запасъ минъ и снарядовъ былъ великъ. Топлива, благодаря своевременному взятію Григоровичемъ Архангельскаго порта и проведенію желѣзнодорожной линіи на Мурманскъ черезъ заледенѣлыя тундры соединенными усиліями Министерствъ Путей Сообщенія и Морского, было много». Подъ начальствомъ кап. 1 р. М. С. Рощаковскаго ***), проявившаго невѣроятную энергію въ дѣлѣ вербованія рабочей силы изъ мѣстнаго населенія — лопарей — постройка

---

*) Кап. 2 р. Ф. Ю. Довконтъ по окончаніи В.-М. О. Ник. М. Академіи въ 1915 г. вступилъ въ Штабъ К-щаго Флотомъ Флагм-мъ Історіографомъ и. за исключеніемъ времени командировокъ заграницу по дѣламъ перевозки войскъ во Францію, оставался въ немъ. Послѣ революціи служилъ въ Литвѣ, гдѣ дважды былъ Министромъ Обороны, доцентомъ кафедры географіи въ Ковенскомъ и Виленскомъ Университетахъ, а затѣмъ посланникомъ въ Аргентинѣ. Кавалеръ почетнаго легіона, Генералъ Лейтенантъ. Скончался отъ разрыва сердца на собраніи антиком. орган. хорватовъ эмигрантовъ въ Аргентинѣ. Миръ праху его. Б. Д.

**) Довконтъ. Письмо автору 24-11-56.

***) М. С. Рощаковскій, въ чинѣ лейтенанта командовалъ въ Портъ-Артурѣ м-мъ "Рѣшительный", исторія захвата котораго, стоявшаго разоруженнымъ въ Чифу, японцами, талантливо описана свидѣтелемъ этого эпизода Контръ-Адмираломъ Д. В. Никитинымъ (Фокагитовымъ), въ разсказѣ "Миноносецъ Рѣшительный" (Сборникъ "Портъ-Артуръ". Воспоминанія участниковъ. Изд. Имени Чехова. Нью-Іоркъ 1955 г.) Б. Д.

дороги шла молніеносно и залежавшіеся грузы для флота потекли по назначенію.

«Но самымъ важнымъ было то, что НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ ДУХЪ личнаго состава флота былъ все еще НА БОЛЬШОЙ ВЫСОТѢ И ЕГО НАДО БЫЛО, ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО ПОДДЕРЖАТЬ. А это могъ выполнить только переходъ ВСѢХЪ ЕГО ЧАСТЕЙ КЪ АКТИВНОЙ БОРЬБѢ У НѢМЕЦКИХЪ БЕРЕГОВЪ.

Такая активность, облегчивъ положеніе на фронтѣ, должна была бы возстановить пошатнувшійся вѣсъ Россіи въ средѣ союзныхъ державъ и могла даже повліять на исходъ всей войны.

Съ такимъ заданіемъ, полученнымъ Оперативной частью отъ новаго Командующаго Флотомъ и подъ его личнымъ руководствомъ были детально разработаны ТРИ ВАРІАНТА операцій на 1917-й годъ, подлежавшіе къ исполненію въ зависимости отъ обстановки: МИНИМАЛЬНЫЙ, СРЕДНІЙ И МАКСИМАЛНЫЙ.

«Минимальный» варіантъ предусматривалъ лишь развитіе широкой минной войны съ загражденіями въ водахъ Фемары-Бельта и общее перенесеніе центра тяжести борьбы подводныхъ лодокъ и миноносцевъ въ южную и западную части Балтики, сходясь, въ общихъ чертахъ, съ тѣмъ, что уже имѣло мѣсто въ кампанію 1916 года.

«Средній» варіантъ являлся отвѣтомъ на производившіяся нѣмцами бомбардировки безоружныхъ портовъ Ботническаго залива и Виндавы. Онъ предусматривалъ обстрѣлъ прибрежныхъ германскихъ городовъ отъ Кольберга до Засница включительно, при участіи артиллеріи линейныхъ кораблей.

И, наконецъ, варіантъ «максимумъ» имѣлъ въ виду десантную операцію на германскомъ побережьи, съ цѣлью внести этой диверсіей панику въ странѣ и вынудить нѣмецкое командованіе оттянуть въ тылъ войска, облегчивъ нажимъ на Сѣверный фронтъ нашихъ армій.

Подготовка къ подобной операціи въ Рижскомъ заливѣ въ 1916-мъ году показала возможность переброски двухъ дивизій моремъ. Транспорты были подготовлены и оборудованы. Но откладываніе выполненія ея въ долгій ящикъ поз-

волило нѣмцамъ узнать объ этомъ и организовать оборону побережья въ районѣ Роэна подводными проволочными загражденіями и высадка въ этомъ районѣ теперь грозила бы катастрофой. Дессантъ же на побережьи Балтійскаго моря, сохраняя элементъ внезапности, могъ, смѣлостью своего плана, разсчитывать на полный успѣхъ».

Увы, вся эта работа была революціей выкинута въ мусорную корзину исторіи. И самъ тотъ, кто ее вдохновлялъ и готовился выполнить созданные планы, палъ отъ выпущенной въ спину подлымъ убійцей пули.

Но, быть можетъ, будущій историкъ этой эпохи Русскаго Флота, свободный отъ цѣпей цензуры, разыщетъ въ архивахъ подлинные документы и сможетъ въ полной мѣрѣ оцѣнить трудъ выполненный Штабомъ по вдохновенію и подъ руководствомъ того Непенина, котораго мало знавшіе его современники пренебрежительно звали «сѣрымъ».

ПОСѢЩЕНІЕ ЧАСТЕЙ ФЛОТА.

7-го сентября, въ первый же день своего назначенія Непенинъ на эск. м-цѣ «Побѣдитель» вышелъ въ Рижскій заливъ и на слѣдующій день произвелъ смотръ стоявшимъ въ Куйвасто и Аренсбургѣ судамъ.

«Посѣтивъ «Славу», — разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ блестящихъ боевыхъ офицеровъ этого, такъ высоко оправдавшаго свое имя, корабля *), — вице-адмиралъ Непенинъ обратился къ офицерамъ и командѣ съ краткой рѣчью, въ которой, поблагодаривъ личный составъ за боевую службу въ прошломъ, выразилъ увѣренность въ томъ, что и въ будущемъ она будетъ такой же полезной.

Новый Командующій Флотомъ проявилъ большой интересъ къ предстоящему зимнему ремонту «Славы», просмотрѣлъ внимательно ремонтныя вѣдомости и сдѣлалъ въ нихъ рядъ полезныхъ измѣненій.

Посѣщеніе в.-а. А. И. Непенинымъ нашего корабля оставило пріятное и сильное впечатлѣніе. Многіе офицеры никогда

*) Инж.-Мех. лейт. К. И. Мазуренко — брошюра "На "СЛАВѢ" въ Рижскомъ заливѣ" 1949 г. стр. 43.

раньше не видѣли этого, въ нашемъ представленіи, всевѣдущаго мага, но онъ былъ хорошо извѣстенъ всѣмъ намъ. Мы очень цѣнили въ высшей степени плодотворную дѣятельность Непенина на должности Начальника Службы Связи, которая свидѣтельствовала о его выдающемся умѣ, организаторскихъ способностяхъ, энергіи и волѣ . . . Мы уважали и любили этого выдающагося адмирала».

Посѣтилъ Непенинъ и авіаціонныя станціи въ Аренсбургѣ и на Церелѣ, и строившуюся на этой косѣ по его собственному плану 12-ти дюймовую батарею, обласкавъ и наградивъ ихъ команды и офицеровъ *).

«Въ 11 ч. подходитъ (на Церель) катеръ съ Командующимъ Флотомъ и адмираломъ Кедровымъ. Рапортуетъ ст. лейт. Литвиновъ. Командующій обходитъ фронтъ, многихъ узнаетъ, ласково привѣтствуетъ и на концѣ фронта подходитъ къ командѣ противуаэропланной батареи прикомандированной къ намъ. Большинство ея стояло безъ сапогъ. Возмущенно: «Почему команда безъ сапогъ?» Отвѣтъ, что давно послана просьба въ Интендантство **), а оно не отпускаетъ. Адріанъ Ивановичъ вошелъ въ ражъ, поднялъ тулью фуражки и нервно дергалъ усы . . . «Я прикажу. Чтобы завтра же были одѣты». Стоя передъ фронтомъ обратился къ намъ: «Георгіевскіе кавалеры впередъ». Вышелъ одинъ у.-оф. Свиревъ (механикъ Литвинова). А. И. вскипятился: «Какъ? Здѣсь на Церелѣ и только одинъ? Вы всѣ здѣсь Георгіевскіе кавалеры. Немедленно представить къ наградамъ . . .» Всѣ его любили и уважали ***).

«Назначеніе на постъ Командующаго Балтійскимъ Флотомъ в.-а. А. И. Непенина было принято всѣмъ флотомъ съ большой радостью и надеждами», — говоритъ авторъ одной изъ лучшихъ книгъ воспоминаній той эпохи Балтійскаго Флота». Въ особенности была довольна Минная Дивизія, которая, НАХОДЯСЬ ВСЕ ВРЕМЯ НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ, высоко цѣнила предыдущую дѣятельность Адмирала . . . Его удивительныя организаторскія способности, неутомимая энергія, твердость воли и умъ принесли неоцѣнимыя услуги нашему флоту» ****).

---

*) Воспоминанія Морск. лейт. Н. В. Румянцева.
**) Интендантство Крѣпости Имп. Петра Великаго. Б. Д.
***) Морск. Летчикъ кап. Н. В. Румянцевъ. Письмо автору 25-4-58.
****) Г. Графъ. "На "Новикѣ" стр. 223.

И къ этимъ словамъ можно добавить лишь то, что такъ же цѣнили его и всѣ тѣ кто его работу такъ же благодѣтельно испыталъ на себѣ: крейсера, подводныя лодки, авіація, минные заградители, тральщики и др.

ПОДНЯТІЕ ДИСЦИПЛИНЫ.

Довольно часто приходится читать и слышать, что, вступивъ въ командованіе флотомъ, Непенинъ сталъ проявлять мелочность въ отношеніи внѣшнихъ нарушеній дисциплины. Приводится, напримѣръ случай ареста одного мичмана не ставшаго во фронтъ при встрѣчѣ съ ѣхавшимъ въ автомобилѣ адмираломъ. Остановивъ его Непенинъ отрекомендовался: «Позвольте представиться — вашъ Командующій Флотомъ» и приказалъ доложить по начальству свое приказаніе о домашнемъ его арестѣ.

Къ сожалѣнію имени этого мичмана, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ примѣрахъ, не только не упоминается, но нерѣдко приводящія ихъ лица сами говорятъ, что они объ этомъ только «слыхали», и потому ихъ показанія, согласно юридическимъ нормамъ, «не имѣютъ силы».

Отрицать требовательность Непенина въ вопросахъ дисциплины и соблюденія уставовъ, конечно, невозможно. Строгій къ самому себѣ онъ отлично сознавалъ, что вслѣдъ за мелкими ихъ нарушеніями неизбѣжно слѣдуютъ и болѣе крупныя. «Всуе законы писать ежели ихъ не исполнять» повторялъ онъ слова создателя «Морского Устава» — Великаго Петра.

И чѣмъ выше на іерархической лѣстницѣ стоялъ нарушитель, тѣмъ строже онъ къ нему былъ. А «бѣгать по Эспланадѣ», чтобы ловить тамъ не отдающихъ честь мичмановъ — было совершенно ему не свойственно, да и времени на это не было, и такіе разсказы звучатъ преувеличеніемъ.

СМОТРЫ СУДАМЪ.

Гораздо серьезнѣе звучатъ, увы немногія, воспоминанія о тѣхъ смотрахъ, которые, вступивъ въ командованіе флотомъ, Непенинъ производилъ своимъ кораблямъ.

Однимъ изъ первыхъ посѣщенныхъ имъ судовъ былъ линейный корабль «Гангутъ».

Произведя смотръ Непенинъ обратился къ собранной на шханцахъ командѣ съ рѣчью, въ которой, напомнивъ объ имѣвшемъ во время командованія кораблемъ капитаномъ 1 ранга Кедровымъ, серьезномъ нарушеніи дисциплины, выразившемся въ самовольномъ выходѣ команды во фронтъ для коллективнаго заявленія «претензіи на пищу» (что, какъ извѣстно, въ періодъ политическихъ безпорядковъ 1905-06 годовъ, являлось первымъ признакомъ разложенія морали личнаго состава) онъ будто бы сказалъ, что если бы Командующимъ Флотомъ въ то время былъ онъ самъ, то онъ «вывелъ бы корабль въ море и тамъ утопилъ бы его со всѣмъ экипажемъ» за бунтовщическое поведеніе во время войны.

Получить подтвержденіе точности этихъ его словъ не удалось, но сохранившіяся въ памяти заключительныя слова его рѣчи: «да, ладно; кто старое помянетъ — тому глазъ вонъ», о которыхъ тогда говорили, настолько для него характерны, что выдумать ихъ было бы трудно.

Потомъ, въ связи съ тѣмъ, что въ толпѣ арестовавшей Непенина въ день его смерти, видѣли матросовъ съ ленточками «Гангута», его убійство связывали съ этимъ фактомъ. Однако доказать это нѣтъ возможности и, какъ будетъ видно изъ описанія этого злодѣянія, есть даже полныя основанія въ этомъ сомнѣваться.

Само собой разумѣется, что не всѣ смотры сходили гладко. Но по мудрой русской пословицѣ — «хорошая слава лежитъ, а дурная бѣжитъ». И потому нѣтъ ничего удивительнаго, что говорилось и запомнилось главнымъ образомъ лишь о томъ, что больно задѣло какъ личное самолюбіе такъ и естественную гордость за свой корабль подвергшихся начальственному разносу лицъ.

Весьма характерную картину подобнаго случая рисуетъ авторъ разсказа «МИТЯЙ» *).

«Зима. Командующій Флотомъ смотритъ всѣ суда стоящія на рейдѣ . . . все подчищается и приводится въ смотровой видъ.

Ротные командиры «срочно» натаскиваютъ и провѣряютъ своихъ подчиненныхъ въ знаніи начальствующихъ лицъ для точныхъ отвѣтовъ Командующему. Наконецъ «неожиданно»

*) Ст. Лейт. Н. П. Солодковъ. Журналъ "Часовой". Іюль 1933 г. Стр. 14.

Командующій Флотомъ посѣщаетъ крейсеръ *). Смотръ проходитъ блестяще. Начальство, при всей опытности и строгости глаза, все находитъ въ порядкѣ. Временно командующій кораблемъ Старшій Офицеръ сіяетъ, смотръ подходитъ къ концу. Подъ полубакомъ выстроена артиллерійская команда, на правомъ флангѣ которой, красуется фигура Митяя. Командующій останавливается передъ нимъ, строго смотритъ и спрашиваетъ отрывисто:

«Какъ зовутъ Наслѣдника Цесаревича?» — Митяй вращаетъ глазами, отъ напряженія рожа дѣлается кирпичнаго цвѣта. Молчаніе.

«Ну», — бросаетъ Командующій.

Глаза всѣхъ обращены на Митяя, онъ еще болѣе теряется и бормочетъ: «Его . . . Императорское Вее . . . Запамятовалъ, Ваше Превосходительство» — съ отчаяніемъ вырывается у матроса.

«Кто ротный командиръ?» — обращается Командующій къ Старшему Офицеру. Молодой лейтенантъ выслушиваетъ цѣлый каскадъ нелестныхъ сравненій изъ устъ Командующаго. Хорошее настроеніе смотра сорвано . . Въ реультатѣ ротный командиръ получилъ недѣлю безъ берега . . .

«А черезъ недѣлю, — говоритъ авторъ, — пришла великая безкровная . . . въ числѣ убитыхъ былъ и строгій Командующій Флотомъ и тактичный Старшій Офицеръ крейсера. Лейтенантъ же остался живъ, команда считала, что онъ «здря пострадалъ за нашего брата» **).

Этотъ эпизодъ ярко рисуетъ взглядъ Непенина на «виновность» нижнихъ чиновъ вообще.

По его мнѣнію, которое онъ не разъ высказывалъ мнѣ въ частномъ разговорѣ, подлинными виновниками большинства даже дисциплинарныхъ проступковъ, не говоря уже о плохомъ знаніи службы, являются ихъ прямые начальники, не заботящіеся объ ихъ воспитаніи. И потому взыскивать съ нихъ слѣдуетъ съ осторожностью такъ какъ они весьма чутки ко всякой несправедливости, которая безотвѣтственнаго передъ начальствомъ простого человѣка противъ послѣдняго озлобляетъ.

---

*) По имѣемымъ свѣдѣніямъ Непенинъ въ то время приказывалъ предупреждать командировъ судовъ о предстоящемъ на утро его смотрѣ. Б. Д.

**) Кап. 2 р. Б. Рыбкинъ былъ убитъ на льду лицами кораблю посторонними, и команда крейсера никакого отношенія къ этому преступленію не имѣла. Б. Д.

Вотъ почему и онъ самъ, бывавшій тѣмъ болѣе требовательнымъ и строгимъ къ офицерамъ, чѣмъ высшее служебное положеніе они занимали, почти никогда не отдавалъ подъ судъ матроса за дисциплинарный проступокъ. И, рѣдко возвышавшій голосъ на провинившагося писаря или рядового сигнальщика за сдѣланную имъ ошибку, онъ, какъ я уже разсказалъ раньше, будучи всего лишь капитаномъ 2-го ранга въ Штабѣ Командующаго Морскими Силами, смѣло, передъ лицомъ ареопага высшихъ чиновъ министерства во главѣ съ самимъ Министромъ, бросилъ Начальнику Строительнаго Отдѣла, генералъ лейтенанту, рѣзкое обвиненіе его подчиненныхъ въ злоупотребленіяхъ при постройкѣ постовъ Сѣвернаго Района Службы Связи.

Для полноты картины вопроса о «подтягиваніи Непенинымъ дисциплины» и проявленной имъ при этомъ «грубости» необходимо остановиться еще на воспоминаніяхъ покойнаго контръ-адмирала С. Н. Тимирева *).

Говоря о доходившихъ до дѣйствовавшихъ на передовыхъ позиціяхъ кораблей слухахъ о «подтяжкѣ» дѣйствительно распустившагося личнаго состава авторъ находитъ, что «подобный педантизмъ во время войны» произвелъ съ самого начала невыгодное впечатлѣніе на личный составъ и создалъ Непенину не мало враговъ среди офицерской молодежи и особенно среди матросовъ **). Конкретныхъ фактовъ такого всеобщаго «подтягиванія» онъ не приводитъ и самъ говоритъ, что «не могъ подавить въ себѣ нѣкотораго чувства недовѣрія къ этимъ разсказамъ, считая ихъ ПРЕУВЕЛИЧЕННЫМИ ЗА СЧЕТЪ ЛИЧНЫХЪ ОБИДЪ ***).

Совершенно справедливое предположеніе этой чисто психологической причины обобщенія единичныхъ фактовъ, правдивость которыхъ отрицать было бы, конечно, невозможно, отлично иллюстрируется и на примѣрѣ самого автора этихъ воспоминаній.

---

*) Благодаря любезности редактора "Морскихъ Записокъ" я имѣлъ возможность ознакомиться съ выдержкой изъ находящейся въ наборѣ книги, касающейся даннаго эпизода. Б. Д.

**) По свидѣтельству к. 2 р. Довконта — матросы были довольны, что адмиралъ "не даетъ никому поблажки" и ко всѣмъ относится равно. Б. Д.

***) Курсивъ мой. Б. Д.

Вскорѣ по приходѣ «Баяна», которымъ Тимиревъ командовалъ, изъ Рижскаго залива въ Гельсингфорсъ на зимнюю стоянку, въ непродолжительномъ времени по подъемѣ флага, катеръ подъ флагомъ Командующаго Флотомъ подошелъ къ трапу крейсера. Какъ выяснилось впослѣдствіи, Непенинъ еще наканунѣ приказалъ предупредить командира о предстоящемъ смотрѣ. Но, поднявшись на палубу увидѣлъ, что тамъ еще идетъ приборка, наскоро вызванная команда, въ грязномъ рабочемъ платьѣ выстраивается для его встрѣчи, а командиръ не вручилъ ему даже положеннаго «строевого рапорта» о состояніи корабля.

Вспыльчивый Непенинъ наговорилъ по этому поводу рѣзкихъ словъ командиру и отбылъ не произведя осмотра корабля.

Оскорбленный Тимиревъ подалъ рапортъ Начальнику Бригады объ отчисленіи его отъ командованія кораблемъ и, видимо объявилъ объ этомъ офицерамъ и командѣ, т. к. первые и даже сверхсрочнослужащіе нижніе чины выразили такъ же желаніе послѣдовать его примѣру и быть списанными съ крейсера.

Тѣмъ временемъ произведенное Непенинымъ на «Кречетѣ» разслѣдованіе подтвердило заявленіе Тимирева, что онъ никакого предупрежденія о смотрѣ не получалъ, такъ какъ флагъ офицеръ Штаба Флота, выполнить данное ему приказаніе позабылъ.

И, вотъ, получивъ рапортъ Тимирева, Непенинъ написалъ Тимиреву личное извинительное письмо въ самыхъ дружескихъ тонахъ (называя его «дружище»), прося его простить его и взять свой рапортъ назадъ и сообщая, что виновный въ недоразумѣніи флагъ-офицеръ наказанъ за его небрежность по службѣ арестомъ.

«Я прочелъ — говоритъ авторъ воспоминаній, — письмо моего друга офицерамъ и командѣ, при чемъ добавилъ, что, ПРИНЯВЪ ВО ВНИМАНІЕ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ, Я ПОЛАГАЮ, ЧТО МОЖНО УДОВЛЕТВОРИТЬСЯ ЭТИМЪ ПИСЬМОМЪ, ВСѢМЪ ОСТАТЬСЯ НА МѢСТАХЪ И СЧИТАТЬ ИНЦИДЕНТЪ ИСЧЕРПАННЫМЪ, И Я БУДУ ТРЕБОВАТЬ НОВАГО СМОТРА» *).

---

*) Курсивъ мой. Б. Д.

Коментировать этотъ разсказъ командира «Баяна» теперь, когда онъ уже не можетъ лично отвѣтить на недоумѣнные вопросы, невольно имъ вызываемые, не нахожу возможнымъ. И все же долженъ сознаться, что онъ невольно наводитъ на грустныя мысли.

Всякая воинская сила не только въ мирное время, но и еще въ большей мѣрѣ въ военное, зиждется на іерархической дисциплинѣ, нарушеніе которой роковымъ образомъ отзывается на самомъ ея существованіи. И упомянутый эпизодъ характерно рисуетъ насколько уже тогда сознаніе этой истины было поколеблено не только въ средѣ рядового состава нѣкоторыхъ, даже несшихъ боевую страду, кораблей.

И еще, по своему личному опыту *), я берусь утверждать, что и въ данномъ случаѣ, письмо Непенина было вызвано отнюдь не «игрой назадъ», какъ это думалъ Тимиревъ, а совершенно искреннимъ желаніемъ возстановить дружескія отношенія, нарушенныя его вспыльчивостью, которую прощали ему всѣ хорошо его знавшіе, до Морского Министра включительно. Для того, чтобы написать такое письмо своему подчиненному, отъ человѣка пользующагося огромной властью военнаго времени требовалось качество не ниже мужества военнаго, а именно МУЖЕСТВО ГРАЖДАНСКОЕ. Природа далеко не всегда сочетаетъ оба эти достоинства въ одномъ лицѣ. И человѣкъ храбрый въ бою нерѣдко пассуетъ тамъ, гдѣ требуется подавить собственную гордость. И вотъ этимъ качествомъ, какъ подтверждаетъ разсказъ Тимирева, Непенинъ обладалъ въ весьма высокой степени.

ДРУЗЬЯ.

Древняя мудрость гласитъ: «Скажи мнѣ кто твои друзья и я скажу тебѣ кто ты». И въ свѣтѣ ея личность самого Непенина опредѣляется, какъ съ обще-моральной такъ и чисто воинской точекъ зрѣнія весьма ярко.

Большинство его наиболѣе близкихъ друзей не только просто его товарищи по выпуску или бывшіе сослуживцы,

---

*) "Морскія Записки" Кн. №53, 1960 г. стр. 56-57. Глава "Конфликтъ съ Непенинымъ". Б. Д.

съ которыми обычно связываютъ человѣка чисто сентиментальныя воспоминанія лучшихъ дней молодости.

Достаточно вспомнить имена Бахирева, Беренса, Колчака, Плена, Подгурскаго, Трухачева, Шевелева и другихъ, чтобы увидѣть тѣ общія всѣмъ имъ черты, вызывавшія въ немъ чувства уваженія и полнаго довѣрія, на которыхъ только и можетъ создаваться подлинная дружба.

Прежде всего это была ихъ воинская доблесть, ярко выявленная въ дни совмѣстной боевой работы въ Тихомъ океанѣ въ дни Боксерскаго возстанія и Портъ-Артурской Эпопеи, затѣмъ преданность флоту въ эпоху его возрожденія подъ водительствомъ глубоко почитавшагося всѣми ими адмирала Н. О. Эссена и, наконецъ, общая имъ всѣмъ сердечная чистота, чуждая всякихъ заднихъ мыслей, интригъ и происковъ.

Не даромъ всѣ они пользовались не «популярностью» — это пошлое слово было бы совершенно неумѣстно для опредѣленія отношенія къ нимъ въ средѣ всѣхъ чиновъ Балтійскаго Флота — а, именно, ихъ уваженіемъ, а многіе и настоящей любовью.

И, вотъ, высоко цѣня ихъ отношеніе къ себѣ и ихъ оцѣнку его работы Непенинъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, обратился къ старѣйшему по годамъ Бахиреву съ прямымъ вопросомъ: какъ относятся къ нему старшіе начальники частей флота?

Прямой, не знавшій ни лести ни страха говорить правду въ глаза, «Коронатъ» сказалъ только одно — «обижаются, что ты съ нами не совѣтуешься».

Это, конечно было такъ потому, что по самому характеру своему, Непенинъ, часто и охотно прибѣгавшій къ совѣщаніямъ со специалистами «техниками», отъ которыхъ онъ могъ поучиться, совершенно не терпѣлъ такъ называемыхъ «военныхъ совѣтовъ», рѣшенія которыхъ, при столкновеніи различныхъ возрѣній, неизбѣжно должны принимать половинчатый «компромиссный» характеръ.

Всякое окончательное рѣшеніе онъ принималъ самъ, безраздѣльно беря на себя и всю отвѣтственность за его послѣдствія.

«Совѣтъ въ Филяхъ», какъ его нарисовалъ Толстой, былъ однимъ изъ любимыхъ имъ страницъ «Войны и Мира» и въ этомъ отношеніи Кутузовъ былъ ему духовно сродни.

НЕПЕНИНЪ И ГЕНЕРАЛЪ ЗЕЙНЪ.

Командующему Флотомъ были подчинены, кромѣ Морскихъ Силъ, и войска расположенныя въ районѣ Крѣпости Императора Петра Великаго и на территоріи Финляндіи и вся гражданская въ нихъ администрація.

Въ числѣ непосредственно ему подчиненныхъ лицъ былъ и Генералъ - Губернаторъ Финляндіи генералъ - лейтенантъ Зейнъ.

Уже съ самаго начала войны Непенинъ, въ качествѣ Начальника Службы Связи, озабочиваясь пресѣченіемъ возможной передачи врагу радіо-донесеній его шпіоновъ находящихся на территоріи Финляндіи, создалъ, какъ уже упоминалось мною раньше, рядъ маломощныхъ радіо-пеленгаторныхъ пунктовъ, могущихъ раскрыть мѣстонахожденіе такихъ передаточныхъ пунктовъ.

Однако не менѣе важной задачей являлась организація и агентурной контръ-развѣдки въ средѣ самого населенія Великаго Княжества. Нѣмецкія симпатіи послѣдняго, разсчитывавшаго на полученія въ результатѣ побѣды Германіи полной самостоятельности своей страны, ни для кого тайной не были. И на обязанности Охраннаго Отдѣленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ лежало наблюденіе какъ за военнымъ шпіонажемъ такъ и революціонно-политической работой врага, имѣвшей цѣлью моральное разложеніе не только въ населеніи, но и, прежде всего, въ средѣ воинскихъ и морскихъ частей расположенныхъ на территоріи и въ портахъ Финляндіи.

Успѣхъ такой работы зависѣлъ, конечно, отъ полной координаціи всѣхъ усилий Гражданскихъ и Военныхъ властей во главѣ съ Командующимъ Флотомъ. Однако, таковой, насколько можно судить по результатамъ, при адмиралѣ Канинѣ достигнуто не было и разлагающая пропаганда велась широко по всей территоріи Великаго Княжества, распространяясь и на экипажи базировавшихъ въ его портахъ кораблей.

Обнаруживъ этотъ опасный прорывъ на внутреннемъ фронтѣ Непенинъ сталъ нажимать на Генералъ-Губернатора, требуя принятія радикальныхъ мѣръ. И, будучи не удовлетворенъ нерѣшительностью шаговъ послѣдняго, онъ не разъ указывалъ ему на это въ столь рѣзкой формѣ, что, какъ сви-

дѣтельствуетъ одинъ изъ чиновъ Штаба Флота *), генералъ Зейнъ буквально передъ нимъ трепеталъ. Увы, все это было уже слишкомъ поздно и, какъ показали событія, исправить положеніе оказалось совершенно невозможнымъ.

Зато лично для генерала Зейнъ, когда въ дни революціи явилась угроза самой его жизни со стороны толпы, спровоцированной нелѣпымъ обвиненіемъ его въ шпіонажѣ, спасеніе пришло ни отъ кого другого, какъ именно со стороны того же Непенина.

Вотъ, что разсказываютъ объ этомъ личные свидѣтели этого событія.

Съ началомъ бунта въ Петроградѣ въ Февралѣ 1917 г. Непенинъ сталъ ежедневно собирать на «Кречетѣ» флагмановъ и капитановъ для взаимной информаціи.

«2 марта командиръ «Славы», кап. 1 р. П. М. Пленъ, вернувшись съ одного изъ такихъ собраній, — говоритъ лейт. инж.-мех. К. И. Мазуренко **), сообщилъ офицерамъ, что въ этотъ же день, съ его согласія на просьбу Командующаго на корабль будутъ доставлены генералъ Зейнъ и предсѣдатель Финляндскаго Сената Тайный Совѣтникъ Боровитиновъ ***), чтобы уберечь ихъ отъ эксцессовъ на берегу. И вскорѣ затѣмъ эти лица, въ сопровожденіи флагъ-офицера Штаба Флота, прибыли на корабль и были помѣщены въ адмиральскомъ помѣщеніи, къ двери котораго былъ приставленъ часовой для ихъ охраны. На слѣдующій день, вслѣдъ за объявленіемъ командѣ корабля объ отреченіи Государя, команда черезъ своего представителя, доложила командиру, что матросы лин. кор. «Императоръ Павелъ I» и «Андрей Первозванный» издѣваются надъ «Славой», называя ее «пловучей тюрьмой» изъ-за нахожденія на ней упомянутыхъ лицъ. Командиръ отвѣтилъ, что онъ доложитъ объ этомъ Командующему. Тѣмъ временемъ съ «Павла» въ мегафонъ стали передаваться подстрекательства команды «Славы» къ убійству Зейна и Бо-

---

*) Кап. 2 р. Ф. Ю. Довконтъ — письмо автору.

**) Авторъ прекрасной книги "На "Славѣ" въ Рижскомъ заливѣ". Изд. Книгопечатни преп. Іова Почаевскаго въ Св. Троицкомъ монастырѣ, Жорданвилъ, Н. І. стр. 48-50.

***) Какъ извѣстно выборы населеніемъ Финляндіи Предсѣдателя Сената были въ послѣднее Царствованіе отмѣнены и таковой сталъ назначаться Короной. Это и послужило поводомъ къ его непопулярности и даже враждебнаго къ нему отношенію. Б. Д.

ровитинова съ угрозой открыть по «Славѣ» огонь. Въ это время на этихъ корабляхъ уже началось избіеніе своихъ офицеровъ.

И, вотъ, въ самый разгаръ начинавшагося бунта, къ «Славѣ» подошелъ присланный автомобиль, на которомъ оба эти лица и были доставлены на «Кречетъ».

Поведеніе команды этого послѣдняго корабля — невооруженнаго парохода обращеннаго въ пловучее помѣщеніе для Штаба Флота — спокойно отнесшейся къ прибытію на него этихъ одіозныхъ для бунтующихъ командъ боевыхъ судовъ лицъ, ярко указываетъ на то довѣріе, съ которымъ она относилась къ дѣйствіямъ Непенина, успѣвъ за недолгіе мѣсяцы близкаго соприкосновенія съ нимъ, хорошо узнать и оцѣнить его.

Но, разумѣется, «Кречетъ» не представлялъ надежнаго для преслѣдуемыхъ лицъ убѣжища. И, какъ только желѣзнодорожное сообщеніе Гельсингфорса съ Петроградомъ было возстановлено, Непенинъ счелъ наилучшимъ отправить ихъ туда, гдѣ они могли вступить подъ охрану Государственной Думы, явившейся убѣжищемъ для всѣхъ гонимыхъ сановниковъ.

Для выполненія этого порученія онъ воспользовался случайнымъ пребываніемъ на кораблѣ Начальника Шифровальнаго Отдѣла Морского Генеральнаго Штаба кап. 2 р. В. В. Романова.

«Въ этотъ вечеръ, — разсказываетъ послѣдній *), — пошелъ поѣздъ въ СПБ, и Адріанъ тутъ же поручилъ мнѣ отвезти и доставить въ Государственную Думу Финляндскаго Генералъ-Губернатора Генерала Зейнъ **), при чемъ мнѣ въ помощь данъ былъ квартермейстеръ и, кажется, четыре матроса съ винтовками и особый вагонъ. Я опоясался саблей и исполнилъ порученіе. Все это было трагично, съ маленькимъ привкусомъ оперетки, когда унтеръ-офицеръ началъ относиться ко мнѣ покровительственно, давая мнѣ понять, что главой экспедиціи является въ сущности онъ, а вовсе не я . . . Или, когда на Литейномъ мосту успѣвшая обнаглѣть и разнуздать-

---

*) Письмо автору 11-11-60 г.

**) Т. к. по моимъ свѣдѣніямъ Сенат. М. М. Боровитиновъ былъ такъ же доставленъ въ Г. Думу, гдѣ, вмѣстѣ съ ген. Зейнъ, освобожденъ отъ "ареста", надо думать, что авторъ воспоминаній лишь случайно не упомянулъ его имени. Б. Д.

ся толпа узнавъ о томъ, что везутъ «кровожаднаго» генерала изъ Финляндіи, стала проявлять «агрессивныя» чувства и я почелъ за благо обнажить саблю, что, несмотря на ея «неотпущенность» произвело на прохожихъ желаемое дѣйствіе, какъ выражается Кузьма Прутковъ».

ПРИМѢЧАНІЕ .

Искренне признателенъ В. В. Романову за любезную поправку внесенную имъ въ мой разсказъ о чинахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ назначенныхъ на радіо-станцію Шпитгамнъ (Т. 18 кн. 52 «Морскихъ Записокъ») *).

Лично, по должности Начальника Шифровальнаго Отдѣла М. Ген. Штаба, посѣтившій ее, онъ свидѣтельствуетъ, что, во-первыхъ, никакихъ другихъ чиновъ этого Министерства, кромѣ самого Фатерлейна, тамъ не было. Для послѣдняго же, котораго Непенинъ радъ былъ окружить всяческими заботами, былъ выстроенъ особый домъ, въ которомъ онъ жилъ со своей женой.

Такимъ образомъ приписанная Адріану Ивановичу хлесткая фраза являлась мифомъ.

«АДРІАНУ МОЛВА ПРИПИСЫВАЛА СТОЛЬКО ВЫРАЖЕНІЙ», — говоритъ онъ. Какое цѣнное замѣчаніе. Легенды и анекдоты слагаются только о тѣхъ БОЛЬШИХЪ ЛЮДЯХЪ, которыхъ ихъ современники и потомство превозносили передъ другими. Нерѣдко они говорятъ о человѣкѣ больше, чѣмъ сама исторія, которая, какъ и всякое дѣло рукъ человѣческихъ тоже грѣшитъ нерѣдко. А живутъ онѣ въ памяти народной много крѣпче и дольше чѣмъ то, что хранится въ толстыхъ томахъ на книжныхъ полкахъ. Б. Д.

ОТЪ АВТОРА.

Приношу благодарность А. П. Ваксмуту за указаніе ошибки въ именованіи командира «Славы» кап. 1 р. Вяземскаго «княземъ», каковаго титула онъ не только не имѣлъ, но и «обижался если кто-либо по ошибкѣ его такъ назоветъ». Эта

---

*) Письмо Г. Н. Таубе 15-10-60. Б. Д.

моя небрежность тѣмъ болѣе непростительна, что у меня подъ рукой имѣлся все время прекрасный трудъ инж.-мех. лейт. Мазуренко «На «Славѣ» въ Рижскомъ заливѣ». Священной для всѣхъ соратниковъ памяти этого скромнаго героя, горѣвшаго лишь желаніемъ оправдать имя своего корабля, никакихъ прикрасъ, кромѣ званія офицера Русскаго Императорскаго Флота честно исполнившаго свой долгъ до конца, конечно не требуется.

Авторъ письма приводитъ при этомъ одно весьма интересное воспоминаніе. Въ 30-хъ годахъ б. Начальникъ Отдѣла Личнаго Состава въ Штабѣ К-щаго Б. Флотомъ к.-а. Тимиревъ разсказывалъ ему, что при назначеніи командира предназначавшагося къ походу въ Рижскій заливъ л. к. «Слава» ему было приказано выбрать такого, «котораго не жалко».

Очевидно командованіе флотомъ считало корабль обреченнымъ на гибель. Но волею судьбы «Слава» пережила своего славнаго командира, павшаго отъ разрыва 6-ти дюймовой шрапнели, осколки которой проникли въ амбразуру броневой башни и убили всѣхъ въ ней находившихся, за исключеніемъ старшаго штурмана — А. П. Ваксмута — повидимому стоявшаго склонившись надъ картой за броней.

Корабль пережилъ своего командира, но духъ послѣдняго остался въ его личномъ составѣ до окончательной разрухи всего Балтійскаго флота. Б. Д.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Б. Дудоровъ

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ Томѣ XVIII №2 Кн. 52 Стр. 30 Строка 14

Въ заголовкѣ главы напечатано: БОЙ У ЭСТЕРГАНА. Слѣдуетъ читать — БОЙ У ЭСТЕРГАРНА.

Тамъ же Стр. 37 подстрочное примѣчаніе строка 3-я снизу — фамилію «АЗАРѢЕВЪ» слѣдуетъ читать — «АЗАРЬЕВЪ»

Тамъ же стр. 45 — строка 4-я сверху: Имя и отчество инженера авіаціи Шишкова — Павелъ Александровичъ, инициалы А. И. ошибочны.

М. М. Тьедеръ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО

Въ настоящее время достиженія техники непрерывно идутъ впередъ и, въ частности, въ подводномъ плаваніи достигли предѣловъ, которыхъ даже пылкая фантазія Жюль Верна не могла придумать: подводныя лодки съ атомными двигателями, водоизмѣщеніемъ до 6900 тоннъ, подъ ледянымъ покровомъ достигаютъ сѣвернаго полюса (USS "Scate") въ погруженномъ состояніи совершаютъ двухмѣсячныя кругосвѣтныя плаванія (USS "Triton"), мѣсяцами, въ полной боевой готовности, въ погруженномъ состояніи, патрулируютъ стратегическіе пункты.

Чтобы сравнить, съ какими затрудненіями сталкивались піонеры подводнаго плаванія въ первые годы его существованія, интересно заглянуть въ прошлое.

Въ 1912 г. лейт. М. М. Тьедеръ, бывш. командиръ подводной лодки «Скатъ», издалъ, подъ псевдонимомъ Эмге, свои воспоминанія, относящіяся къ первымъ попыткамъ созданія подводнаго флота и къ періоду русско-японской войны. Авторъ, въ своей книгѣ «На подводной лодкѣ» (Т-во Скоропечатаніе А. А. Леоенсонъ, Москва 1912, 117 стр.), обрисовывалъ неподготовленность флота, невѣжество высшаго командного состава, бюрократизмъ и злоупотребленія въ портовыхъ учрежденіяхъ Морского Вѣдомства.

«Больно было писать эту книжку» — пишетъ М. М. Тьедеръ въ предисловіи ко 2-му изданію, «но еще больнѣе было рѣшиться выпустить ее на судъ общества... Если я возвысилъ тогда свой, полный глубокой скорби и отчаянія голосъ, то не ради клеветы на флотъ, не въ осужденіе его, а лишь въ предупрежденіе новыхъ опасностей...».

Въ періодъ послѣ русско-японской войны и разгрома флота въ цусимскомъ бою, русская общественность была настроена критически и скорѣе недоброжелательно ко всему что касалось флота, и эта небольшая книжка имѣла большой успѣхъ. Въ прессѣ печатались одобрительные отзывы и выдержки «изъ дневника подводника». Извѣстный фельетонистъ того времени М. О. Менщиковъ, въ статьяхъ въ «Новомъ Времени» называлъ книгу Эмге — правдой о флотѣ.

Авторъ любезно прислалъ въ редакцію «Морскихъ Записокъ» единственный сохранившійся у него экземпляръ книги, и изъ нея ниже сего приводятся воспоминанія М. М. Тьедера.

Редакція.

ПОДВОДНОЕ КРЕЩЕНІЕ. ПЕРВЫЙ СПУСКЪ ПОДЪ ВОДУ.

Сегодня мое подводное крещеніе — первый мой спускъ подъ воду; я погружался на только что законченной лодкѣ. Это всего только второй ея опытъ; первое испытаніе на ней производилъ вчера самъ изобрѣтатель.

На лодкѣ были сдѣланы подготовительныя распоряженія, для чего пришлось отойти на болѣе глубокое мѣсто; къ этому же времени были закончены испытанія водяныхъ отсѣковъ и наполнены всѣ хранители воздухомъ, сжатымъ до 150 атмосферъ.

Погруженіе должно было происходить на мѣстѣ безъ хода.

По командѣ изобрѣтателя каждый изъ экипажа и обучающагося состава занялъ свое опредѣленное мѣсто внутри лодки. Я устроился въ самой боевой рубкѣ, въ которой обык-

новенно сосредотчивается управленіе лодкой и помѣщается командиръ, которая оставалась теперь свободной, такъ какъ изобрѣтатель на первыхъ опытахъ рѣшилъ находиться посрединѣ (внутри) лодки, чтобы имѣть возможность, пока команда еще не обвыклась, самому зорко слѣдить за точнымъ исполненіемъ каждаго переданнаго имъ приказанія.

Ввиду того, что перископъ, посредствомъ котораго лодка только и получаетъ возможность наблюдать за всѣмъ происходящимъ на поверхности воды, еще не былъ установленъ на мѣсто, находящіеся внутри лодки люди могли судить о послѣдовательномъ переходѣ лодки изъ ея полнаго надводнаго состоянія въ полное подводное исключительно по глубиномѣру, т. е. прибору, показывающему въ каждый данный моментъ глубину погруженія лодки. Я же, находясь въ командирской рубкѣ, которая была снабжена четырьмя иллюминаторами для оріентировки безъ помощи перископа, получалъ возможность быть единственнымъ свидѣтелемъ, какъ лодка, постепенно принимая водяной баластъ въ свои отсѣки, будетъ погружаться, оставляя все меньшую часть своего корпуса надъ водой, пока совершенно не скроется съ поверхности и не окажется на днѣ. Тутъ же около меня находились всѣ сигнальные приборы, нѣсколько контрольныхъ манометровъ, показывающихъ глубину хода лодки подъ водой, рулевые приборы, телеграфы въ машину и къ рулямъ, электрическій приводъ для вращенія къ перископу и проч.

Командиръ послѣдній разъ обошелъ верхнюю палубу, чтобы убѣдиться, въ точности ли исполнены всѣ отданныя имъ приказанія; затѣмъ спустился по трапу въ открытый еще люкъ и занялъ свое мѣсто.

По его командѣ «главный входной люкъ задраить» — крышка большого входного люка быстро опустилась на свое мѣсто, закрывъ послѣдній нашъ выходъ наружу. Когда задрайки были крѣпко завернуты, стоявшій на этой обязанности матросъ громко доложилъ командиру, что «главный входной люкъ задраенъ», и этотъ отвѣтъ, казалось, на каждое лицо наложилъ замѣтный отпечатокъ какого-то остраго ощущенія, точно насъ навсегда отрѣзали отъ живого міра и на нашъ единственный выходъ въ этотъ міръ плотно надвинули тяжелую плиту. Съ этого момента какое-то особое обаяніе пріобрѣтаетъ каждое слово, каждое движеніе команди-

ра, за которымъ тотчасъ же слѣдуетъ самое точное и пунктуальное исполненіе — каждый отлично сознаетъ, что теперь опытности одного человѣка ввѣрена драгоцѣнная жизнь всего экипажа лодки. Еще рѣзче среди могильной тишины послышалась дальнѣйшая команда о наполненіи баластныхъ цистернъ, и еще рѣзче и еще непріятнѣе засвистѣлъ изъ водяныхъ цистернъ воздухъ, который быстро распространилъ въ помѣщеніи лодки какую-то тяжелую, удушливую и сырую атмосферу — это вода наполняла отсѣки и вытѣсняла оттуда воздухъ, постепенно увеличивая вѣсъ лодки и постепенно уменьшая ея пловучесть. Вскорѣ какая-то тяжесть въ ушахъ, а также приборы не замедлили показать, что давленіе въ лодкѣ отъ прибывающаго воздуха становится повышеннымъ; чтобы разрѣдить его, командиръ даетъ приказаніе открыть вытяжной вентиляторъ, который быстро уравниваетъ давленіе и тотчасъ же снова герметически закрывается.

По сосредоточенному лицу командира видно, какъ зорко слѣдитъ онъ за движеніемъ стрѣлки глубокомѣра и пузырькомъ кренометра, чтобы вó-время остановить доступъ воды въ баластные цистерны, и какъ только онъ замѣчаетъ тенденцію стрѣлки рѣзкимъ скачкамъ, быстро отдаетъ приказаніе застопорить наполненіе главныхъ баластныхъ отсѣковъ, и затѣмъ начинаетъ наполненіе центральной системы, при помощи которой наполненіе становится болѣе рѣзкимъ. Черезъ стекла иллюминаторовъ командирской рубки стало видно, что вода уже прикрыла всю палубу, оставивъ надъ поверхностью воды только часть рубки. Вскорѣ вода подошла къ самымъ стекламъ, и волной уже начала захлествать ихъ, изрѣдка закрывая и доступъ сквозь нихъ лучамъ солнца. Теперь въ лодкѣ остается уже самая небольшая остаточная пловучесть, съ исчезновеніемъ которой лодка, какъ всякое тонущее судно, пойдетъ ко дну; съ этой же пловучестью она совершаетъ и свои переходы подъ водой — достаточно для этого только дать въ машинѣ «полный ходъ» и положить руль глубины на «потопленіе».

Пузырекъ кренометра, стоявшій все время до сихъ поръ на нулѣ, вдругъ быстро отошелъ отъ нуля вправо и сталъ на дѣленіе «4» — этимъ онъ давалъ знать, что на лодкѣ появился кренъ на носъ въ 4°. Едва только командиръ пожелалъ принять предупредительныя мѣры для возстановленія нару-

шеннаго равновѣсія, какъ пузырекъ кренометра быстро покатился дальше вправо, и вмѣстѣ съ тѣмъ мгновенно стемнѣло въ иллюминаторахъ рубки, и все, что оказалось незакрѣпленнымъ въ лодкѣ, посыпалось къ носовой ея переборкѣ. Установившееся было рѣшительными и хладнокровными приказаніями командира спокойное отправленіе командой ея обязанностей смѣнилось у многихъ, благодаря неожиданной обстановкѣ, особой нервностью, которая рѣзко вылилась на многихъ лицахъ, — что, впрочемъ, являлось вполнѣ простительнымъ, такъ какъ погруженіе для большинства изъ присутствующихъ было вѣдь только первымъ испытаніемъ. Хладнокровіе самого изобрѣтателя вскорѣ, однако, снова заставило насъ забыть о всѣхъ возможныхъ опасностяхъ и слѣпо довѣриться его опытности. Вскорѣ дѣйствительно равновѣсіе ему удалось возстановить, и кренометръ также спокойно установился на нулѣ.

Въ иллюминаторахъ рубки, въ которой я находился, снова стало видно, что надстройка лодки уже почти вся ушла подъ воду, и на палубѣ небольшой волной уже переливается вода; надъ поверхностью оставалась только командирская рубка. Началось дальнѣйшее погруженіе, но, несмотря на всѣ старанія командира предупредить появленіе новаго большого крена, это ему не удавалось — равновѣсіе каждый разъ нарушалось, и то носъ, то корма быстро теряли пловучесть и шли ко дну — обнаружился одинъ конструктивный недостатокъ, который препятствовалъ правильному погруженію лодки на мѣстѣ, отчего и неизбѣжны были эти крены въ діаметральной плоскости. Вскорѣ, однако, намъ все-таки удалось кое-какъ погрузиться на самое дно, о чемъ ясно говорила, кромѣ глубокомѣра еще полная темнота въ оконцахъ рубки. Всѣ быстро освоились съ новой обстановкой, и общее, нѣсколько тревожное, настроеніе быстро исчезло. По приказанію командира были осмотрены всѣ трюмы и вообще вся лодка, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли гдѣ просачиванія воды или течи, такъ какъ на глубинѣ, при большомъ давленіи окружающей среды, это должно рѣзче обнаруживаться, чѣмъ у поверхности воды. Вскорѣ этотъ осмотръ былъ законченъ, и командиръ рѣшился снова подняться на поверхность; раздалась его команда «по мѣстамъ стоять, приготовиться къ подъему» — и всѣ снова заняли свои мѣста.

Командиръ даетъ приказаніе «продуть баластныя цистерны», слышится шипеніе, — это сжатый воздухъ поступилъ изъ воздухохранителей въ водяной отсѣкъ и лодка какъ пробка вылетаетъ на поверхность. Въ иллюминаторахъ рубки становится сразу свѣтло, и видно, какъ весь корпусъ уже вынырнулъ изъ воды; хотя долго слышится еще рѣзкій свистъ, — это сжатый воздухъ продолжаетъ очищать своимъ давленіемъ всѣ отсѣки отъ того водяного баласта, который заставилъ лодку уйти на глубину. Послѣдовательно съ нѣсколькихъ мѣстъ доносится командой, что цистерны продуты, слѣдовательно лодка уже находится въ полномъ надводномъ состяніи.

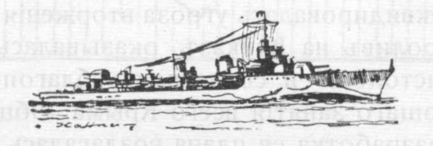
Остается, передъ тѣмъ какъ открыть входной люкъ, только медленно сравнять давленіе скопившагося въ лодкѣ воздуха съ наружнымъ нормальнымъ давленіемъ. Непріятное ощущеніе въ ушахъ, какая-то тяжестъ и показаніе спеціальнаго манометра указываютъ на то, что въ лодкѣ довольно повышенное давленіе, для уравновѣшиванія котораго и пускается вытяжной электрическій вентиляторъ, чтобы сдѣлать переходъ его къ нормальному — постепеннымъ.

Какъ только былъ пущенъ въ ходъ вентиляторъ, мы были свидѣтелями интереснаго явленія: ясный воздухъ въ лодкѣ вдругъ мгновенно смѣнился густымъ туманомъ; это при разрядѣ воздуха отдѣлились находившіеся въ немъ водяные пары, и этотъ туманъ довольно долго еще разстилался въ помѣщеніи лодки.

Вскорѣ защелкала лебедка — это открывался по приказанію командира главный входной люкъ, и всѣ, довольные благополучнымъ подъемомъ на поверхность, высыпали на верхнюю палубу.

Такимъ образомъ, послѣ почти трехъ часовъ пребыванія подъ водой, мы закончили свои первые опыты. По окончаніи нѣкоторыхъ передѣлокъ лодки такія погружнія ея должны будутъ происходить у насъ теперь почти ежедневно . . .

М. М. Тьедеръ

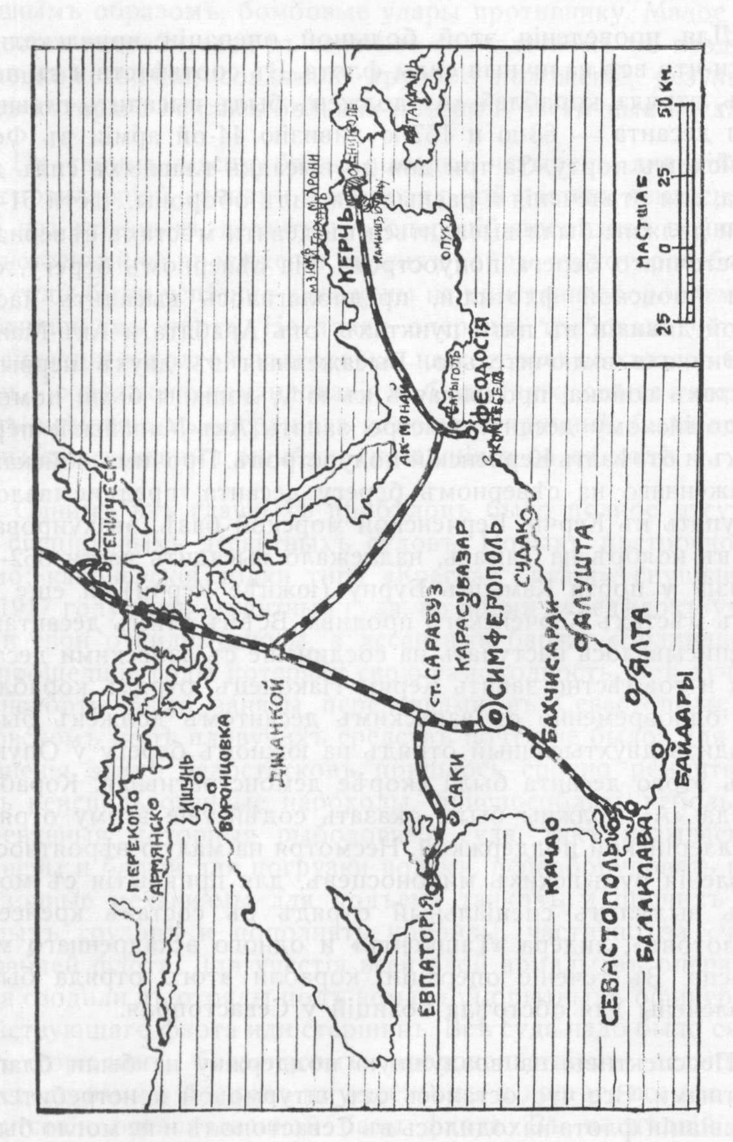
П. А. Варнекъ.

Военно-морскія дѣйствія на Черномъ морѣ во Вторую Міровую войну

IX. КЕРЧЕНСКО-ФЕОДОСІЙСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦІЯ.

Ноябрь мѣсяцъ 1941-го года явился поворотнымъ періодомъ войны на Восточномъ фронтѣ. Застигнутыя суровой зимой нѣмецкія арміи были остановлены; совѣтскія войска произвели на всѣхъ фронтахъ успѣшныя контръ-наступленія и нанесли противнику рядъ пораженій. Въ свою очередь, въ послѣднихъ числахъ ноября войска Южнаго фронта перешли въ наступленіе противъ армій маршала Клейста, занявшихъ 22-го ноября Ростовъ. 29-го нѣмцы были вытѣснены изъ города и къ 2-му декабря отброшены за Таганрогъ на рѣку Міусъ. На этой линіи дальнѣйшее продвиженіе совѣтскихъ войскъ было остановлено.

Въ связи съ переходомъ армій въ наступленіе, вновь образованному на Кубани Закавказскому фронту Верховное Командованіе предписало произвести десантъ на Керченскій полуостровъ. Цѣлью операціи было разгромить керченскую группировку противника и завладѣть полуостровомъ. Этимъ маневромъ ликвидировалась угроза вторженія нѣмцевъ черезъ Керченскій проливъ на Кавказъ, оказывалась помощь осажденному Севастополю и создавались благопріятныя условія для послѣдующаго занятія всего Крыма. Общее руководство операціей и разработка ея плана возлагалась на Военный Со-

Карта Крымского полуострова.

вѣтъ Закавказскаго фронта. Въ соотвѣтствіи съ этимъ планомъ, вице-адмиралъ Октябрьскій и его штабъ разработали морскую часть операціи, распредѣленіе морскихъ силъ, организацію перевозки и высадки войскъ.

Для проведенія этой большой операціи привлекались почти-что всѣ наличныя силы флота. Въ соотвѣтствіи съ планомъ, отрядъ кораблей «А» долженъ былъ высадить главныя силы десанта — 63-ю и 157-ю дивизію 44-ой арміи въ Феодосійскомъ порту. За три дня до высадки главныхъ силъ десанта, для отвлеченія и распыленія силъ обороны, части 51-ой арміи должны были высадиться въ девяти мѣстахъ сѣвернаго и восточнаго берега полуострова. На сѣверномъ берегу, силами Азовской флотиліи, предполагалось высадить части 224-ой дивизіи въ пяти пунктахъ, отъ Арабата и Акъ-Маная до Эникале включительно. Высаженныя въ двухъ первыхъ пунктахъ войска, продвигаясь къ югу, должны были помочь Феодосійскому десанту быстро занять Акъ-Манайскій перешеекъ и отрѣзать Керченскій полуостровъ. Прочимъ войскамъ высаженнаго на сѣверномъ берегу десанта, предписывалось наступать къ Керчи. Керченской морской базѣ, эвакуированной въ ноябрѣ на Тамань, надлежало высадить части 362-ой дивизіи у порта Камышъ Бурну (южнѣе Керчи), и еще въ трехъ мѣстахъ Керченскаго пролива. Всѣмъ этимъ десантамъ предписывалось наступать на соединеніе съ азовскими десантами и совмѣстно занять Керчь. Наконецъ, отрядъ кораблей «Б», одновременно съ азовскимъ десантомъ долженъ былъ высадить двухтысячный отрядъ на южномъ берегу у Опукъ. Цѣль этого десанта была скорѣе демонстративная. Корабли отряда «А» должны были оказать содѣйствіе этому отряду артиллерійской поддержкой. Несмотря на малую вѣроятность появленія румынскихъ миноносцевъ, для прикрытія съ моря былъ выдѣленъ спеціальный отрядъ въ составѣ крейсера «Молотовъ», лидера «Ташкентъ» и одного эскадреннаго миноносца. Въ теченіе операціи, корабли этого отряда были привлечены для обстрѣла позицій у Севастополя.

Перспективы на воздушную поддержку не были благопріятными. Все что осталось отъ штурмовой и истребительной авіаціи флота находилось въ Севастополѣ и не могло быть отвлечено отъ обороны крѣпости; такимъ образомъ можно было расчитывать лишь на бомбардировочную авіацію съ

Таманскаго полуострова и на слабыя воздушныя силы Закавказскаго фронта. Исходя изъ наличія самолетовъ, было рѣшено, что авіація произведетъ развѣдку мѣстъ высадки, прикроетъ районъ посадки войскъ и во время высадки нанесетъ, главнымъ образомъ, бомбовые удары противнику. Малое количество истребителей въ связи съ господствомъ въ воздухѣ нѣмецкой авіаціи, создавало трудное положеніе, результатомъ котораго явились большія потери и частичныя неудачи.

По своимъ масштабамъ, высадка четырехъ дивизій съ ихъ артиллеріей, танками и матерьяльной частью, явилась одной изъ крупныхъ десантныхъ операцій послѣдней войны и единственной на протяженіи многихъ войнъ, въ которой большія силы были успѣшно высажены на пристани обороняемаго противникомъ порта. Но такая операція требовала четкой организаціи и долгой подготовки, на которую не хватало времени. У совѣтскаго командованія не было также опыта въ крупныхъ смѣшанныхъ операціяхъ и, по этой причинѣ, были допущены существенныя ошибки, сказавшіяся на ея ходѣ.

Однимъ изъ главныхъ пробѣловъ было полное отсутствіе спеціальныхъ десантныхъ судовъ. Новыхъ построено не было; канонерскія лодки типа «Красная Грузія», спущенныя въ 1917 году какъ десантныя суда, во время передѣлокъ утратили свои откидные носы, а десантныя баржи «Болиндеры» за прошедшіе годы потеряли свою самоходность. Всѣ лучшіе транспорты были заняты перевозками въ Севастополь; въ Азовскомъ морѣ пловучихъ средствъ почти не было. Для пополненія этихъ недостатковъ пришлось срочно ремонтировать неиспользованные пароходы, приспособлять небольшія деревянныя моторныя рыболовныя суда, такъ называемые сайнеры и баржи для погрузки войскъ, переоборудовать разгрузочные механизмы для подъема танковъ и прочихъ тяжелыхъ грузовъ и пополнять команды, частично за счетъ кораблей флота. Для участія всей этой армады въ операціи, суда сводили въ отряды подъ командой опытныхъ офицеровъ дѣйствующаго флота или старшинъ. Всѣ суда надо было снабдить горючимъ, боезапасомъ, продовольствіемъ, десантными средствами и прочимъ имуществомъ, и достать все это при отсутствіи организованной базы флота. Въ послѣдній моменъ, когда началась уже погрузка войскъ, выяснилось, что часть катеровъ «М. О.», предназначенныхъ для дѣйствія въ

Керченскомъ проливѣ, не получили бензина и, еще хуже, авіація тоже не была имъ полностью обезпечена. Въ связи съ этимъ пришлось сократить дѣйствія авіаціи и оставить азовскіе десанты безъ ея поддержки, а предполагавшійся парашютный десантъ на нѣмецкій аэродромъ у Владиславовки отмѣнить! Командиры десантныхъ судовъ и транспортовъ были снабжены подробными картами лишь того района, въ которой они должны были идти по плану, но когда, въ ходѣ операціи, суда попадали въ другія мѣста, они подходили къ берегу лишь руководствуясь чутьемъ своихъ командировъ!

Посадка войскъ и погрузка техники въ условіяхъ близости противника должна была производиться скрытно и быстро и, по возможности, въ разныхъ портахъ. Это условіе требовало четкой организаціи подхода войскъ и грузовъ къ мѣстамъ посадки.

Однимъ изъ главныхъ факторовъ успѣха являлась внезапность и одновременная высадка десантовъ въ девяти мѣстахъ. Ввиду различныхъ разстояній до мѣстъ высадки, для разнородныхъ отрядовъ было выработано точное расписаніе времени выхода изъ портовъ и указаны курсы для перехода моремъ.

Таковъ былъ планъ этой большой операціи, но природа и обстоятельства внесли свои поправки.

По времени Керченско-Феодосійская операція запоздала, такъ-какъ наступленіе Южнаго фронта уже прекратилось, что дало возможность маршалу Клейстъ снять съ этого фронта румынскую дивизію и направить ее противъ десанта. Съ совѣтской стороны произошло обратное явленіе: 79-я Особая бригада морской пѣхоты, спеціально сформированная для перваго броска десанта, за недѣлю до начала операціи была переброшена въ Севастополь. Количественно въ составѣ силъ десанта ее замѣнила новая стрѣлковая дивизія, но, попавъ въ тяжелыя условія высадки при сильной волнѣ, не видавшіе никогда моря, стрѣлки терялись и не могли сравниться съ матросами.

Со своей стороны, нѣмецкое командованіе послѣ стольких пораженій и громадныхъ потерь понесенныхъ совѣтскими арміями, не вѣрило въ возможность большой десантной операціи въ ближайшіе мѣсяцы. Керченскій полуостровъ обо-

ронялся лишь сильно поредевшей 46-й нѣмецкой пѣхотной дивизіей, кавалерійской бригадой румынъ и еще нѣсколькими разрозненными частями. Немногочисленная береговая артиллерія состояла изъ тяжелыхъ гаубицъ и легкихъ полевыхъ орудій. Развѣдка въ морѣ не производилась, такъ какъ, не считая двухъ захваченныхъ въ Керчи катеровъ, никакихъ судовъ въ распоряженіи нѣмцевъ не было. Нѣмецкая авіація сплоховала и не замѣтила ни подготовки десанта въ портахъ, ни перехода многочисленныхъ отрядовъ моремъ; а если что самолеты и видѣли, то это было отнесено на счетъ оказанія помощи Севастополю.

Высадка десанта на сѣверное побережье Керченскаго полуострова усложнилась слабостью Азовской флотиліи и недостаточнымъ количествомъ плавучихъ средствъ, которыхъ усилить не было возможности. Флотилія состояла изъ нѣсколькихъ канонерскихъ лодокъ, передѣланныхъ изъ небольшихъ пароходовъ, оборудованныхъ изъ паровыхъ шаландъ-тральщиковъ, съ ходомъ въ шесть-восемь узловъ, и нѣсколько кихъ сторожевыхъ катеровъ. Мониторъ «Желѣзняковъ» по какой-то причинѣ въ операціи не участвовалъ; не было также бронекатеровъ, незамѣнимыхъ въ десантныхъ операціяхъ. Словомъ, Азовская флотилія напоминала красную флотилію временъ гражданской войны и даже нѣкоторые изъ ея ветерановъ приняли участіе въ новой войнѣ! Въ Азовскомъ морѣ оказалось лишь нѣсколько старыхъ каботажныхъ пароходовъ и для перевозки десанта были привлечены буксируемыя баржи, рыболовныя и прочія мелкія суда. На деревянныхъ сайнерахъ, которыхъ пули пробивали насквозь, и прочихъ мелкихъ судахъ, у людей не было никакого укрытія, и при подходѣ къ берегу они терпѣли большія потери. Свозить десантъ съ болѣе крупныхъ судовъ, которыя не могли подойти вплотную къ берегу, предполагалось производить при помощи шлюпокъ. Отрядный ходъ опредѣлялся скоростью буксируемыхъ баржъ и равнялся нѣсколькимъ узламъ. Высадивъ первый эшелонъ, суда должны были возвращаться къ мѣстамъ посадки и грузить части 2-го эшелона.

Можно считать, что Азовской флотиліи такого состава была поставлена задача, явно превышавшая ея возможности и, къ тому же, не былъ учтенъ элементъ погоды. Флотиліи все же удалось высадить часть войскъ перваго эшелона, но, ввиду задержки судовъ у мѣстъ высадки, ихъ тихоходности,

потерь и поврежденій, подкрѣпленія десанту своевременно доставлены не были.

Начало высадки было назначено на утро 26-го декабря. Погода не благопріятствовала. 25-го дулъ сильный западный вѣтеръ, мѣшавшій погрузкѣ десанта; временами шелъ снѣгъ. Отряды запаздывали съ выходомъ въ море и весь графикъ перехода нарушался. Несмотря на эти обстоятельства, командованіе рѣшило операцію не откладывать. Трудно судить, какія причины привели его къ такому рѣшенію. Вѣроятно, въ первую очередь, отсутствіе воздушныхъ атакъ на мѣста погрузокъ, доказывавшее, что нѣмцы до сихъ поръ еще не подозрѣвали о готовящемся десантѣ. Отсрочка могла позволить случайному развѣдчику обнаружить необычайное скопленіе судовъ, автомобилей и людей въ портахъ и поднять тревогу. Возможно, повліяла боязнь за участь Севастополя, гарнизонъ котораго съ трудомъ отбивалъ второй штурмъ; можетъ быть, расчетъ, что плохая погода и снѣгъ помѣшаютъ дѣйствію нѣмецкой авіаціи и скроютъ отъ ея глазъ опасный переходъ азовскихъ отрядовъ, происходившій въ свѣтлое время; или же совѣтское командованіе, считая всю первую фазу операціи лишь демонстративной, не придавала большого значенія десантамъ перваго дня. Но фактъ тотъ, что непогода спутала весь планъ начала операціи и явилась одной изъ причинъ большихъ потерь, понесенныхъ частями двухъ дивизій.

Для выполненія поставленной ему задачи, командующій Азовской флотиліей контръ-адмиралъ Горшковъ образовалъ три отряда высадки въ составѣ которыхъ, для артиллерійской поддержки, входили канонерскія лодки. Высадка перваго эшелона должна была начаться въ пяти мѣстахъ побережья въ 5 часовъ утра 26-го декабря 1941 года, то есть за два часа до разсвѣта. Для соблюденія скрытности канонерскія лодки должны были открывать огонь лишь при противодѣйствіи противника.

Первому отряду надлежало идти къ основанію Арабатской стрѣлки и къ Акъ-Манаю, но ввиду появленія въ морѣ льда, онъ былъ направленъ въ Казантипскій заливъ. Эта перемѣна помѣшала осуществить планъ быстраго овладѣнія Акъ-Манайскимъ перешейкомъ и окруженію нѣмецкихъ силъ, находившихся на полуостровѣ. Второй отрядъ, наиболѣе многочисленный, долженъ былъ, тремя группами кораблей, вы-

садить главныя силы 224-ой дивизіи на двадцатипятикилометровомъ участкѣ берега у мысовъ Зюкъ, Тарханъ и Хрони. Третій отрядъ направлялся къ Эникале, въ сѣверной части пролива. Первый и Второй отряды грузились въ Темрюкѣ, Третій въ Кучуругахъ, на сѣверномъ берегу Таманскаго полуострова. Погрузка перваго эшалона началась въ ночь на 25-ое; сильный вѣтеръ и волна мѣшали погрузкѣ, частично происходившей на рейдѣ. Задержавшись, почти всѣ суда вышли съ запозданіемъ.

Первый отрядъ (кап. лейт. Шиповниковъ), которому предстоялъ переходъ въ 70 миль, вышелъ въ море днемъ 25-го. Къ 19-ти часамъ вѣтеръ достигъ силы 7-ми балловъ и встрѣчная волна заливала маленькія суденышки; и безъ того черепашій ходъ отряда пришлось еще уменьшить, вѣрнѣе онъ больше не продвигался впередъ. Видя сильное опозданіе перваго отряда контръ-адмиралъ Горшковъ приказалъ ему вмѣсто Казантипа идти къ мысу Зюкъ.

Группа судовъ Второго отряда подъ командой кап. 2 р. Грозный въ составѣ канонерской лодки, двухъ «М. О.», двухъ пароходовъ, 16-ти рыболовныхъ сайнеровъ, двухъ шаландъ и двухъ баржъ подошли къ мысу Зюкъ въ 7 часовъ, т. е. на разсвѣтѣ. Отрядъ былъ встрѣченъ огнемъ батареи, стоявшей у бухты Чокракъ. Лишь послѣ двухчасовой перестрѣлки, канонерской лодкѣ «Донъ» удалось привести къ молчанію батарею и, суда съ десантомъ, прикрываясь дымовой завѣсой, поставленной катерами, направились къ берегу. Западнѣе мыса оказался тральщикъ «Совѣтская Россія», который, по ошибкѣ въ счисленіи попалъ сюда вмѣсто Хрони и, пользуясь своей плоскодонностью уткнулся носомъ въ берегъ и благополучно высадилъ находившійся на борту десантъ. Воспользовавшись небольшимъ плацдармомъ, занятымъ этимъ десантомъ, Грозный приказалъ высаживать отрядъ въ этомъ мѣстѣ. Въ это время вѣтеръ достигъ силы пяти-шести балловъ и у берега былъ сильный накатъ. Изъ за мелководья, болѣе глубокосидящіе сайнеры начали касаться грунта далеко отъ берега. Началась переправа людей на шлюпкахъ, но она шла очень медленно, и нѣсколько изъ нихъ были выброшены на берегъ. Наконецъ, къ берегу была подведена баржа «Хоперъ», которую предполагалось использовать какъ пристань, но спущенная съ нея сходня не достигла берега и была сбита вол-

ной. Находившіеся на баржѣ люди стали прыгать въ ледяную воду и, поднимая надъ головой оружіе, выходили на берегъ. Но въ 10 часовъ нѣмецкая артиллерія и минометы усилили огонь по мѣсту высадки и подходившимъ къ берегу катерамъ и шлюпкамъ, періодами совершенно отсѣкая начавшія движеніе впередъ части. Канонерской лодкѣ «Донъ» временами удавалось приводить къ молчанію батареи, и связь съ десантомъ на нѣкоторое время возобновлялась. Въ это время къ мѣсту высадки начали подходить суда изъ Перваго отряда. Входившіе въ его составъ два сайнера и катеръ «Акула» въ 10:30 начали высадку стрѣлковъ, но сайнеръ «Декабристъ» ударомъ о камень получилъ течь, а «Акула» волной былъ выброшенъ на берегъ. Въ 10:50 появились нѣмецкіе пикировщики, противъ которыхъ слабая зенитная артиллерія канонерскихъ лодокъ была безсильна. Вскорѣ пароходы «Пенай» и «Красный флотъ» были повреждены; паровая шаланда «Фанагорія» пошла на дно. Все же, несмотря на потери, судамъ Второго отряда удалось высадить всю пѣхоту съ ихъ личнымъ оружіемъ; выгрузка орудій и другихъ тяжестей пока оказалась невозможной. Лишь съ наступленіемъ темноты удалось продвинуть баржу ближе къ берегу и спустить по сходнѣ находившіеся на ней три танка и нѣсколько орудій; съ шаланды «Георгія» была выгружена минометная батарея. Но утромъ второго дня опять появились самолеты. Груженый боеприпасами «Пенай» началъ горѣть и былъ покинутъ. Вѣтеръ и волна еще усилились и почти не допускали подхода къ берегу. Вмѣстѣ съ тѣмъ сопротивленіе противника возросло и ему снова удалось отсѣчь десантъ отъ берега. Не видя возможности кореннымъ образомъ измѣнить положеніе, командованіе рѣшило операцію у мыса Зюкъ прекратить и приказало судамъ Перваго отряда, не высадившимъ войска, идти къ мысу Хрони, гдѣ десантъ происходилъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Всего у Зюка было высажено 1378 бойцовъ изъ трехъ разныхъ отрядовъ. Люди попадали на берегъ уставшими послѣ суточнаго пребыванія въ бурномъ морѣ и вымокшими въ холодной водѣ. Части десанта продвинулись на нѣсколько километровъ, но утерявъ связь съ кораблями, перешли къ оборонѣ и смогли удержаться до общаго отхода нѣмцевъ.

Слѣдующая группа кораблей Второго отряда, подъ командой кап. лейт. Николаева, направленная къ мысу Тарханъ,

вышла изъ Темрюка 25-го декабря въ 13:30. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня суда подошли къ мѣсту назначенія и стали пытаться начать высадку, но сильный накатъ, сосредоточенный огонь съ берега и начавшіеся въ 12:15 налеты авіаціи заставили операцію прекратить. Достигшія берега небольшія группы бойцовъ были легко ликвидированы нѣмцами. Прикрывавшая отрядъ канонерская лодка №4 и тральщикъ были направлены къ мысу Хрони, другія суда группы съ оставшимися на борту войсками вернулись въ Темрюкъ.

Болѣе успѣшно прошла операція въ бухтѣ Булганакъ у мыса Хрони. Въ 7:30 буксиръ «Дофиновка» съ баржой «Таганрогъ» и мелкосидящій пароходъ «Ейскъ» приткнулись къ песчаному берегу бухты. Находившіеся на нихъ стрѣлки стали быстро, по мелководью, выходитъ на берег. Въ этотъ моментъ минометная батарея съ мыса Хрони открыла по высаживавшимся сильный огонь, но канонерская лодка «Днѣстръ», подойдя на короткую дистанцію, обстрѣляла минометы изъ орудій и пулеметовъ; батарея перенесла на нее огонь и это дало возможность десанту высадиться безъ потерь. Къ приткнувшимся къ берегу судамъ стали подходить сайнеры и черезъ нихъ высаживать пѣхоту. Къ 10:30 всѣ войска были высажены. Несмотря на начавшійся артиллерійскій и пулеметный огонь, съ баржи было спущено три танка. Затѣмъ къ баржѣ подошелъ тральщикъ «Бѣлобережье» (изъ группы мыса Тарханъ) и, высадивъ бойцовъ, совмѣстно съ «Ейскомъ» и другими разгруженными судами въ 13:00 ушелъ за вторымъ эшалономъ. Стремительнымъ натискомъ высаженныя части захватили небольшой плацдармъ, но получившій подкрѣпленіе противникъ усилилъ огонь по береговой полосѣ и его авіація стала болѣе активной. Подошедшія суда Перваго отряда и Третій отрядъ, который, изъ-за большой волны у Эникале былъ посланъ къ Хрони, не смогли произвести высадку и вернулись въ свои базы. Съ утра слѣдующаго дня нѣмецкая авіація возобновила налеты. Тральщикъ «Кизилташъ» и шаланда «Танаисъ» получили серьезныя поврежденія и баржа-пристань была совершенно разбита бомбами. Связь съ десантомъ была нарушена. Лишь въ 7:00 третьяго дня группѣ судовъ кап. лейт. Николаева, несмотря на сильный артиллерійскій огонь и налеты авіаціи удалось высадить подкрѣпленія, снова занявшія береговую черту. Въ 15:00 изъ Темрюка вышли корабли съ частями второго эшелона, но выса-

дить полностью ихъ не удалось, т. к. берегъ снова оказался въ рукахъ противника. Всего у Хрони было высажено 3462 чел. Части 387-го стрѣлковаго полка начали наступленіе въ направленіи на Керчь, но, встрѣтивъ упорное сопротивленіе, полкъ перешелъ къ оборонѣ. Такимъ образомъ, къ моменту начала десанта въ Феодосіи, вмѣсто предполагавшагося образованія сплошного двадцатипяти километроваго фронта, на сѣверномъ берегу полуострова, десантъ былъ высаженъ лишь въ двухъ мѣстахъ, при чемъ его части, понеся большія потери, фактически находились въ окруженіи. Все же эти дѣйствія сильно помогли Феодосійской операціи, такъ какъ оттянули на себя главныя силы противника.

Не на много лучше прошла операція въ Керченскомъ проливѣ. Пловучихъ средствъ у Керченской базы совершенно не было и, не считая «М. О.» и торпедныхъ катеровъ, для перевозки десанта были привлечены рыболовные сайнеры, баржи и боты, которые могли взять лишь ограниченное число бойцовъ. Принимая во вниманіе малую ширину пролива было предположено, что эти суденышки смогутъ быстро совершить нѣсколько рейсовъ и доставить первому броску подкрѣпленія. Ближнюю огневую поддержку десанту должны были оказать катера, но главной артиллерійской поддержкой, не считая пловучихъ батарей, явились расположенныя на Таманскомъ полуостровѣ батареи береговой обороны, усиленныя армейской артиллерійской группой, батареи коей, для увеличенія района обстрѣла, были выдвинуты къ самому берегу. Зона пораженія таманскихъ батарей охватывала всю площадь отъ мыса Хрони до мыса Такиль на Черномъ морѣ; но для соблюденія внезапности батареи открыли огонь лишь когда десантъ достигъ противоположнаго берега. Для облегченія подхода къ мѣстамъ высадки въ проливѣ ночью были поставлены навигаціонные знаки, но волны сорвали ихъ съ мѣстъ. Для организаціи всей высадки, постройки пристаней и разгрузки матерьяльной части, каждому десанту придавались составленные изъ моряковъ отряды швартовки.

Посадка войскъ происходила въ Тамани и Комсомольскѣ; такъ какъ главный фарватеръ пролива находился подъ обстрѣломъ керченскихъ батарей, для избѣжанія потерь отряды выходили через Тузлинскую промоину. Суда съ десантомъ шли тремя волнами съ интервалами въ полчаса и должны были

начать одновременную высадку въ четырехъ мѣстахъ. Первый отрядъ состоялъ изъ 8-ми «М. О.», торпедныхъ катеровъ и 20-ти сайнеровъ, имѣя на борту, не считая бойцовъ авангарда, отряды швартовки, корректировочные посты и отряды связи. Высадивъ десантъ, катера оказывали артиллерійско-пулеметную поддержку и ставили дымовыя завѣсы, сайнеры же возвращались за подкрѣпленіями. Второй отрядъ изъ 12-ти сайнеровъ перевозилъ первый эшалонъ десанта, третій состоялъ изъ 9-ти сайнеровъ и 3-хъ баржъ, на которыхъ кромѣ войскъ были танки.

Первый отрядъ вышелъ по расписанію въ часъ ночи 26-го декабря, но штормъ задержалъ выходъ другихъ отрядовъ. Къ 5:45 первыя суда стали подходить къ берегу. Сторожевые катера были обнаружены противникомъ въ трехъ кабельтовыхъ отъ Камышъ Бурну и освѣщены ракетами. Чтобы ввести нѣмцевъ въ заблужденіе, катера открывъ пулеметный огонь, повернули въ море и, когда противникъ прекратилъ освѣщеніе, снова полнымъ ходомъ подошли къ берегу и совершенно внезапно высадили партіи десанта. За катерами къ этому мѣсту стали подходить сайнеры. Не встрѣтивъ организованнаго сопротивленія, десантъ занялъ косу и пристань. Въ 5:55 загремѣла артиллерія на Тамани, среди которой выдѣлялись громовые удары 28 см. береговой батареи мыса Ахилеонъ. Черезъ нѣкоторое время удалось подавить артиллерію противника, состоявшую лишь изъ 26 орудій, но подошедшіе въ 7:00 сайнеры второго отряда были встрѣчены артиллерійскимъ, минометнымъ и пулеметнымъ огнемъ и понесли потери. Все же, при поддержкѣ катеровъ, подкрѣпленія были высажены и десантъ смогъ занять окраину городка. Къ полдню десантъ былъ усиленъ третьимъ отрядомъ. Все утро авіація оказывала дѣйствительную поддержку десанту; лишь во второй половинѣ дня появились 12 нѣмецкихъ истребителей и 25 штурмовиковъ, атаковавшихъ десантъ и суда.

Въ другихъ пунктахъ высадка не удалась. Изъ за сильнаго обстрѣла у Стараго Карантина, лишь одинъ «М. О.» высадилъ 55 человѣкъ, остальныя суда этой группы направились въ близнаходившійся Камышъ Бурну. У Эльтинги пришлось тоже отступить; лишь съ одного торпеднаго катера, выброшеннаго волной на берегъ, и одного сайнера, сошло на берегъ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Сайнеры, шедшіе еще южнѣе

къ мысу Такиль, изъ-за встрѣчной волны туда не дошли и вернулись на Тамань.

Всего въ первый день было высажено 2175 человѣкъ, то есть половина предполагаемаго числа, что не дало возможности создать превосходство въ силахъ.

На слѣдующій день вѣтеръ усилился до 7-8 балловъ и не позволялъ маленькимъ судамъ войти въ проливъ; десантъ, несмотря на усиленіе противника, смогъ удержать занятыя имъ позиціи, но весь плацдармъ, коса и пристань находились подъ дѣйствительнымъ огнемъ нѣмцевъ. Въ ночь на 28-е вѣтеръ сталъ спадать, что дало возможность возобновить доставку подкрѣпленій въ Камышъ Бурну.

Отрядъ флота «Б», подъ командой контръ-адмирала Абрамова, которому надлежало идти къ Чауда, своей задачи выполнить не смогъ. Этотъ отрядъ состоялъ изъ наиболѣе пригодныхъ для десантной операціи кораблей, канонерскихъ лодокъ типа «Красный Аджаристанъ», болиндеровъ съ ихъ буксирами и сторожевого корабля «Штормъ». Отрядъ грузился въ Анапѣ, но стрѣлковая часть прибыла на пристань съ четырехчасовымъ опозданіемъ. Крупная волна мѣшала погрузкѣ на этомъ открытомъ рейдѣ, и погрузка затянулась до полуночи. Выйдя въ море отрядъ попалъ въ штормъ и, ввиду опозданія, вернулся въ Анапу и потомъ перешелъ въ укрытіе Новороссійскаго порта. Въ 7:00 28-го отрядъ вышелъ въ Камышъ Бурну, куда прибылъ къ 22:00. При подходѣ къ берегу корабли были встрѣчены сильнымъ артиллерійскимъ, минометнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Стрѣляя изъ своихъ 130 м/м.орудій, первой начала высадку «Красная Грузія». Бойцы сходили на косу черезъ болиндеръ, подведенный носомъ къ самому берегу. Слѣдующимъ произвелъ высадку «Красный Аджаристанъ». Всего отрядомъ «Б» было высажено 2000 бойцовъ, артиллерія и автомашины. Въ теченіе слѣдующаго дня, одновременно съ началомъ высадки въ Феодосіи, въ Камышъ Бурну, черезъ проливъ, доставлялись подкрѣпленія и къ вечеру почти всѣ главныя силы, числомъ 13000 бойцовъ, оказались на берегу. Десантъ началъ переходить въ наступленіе. Угроза тылу отъ Феодосійскаго десанта заставила нѣмцевъ начать отходъ, и 30-го декабря 360-ый стрѣлковый полкъ занялъ Керчь.

Десантъ въ Феодосіи начался, какъ было предусмотрено, въ 4:00 утра 29-го декабря. Принимая во вниманіе десанты, произведенные въ восточной части полуострова, нѣмцы считали новыя усилія совѣтскихъ войскъ мало вѣроятными и въ Феодосіи они были захвачены врасплохъ. Портъ оборонялся слабой береговой артиллеріей, имѣлись бетонныя пулеметныя гнѣзда, и въ городѣ, не считая нѣсколькихъ мелкихъ отрядовъ, находился лишь одинъ саперный батальонъ.

Отрядъ флота «А», подъ командой капитана 1 ранга Басистаго состоялъ изъ слѣдующихъ подраздѣленій:

1. Отрядъ корабельной поддержки (кап. 1 р. Андреевъ): крейсера «Красный Крымъ», «Красный Кавказъ», эск. миноносцы «Шаумянъ», «Незаможникъ» и «Желѣзняковъ», которые имѣли на борту передовой отрядъ десанта.

2. Отрядъ высадочныхъ средствъ (кап. лейт. Ивановъ): 12 катеровъ «М. О.», 2 тральщика и буксиры. Катера должны были высадить штурмовой отрядъ, состоявшій изъ трехсотъ моряковъ и гидрографическую партію для установки на молахъ и причалахъ навигаціонныхъ огней.

3. Первый отрядъ транспортовъ, грузившихся въ Новороссійскѣ — первый эшалонъ десанта, и его охраненіе изъ миноносцевъ и тральщиковъ типа «Мина».

4. Второй отрядъ транспортовъ, грузившихся въ Туапсе — второй эшалонъ десанта, и его охраненіе — лидеръ «Харьковъ», миноносцы и тральщики.

Для соблюденія скрытности матерьяльная часть была погружена на корабли ночью 27/28-го декабря, посадка войскъ была произведена вечеромъ 28-го. Погрузка происходила недостаточно организованно: нѣкоторыя части прибыли съ опозданіемъ, другія перепутали названія транспортовъ и на нѣкоторые корабли было взято больше войскъ чѣмъ было предусмотрено. Всего въ Новороссійскѣ было принято: 11270 челвѣкъ, 572 лошади и 51 орудіе, до 120 м/м. включительно. Въ Туапсе было принято: 6365 человѣкъ, 906 лошадей, 58 орудій и 14 танковъ.

Въ 3:00 28-го декабря изъ Новороссійска вышли подводныя лодки «Щ-201» и «М-51». Они имѣли задачей дать сводку погоды въ районѣ Феодосіи и установку свѣтового

буя южнѣе мыса Ильи, прикрывавшаго бухту съ юго-запада. Сами лодки, вставъ на якоря, должны были въ условленный часъ зажечь огни и служить маяками.

Въ 18:00 часовъ 28-го декабря Новороссійскъ покинули миноносцы и отрядъ высадочныхъ средствъ; часомъ позже за боны вошли крейсера. Въ это время въ районѣ Феодосіи дулъ вѣтеръ силой 5-6 балловъ и временами шелъ снѣгъ. Въ 3:05, опредѣлившись по бую, отрядъ, имѣя головнымъ флагманскій миноносецъ «Шаумянъ», перестроился въ кильватерную колонну и легъ на Нордъ. Отрядъ высадочныхъ средствъ находился лѣвѣе колонны, то есть ближе къ берегу. Въ 3:48 корабли открыли огонь по норду, пригороду и станціи Сарыголъ сѣверо-восточнѣе Феодосіи, гдѣ желѣзная дорога выходитъ къ морю. «Желѣзняковъ» и «Шаумянъ», для облегченія оріентировки катеровъ, стрѣляли по порту освѣтительными снарядами. Черезъ нѣсколько минутъ противникъ открылъ безрезультатный вначалѣ артиллерійскій огонь и началъ безпрерывное освѣщеніе подходовъ къ гавани ракетами. Съ открытіемъ огня кораблями, отрядъ катеровъ, слѣдуя подъ берегомъ съ юго-западной стороны, направился къ порту. Въ 4:03 корабли прекратили огонь. Выдѣленные для уничтоженія перегораживавшего входъ въ гавань бона, флагманскій катеръ «О-13» и буксиръ «Кабардинецъ» обнаружили въ его восточной части проходъ въ 80 метровъ и встали у его оконечностей маяками. Тотчасъ же черезъ этотъ проходъ въ портъ двинулись другіе катера. Первымъ прорвался въ портъ катеръ «О-131» и высадилъ штурмовую партію у маяка на западномъ защитномъ молу. Послѣ короткой стычки маякъ и стоявшія близъ него два орудія были захвачены. Гидрографической партіи, высаженной этимъ же катеромъ, удалось зажечь маякъ, что сильно облегчило оріентировку входившихъ въ портъ кораблей. Остальные десять «М. О.» высадили свои партіи на Широкомъ (восточномъ) молу и на причалахъ въ глубинѣ порта. Преодолѣвъ сопротивленіе немногочисленныхъ защитниковъ и уничтоживъ нѣсколько пулеметныхъ гнѣздъ, матросы заняли Широкій молъ и часть территоріи порта. Послѣ этого начальникъ отряда катеровъ далъ условный сигналъ, по которому крейсера и миноносцы двинулись къ порту. За это время огонь противника усилился: батареи средняго калибра стрѣляли уже съ четырехъ мѣстъ: слѣва, отъ мыса Ильи, изъ-за города и справа отъ Сарыголя.

Сопротивленіе на берегу возростало, и портъ обстрѣливался минометами и перекрестнымъ огнемъ пулеметовъ.

Въ 4:35 крейсеръ «Красный Крымъ» всталъ на якорь въ двухъ кабельтовыхъ отъ Широкаго мола. Судовые барказы и освободившіеся сторожевые катера, несмотря на 6-ти бальный вѣтеръ, начали перевозить войска съ крейсера на причалы. Въ проходѣ между молами они попадали подъ сильный огонь противника, причинившій потери. Въ частности, радіо-станція штаба десанта была повреждена и въ дальнѣйшемъ связь была установлена черезъ корректировочный постъ. Въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ каждый барказъ совершилъ болѣе десяти рейсовъ. Высадка нѣсколько затянулась и была закончена лишь къ 7:30.

Слѣдуя за крейсеромъ, въ портъ направились миноносцы. Въ 4:40 «Шаумянъ», имѣя сбитой снарядомъ гротъ-мачту, ошвартовался у Широкаго мола и подъ сильнымъ огнемъ высадилъ войска и технику. Черезъ 16 минутъ «Незаможникъ» подошелъ къ стѣнкѣ въ юго-западной части порта и еще черезъ четыре минуты, стрѣляя изъ всѣхъ орудій, «Желѣзняковъ» ошвартовался въ средней части. По мѣрѣ окончанія выгрузки десанта и боеприпасовъ, корабли выходили на рейдъ, и, по указаніямъ корректировочныхъ постовъ, поддерживали десантъ артиллерійскимъ огнемъ.

Крейсеръ «Красный Кавказъ», подъ командой кап. 2 р. Гущина, по примѣру "Vindictive" въ 1918 году въ Зеебрюгге, долженъ былъ ошвартоваться съ внѣшней стороны Широкаго мола. Въ то время какъ миноносцы пошли въ портъ, Гущинъ подвелъ девятитысячетонный крейсеръ къ молу и отдалъ якорь. Обломки фермъ и разрушенныхъ сооруженій затрудняли швартовку и сильный отжимной вѣтеръ развернулъ крейсеръ. Буксира, для оказанія помощи маневрированію не было. Высадка бойцовъ началась при помощи гребныхъ барказовъ, но боцману все же удалось завести съ бака и кормы перлиня и, развернувшись носомъ въ море, крейсеръ подтянулся къ молу. Въ 7:15 съ кормы была поставлена сходня, по которой солдаты быстро сбѣжали на берегъ. Увидя подходившій къ молу большой корабль, нѣмцы сосредоточили по нему артиллерійскій, минометный и пулеметный огонь. Особенно досаждала батарея у Сарыголъ, стрѣлявшая

по незащищенному моломъ борту. Крейсеръ отвѣчалъ изъ одиночныхъ орудій, стрѣляя по обнаруженнымъ вспышкамъ. Почти сразу начались попаданія, главнымъ образомъ въ надстройки. Противотанковый снарядъ пробилъ броню 8'' башни и разорвался внутри, перебивъ часть прислуги. Въ шахтѣ элеватора загорѣлись провода, затѣмъ полузаряды, и огонь могъ бы дойти до погреба. Матросъ Пушкаревъ голыми руками выбросилъ изъ башни горѣвшие полузаряды и предотвратилъ взрывъ крейсера. Черезъ нѣсколько минутъ пожаръ былъ ликвидированъ и, замѣнивъ прислугу, башня снова открыла огонь при ручномъ управленіи. Нѣсколько минъ и снарядовъ попали въ мостикъ, на которомъ начался пожаръ. Два офицера и нѣсколько сигнальщиковъ было убито. Раненый старшій артиллерійскій офицеръ, послѣ перевязки, вернулся на свой командный пунктъ. Крейсеръ получилъ нѣсколько пробоинъ и понесъ большія потери среди прислуги зенитныхъ орудій и другихъ, находившихся наверху матросовъ и офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на верхней палубѣ все еще лежали ящики съ минами и снарядами для десанта и представляли угрозу взрывовъ и пожаровъ. Наступало свѣтлое время и вѣроятное при этомъ появленіе нѣмецкой авіаціи. Учитывая обстановку, командиръ въ 8:08 обрубилъ швартовы, оттянулся отъ мола и, отклепавъ якорный канатъ, вышелъ на рейдъ. Днемъ, на сторожевыхъ катерахъ и барказахъ на берегъ была свезена часть боевого запаса и нѣсколько орудій. Оставшееся на кораблѣ было на слѣдующій день передано на транспортъ. За этотъ, дѣйствительно геройскій бой кресера «Красному Кавказу» было присвоено званіе «гвардейскаго».

Когда стало свѣтло, появилась нѣмецкая авіація, для борьбы съ которой въ 8:30 была направлена съ Тамани первая группа истребителей. Налеты продолжались весь день и одни только крейсера и миноносцы были атакованы 13 разъ. Корабли принуждены были маневрировать и пользоваться всѣми пригодными орудіями для зенитнаго огня. Отъ этого уменьшалась огневая поддержка десанта, но все же къ исходу дня портъ, городъ и прилегающія высоты были имъ заняты. Въ 23:00 часа высаженный съ тральщика десантъ занялъ станцію Сарыголъ и перерѣзалъ желѣзную дорогу, но небольшая партія, пытавшаяся перерѣзать шоссе на западъ у Судака и Коктебеля, не смогла высадиться.

Первый отрядъ транспортовъ вышелъ изъ Новороссійска днемъ 29-го декабря. До темноты съ воздуха его прикрывали истребители. Въ морѣ транспорты сильно качало, бойцы и даже команда страдали морской болѣзнью. Чтобы выиграть время, курсъ былъ проложенъ прямо на Феодосію, и къ 22:00 часамъ, имѣя головнымъ эск. миноносецъ «Сообразительный», транспорты начали входить въ портъ. Съ утра, когда войска были уже высажены и шла выгрузка техники, появились нѣмецкіе бомбардировщики. Корабли, продолжая обстрѣлъ берега, прикрывали портъ своей зенитной артиллеріей, но все же было нѣсколько попаданій въ транспорты и одинъ изъ нихъ затонулъ у мола. Несмотря на трудности выгрузки тяжелыхъ грузовъ, разгрузка Перваго отряда прошла успѣшно. Но положеніе на берегу, ввиду подхода изъ подъ Севастополя нѣмецкихъ резервовъ и усилившейся дѣятельности авіаціи, оставалось труднымъ. На слѣдующую ночь изъ Туапсе прибыли пять транспортовъ Второго отряда и высадили подкрѣпленія и танки. 31-го декабря десантъ началъ продвиженіе впередъ. Почувствовавъ угрозу быть отрѣзанными, нѣмецко-румынскія части находившіяся въ восточной части полуострова, стали отходить на западъ, бросая артиллерію и обозы. Ко 2-му января 1942 года 63-я дивизія достигла Сиваша западнѣе Арабата, 157-я заняла своими частями Коктебель и временно Старый Крымъ, но, ввиду усиленія противника на этомъ фронтѣ, совѣтскія части перешли къ оборонѣ, занимаясь перегруппировками и приведеніемъ въ порядокъ тыла. За ненадобностью, отрядъ корабельной поддержки былъ отправленъ для пополненія запасовъ въ Новороссійскъ. Транспорты съ ихъ охраненіемъ продолжали доставлять въ Феодосію, Камышъ Бурну и Керчь подкрѣпленія и снабженіе. Нѣмецкая авіація пыталась этому мѣшать. 1-го января она совершила сильную бомбардировку Новороссійска. Феодосія подвергалась каждодневнымъ налетамъ и нѣсколько пароходовъ было тамъ утоплено. Эск. миноносецъ «Шаумянъ» получилъ тяжелое поврежденіе и былъ взорванъ при послѣдовавшей эвакуаціи города.

Морская часть Феодосійской операціи была проведена вполнѣ успѣшно, но въ дальнѣйшемъ совѣтское сухопутное командованіе оказалось не на высотѣ и допустило рядъ ошибокъ, сведшихъ на нѣтъ всѣ усилія. Нѣмцы на фронтѣ про-

должали усиляться и для созданія имъ помѣхи, рано утромъ 12-го января линейный корабль «Севастополь» обстрѣлялъ скопленіе ихъ войскъ въ Старомъ Крыму и Салы на магистральной дорогѣ въ Симферополь.

15-го января, сосредоточивъ четыре дивизіи, нѣмцы прорвали растянутый фронтъ совѣтскихъ войскъ и 18-го заняли Феодосію. Съ большими потерями совѣтскія арміи отошли на Акъ-Манайскую позицію, гдѣ и закрѣпились.

Почти одновременно съ Керченско-Феодосійской операціей былъ еще произведенъ десантъ въ Евпаторіи. Эта операція закончилась неудачно, и совѣтская пресса ее замалчиваетъ, что лишаетъ возможности судить о ея цѣляхъ и предполагавшихся масштабахъ. Можно думать, что она была произведена для демонстраціи лишь для облегченія контръ-наступленія, которое севастопольскій гарнизонъ произвелъ въ эти дни на сѣверномъ участкѣ обороны.

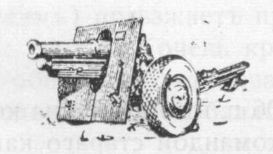
Базируясь на нѣмецкіе источники, J. Meiser въ своемъ трудѣ сообщаетъ слѣдующее:

Въ 2:45 5-го января 1942 года, отрядъ совѣтской морской пѣхоты началъ высадку на частично уничтоженную Евпаторійскую пристань. Встревоженный шумомъ моторовъ въ морѣ и налетомъ авіаціи, слабый нѣмецко-румынскій гарнизонъ былъ наготовѣ, и открывшая огонь нѣмецкая батарея нанесла десанту значительныя потери. Все же 800 моряковъ было высажено и при помощи выступившихъ партизанъ имъ удалось занять восточную часть города. Специальная команда, имѣвшая строительные матерьялы, починила пристань и зажгла на ней навигаціонные огни. По наблюденіямъ съ берега, отрядъ кораблей, высаживавшій десантъ, состоялъ не менѣе какъ изъ двухъ эск. миноносцевъ типа «Б» (одинъ изъ нихъ №32), тральщика, трехъ катеровъ и не менѣе одного транспорта. Артиллерійскій огонь кораблей былъ мало дѣйствителенъ, но совѣтская авіація совершила нѣсколько налетовъ на батарею, ведшую заградительный огонь въ сторону моря. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ начала десанта вѣтеръ сталъ усиливаться и 6-го достигъ силы семи балловъ. Большой накатъ не позволялъ на этомъ открытомъ рейдѣ производить

какія-либо операціи. Утромъ, въ семи километрахъ южнѣе города сѣлъ на мель и потомъ былъ выброшенъ на песокъ тральщикъ «Взрыватель». Та же участь постигла одинъ торпедный катеръ, тогда какъ въ ходѣ операціи наблюдались попаданія снарядовъ въ миноносецъ, транспортъ и одинъ торпедный катеръ. Въ тотъ же день гарнизонъ получилъ подкрѣпленіе и началъ очищать городъ отъ остатковъ десанта. Въ ночь на 8-е, два миноносца снова обстрѣляли городъ, но несмотря на то, что вѣтеръ спалъ уже въ теченіе дня, новыхъ попытокъ высадить десантъ не производилось. Къ вечеру 8-го, въ упорныхъ уличныхъ бояхъ, весь совѣтскій десантъ былъ ликвидированъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. Варнекъ

Кап. 1 р. Д. І. Дараганъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

I

Это было въ 1906 г. въ Либавѣ на кораблѣ Е. И. В. крейсерѣ II ранга подъ командой стараго капитана 2 ранга, старшимъ офицеромъ такъ наз. старшимъ лейтенантомъ (этого чина тогда еще не было) и съ инженеръ-механикомъ — капитаномъ, кончившимъ академю. И вотъ прiѣзжаетъ въ Либаву братъ нашего инженеръ-механика въ качествѣ представителя большой фирмы красокъ, и . . въ отсутствiи инж.-мех. кають-компанія (собственно миноносецъ въ 500 тоннъ) обсуждаетъ вопросъ можно ли пригласить этого коммерсанта къ завтраку на кораблѣ (!). Къ счастью, этотъ агентъ фирмы былъ приглашенъ къ намъ и провелъ у насъ не только завтракъ, но и веселый вечеръ.

II

Прошло 20 лѣтъ. Я командовалъ чуднымъ кораблемъ («Автроиломъ»), побывалъ на сѣверѣ въ качествѣ командира Мурманскаго Военнаго порта, и сижу теперь младшимъ конторщикомъ и продавцомъ въ маленькой агентурной фирмѣ въ Гельсингфорсѣ. Мой «хозяинъ» — старый богатый коммерсантъ, петербургскiй нѣмецъ. И вотъ къ нему прiѣзжаетъ

изъ Берлина его племянница — еще молодая интересная дама, и приходитъ посмотрѣть на контору дядюшки. Что говорится въ передней я не знаю, но когда они входятъ въ комнату, гдѣ насъ сидитъ четверо служащихъ, то хозяинъ показываетъ на меня и говоритъ: «А это Дараганъ». Дама поднимаетъ лорнетку, (тогда еще носили ихъ), осматриваетъ страннаго продавца съ черной бородой и проплываетъ въ кабинетъ дядюшки.

III

Но прошло еще 20 лѣтъ, и за эти годы слова «хозяинъ» и «приказчикъ» потеряли часть своего остраго значенія. Отношенія разныхъ классовъ нѣсколько сгладились, и многіе начали понимать, что безъ презрѣннаго агента фирмы не обойтись и что онъ является связью между производителемъ и потребителемъ. Теперь случается, что когда ко мнѣ (вѣрнѣе къ моимъ покупателямъ) пріѣзжаетъ представитель хорошей заграничной фирмы, то даже очень крупные покупатели, — напр. пароходныя общества, устраиваютъ намъ настоящій пріемъ, но безъ предварительной баллотировки.

Н. В. Кемарскій.

ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОСЕЦЪ „НОВИКЪ“

(Продолженіе)

Перебывавъ по-одиночкѣ и парами въ Берлинѣ на холостецкій манеръ, мы всѣ познакомились съ укладомъ жизни нѣмцевъ, но это насъ не удовлетворяло и развлекало лишь отчасти; хотѣлось чего-то русскаго — того, что мы переживали иногда лѣтомъ у себя на родинѣ, въ имѣніяхъ, на дачѣ. И вотъ, Г. К. и М. М. Кравченко пришла на умъ хорошая идея — устроить пикникъ всей каютъ-компаніей, съ дамами. Сказано — сдѣлано. Въ одно изъ чудныхъ солнечныхъ воскресеній всѣ мы собрались на пристани пароходиковъ (вродѣ тѣхъ — финляндскаго легкаго пароходства въ СПБ.), ходящихъ въ прилежащія къ Штеттину дачныя мѣста. Мы выбрали мѣстомъ для пикника лежащее на правомъ берегу Одера мѣстечко Подеюхъ, расположенное на возвышенности, покрытой тѣнистыми развѣсистыми липами, каштанами и кустарникомъ. По извилистымъ рукавамъ р. Одера, мимо живописныхъ маленькихъ островковъ, сплошь покрытыхъ травой и луговыми цвѣтами, мы, минутъ черезъ 40-45, достигли нашего назначенія, взобрались наверхъ и съ высоты стали любоваться открывшейся красочной панорамой окрестностей. Въ шуткахъ, прибауткахъ, въ дружескомъ весельи мы про-

ѣели нѣсколько полуденныхъ часовъ, закусили въ ресторанѣ, насладились свѣжимъ, душистымъ воздухомъ и, удовлетворенные проведеннымъ временемъ, вернулись вечеромъ во-свояси. Къ сожалѣнію, это пріятное удовольствіе не пришлось больше повторить — подходилъ конецъ ремонта. Уже всѣ котлы, вспомогательные механизмы, вдувные вентиляторы и прочія мелкія детали кочегарокъ, турбинное отдѣленіе средней турбины были погружены и установлены, верхняя палуба надъ ними закрыта, и на ней, по діаметральной плоскости, отъ полубака до кормового мостика, протянулась новая надстройка высотой фута три, закрывающая верхніе коллекторы котловъ и вѣтрогоны, нагнетающіе воздухъ для форсированной тяги. Эта надстройка, какъ становой хребетъ, отдѣляла правую сторону палубы отъ лѣвой; черезъ нее надо было перелѣзать, и всѣмъ намъ это «неудобство» очень не нравилось — раньше было лучше. Затѣмъ были поставлены всѣ 4 трубы и вентиляторные раструбы — «Новикъ» получилъ свой новый «профиль». Теперь уже былъ близокъ конецъ нашей стоянки. На очереди стоялъ вопросъ осмотра подводной части, для чего надо было войти въ докъ, стоявшій вдоль праваго берега Одера противъ завода «Вулканъ». Онъ былъ постоянно занятъ, но наконецъ пришла и наша очередь. Въ одинъ изъ первыхъ дней августа, въ 8 час. утра, около нашего борта появились буксиры, мы отдали швартовы и тихонько и осторожно нѣмцы подвели «Новика» къ пловучему доку, съ помощью поданныхъ на него концовъ втянулись въ него, уцентрировались и, съ помощью водолазовъ, корабль благополучно опустился на блоки. Въ полдень мы уже стояли въ докѣ, высоко поднявшись надъ уровнемъ рѣки. При осмотрѣ подводной части выяснились непредвиденные добавочные ремонты, главный изъ нихъ былъ нашъ руль, вѣрнѣе перо руля, оказавшееся въ плохомъ состояніи. Листы обшивки рамы пера частью были сорваны съ заклепокъ и загнуты вдвойнѣ, деревянные вкладыши, заполняющіе раму, отъ громаднаго давленія воды на ходу, вывалились и треть пера представляла какъ бы окошко — вотъ чѣмъ объяснялось то странное поведеніе руля, требовшаго постояннаго отклоненія его въ одну сторону, чтобы держать корабль на курсѣ; а всѣ хаяли конструкцію вновь вводимаго гидравлическаго управленія! Это вновь открытое обстоятельство задерживало насъ немного дольше. Гребные винты, отполированные нашими машинистами, за-

мѣнили старые, были осмотрены всѣ подводныя отверстія кингстоновъ и клапановъ, провѣрены марки углубленія форъ и ахтерштевня и, какъ финалъ всего, подводная часть нашего красавца была очищена отъ ракушекъ и водорослей и дважды окрашена специальной патентованной краской. Покончивъ съ пловучимъ докомъ, мы вернулись на прежнее мѣсто у завода и принялись наводить чистоту и красоту, присущую кораблямъ Россійскаго Императорскаго флота. Много надо было потрудиться, чтобы привести его въ надлежащее состояніе. Тотъ, кто не присутствовалъ на «Новикѣ» во время его перестройки, не можетъ даже представить всю гамму переживаній непосредственнаго участника, сроднившагося съ кораблемъ.

Подошло время, и заводчики начали поговаривать о нашемъ переходѣ ближе къ морю, т. е. лежащій на побережьи Померанскаго залива городъ Свинемюнде, изъ котораго можно быстро выходить въ море на пробы. Какъ бы въ подтвержденіе слуховъ о переходѣ, къ нашему борту была вскорѣ подведена нефтяная баржа, и мы получили первый долгожданный запасъ нефти. Въ тотъ же день старшій офицеръ предложилъ намъ въ ближайшие дни ликвидировать береговыя жилища, т. к. на кораблѣ всѣ жилыя помѣщенія, и офицерскія, и командныя, были уже окончательно отремонтированы и уже окрашивались. Нѣтъ словъ описать всеобщую радость при этомъ извѣстіи, возвѣщавшемъ возможность всѣмъ намъ вновь слиться въ тѣсную дружную семью, разъединенную вынужденной жизнью на берегу. Къ этому событію слѣдуетъ прибавить еще одно интересное обстоятельство: со времени нашего прибытія въ Штеттинъ прошло уже 3 мѣсяца — срокъ для всѣхъ насъ достаточный, чтобы вполнѣ освоиться съ чужой страной въ «житейскихъ отношеніяхъ». Куда бы ни занесло, гдѣ бы ни оказался русскій человѣкъ, онъ вездѣ, тотчасъ же находитъ пріятелей, симпатии и привязанности, и разстаться съ ними бываетъ подчасъ тяжело. Такъ случилось и съ нами. Когда, въ десятыхъ числахъ августа, наступилъ моментъ отхода отъ стѣнки завода «Вулканъ», на набережной, сосѣдней съ лоцманской станціей, собралась большая толпа провожающихъ насъ «корней», какъ мы называли эту толпу, состоящую изъ «привязанностей», «симпатій» и знакомыхъ. Толпа эта собралась заблаговременно провожать, и старшему офицеру пришлось «дозволять, въ послѣдній разъ, попро-

щаться» съ какой-нибудь Гретхенъ, Каролиной, Катринхенъ или Клотильдой. Прощанія нерѣдко были весьма трогательныя, въ особенности со стороны провожавшихъ, и продолжались до послѣдней минуты, когда, въ точно указанное время, появился лоцманъ и швартовы были отданы. На берегу замелькали платки, послышались "auf wieder sehen", и Штеттинъ съ заводомъ Вулканъ сталъ исчезать вдали. Подъ эскортомъ буксировъ мы отправились къ конечному пункту нашего пребыванія въ Германіи — г. Свинемюнде — аванпорту Штеттина.

Мы вступали во вторую фазу нашего ремонта — періодъ разнаго рода испытаній механизмовъ, котловъ и пробъ на полный ходъ, указанный въ контрактѣ, ходъ, который до сихъ поръ тщетно старались достичь. Переходъ къ новому мѣсту мы совершили благополучно и были поставлены на швартовы въ лучшей части городка Свинемюнде, у каменной набережной.

Свинемюнде небольшой (14000 жит.) уютный городокъ, лежащій на лѣвомъ берегу рѣки Свине, рукава Одера, весьма благоустроенный; въ немъ нѣтъ индустріи, имѣющей какое-либо значеніе, но зато онъ важенъ какъ очень дѣятельный торговый портъ для морского товарообмѣна. Въ немъ постоянно разгружаются и нагружаются многочисленные пароходы вдоль всѣхъ бетонныхъ набережныхъ, и, для удобства коммерціи, тутъ же имѣется таможня. Весной и лѣтомъ городъ становится вдвойнѣ оживленъ — это лѣтній купальный курортъ со множествомъ купаленъ и чудныхъ пляжей. Мы, къ сожалѣнію, появились въ немъ, когда сезонъ кончался, оставались лишь запоздавшіе купальщики. Для насъ это обстоятельство было даже пріятно: мы могли пользоваться полной свободой на пляжѣ, купались, загорали и даже играли въ теннисъ на изобилующихъ хорошихъ свободныхъ площадкахъ. Мы, молодежь, пользовались этими удовольствіями въ часы «отдыха» и тотчасъ же послѣ конца дневныхъ работъ, забывая объ ужинѣ, предоставляя старшимъ думать объ офиціальныхъ отвѣтныхъ обѣдахъ и пріемахъ, относящихся къ представительству.

Небольшая группа рабочихъ-специалистовъ завода «Вулканъ» ежедневно была на борту «Новика», спѣшно просматривая и оканчивая всѣ нужныя работы въ кочегаркахъ и турбинныхъ отдѣленіяхъ. Вскорѣ послѣ перехода изъ трубъ «Но-

вика» показался характерный нефтяной дымъ, разнесшійся по всему городу, возвѣщая о близкой пробѣ котловъ заводомъ; мы, новиковцы, съ нескрываемымъ волненіемъ слѣдили за всѣми приготовленіями, надоѣдая нашимъ инженеръ-механикамъ вопросами о ходѣ работъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней, покуда провѣряли подъ давленіемъ пара сперва котлы, а затѣмъ главныя турбины и всѣ вспомогательные механизмы. Это была такъ называемая «швартовная проба». Послѣ нея нѣмцы тщательно пересмотрѣли всѣ механизмы и лишь тогда позволили держать паръ въ одномъ изъ котловъ для корабельныхъ нуждъ и освѣщенія. Въ ожиданіи пробы на полный ходъ въ морѣ мы, личный составъ, имѣли время для выполнеія общепринятыхъ обычаевъ международной вѣжливости и отвѣтнаго пріема гарнизону Штеттина въ лицѣ сапернаго полка, принимавшаго насъ съ мѣсяцъ тому назадъ въ своемъ Собраніи. Съ официальнымъ приглашеніемъ были посланы старшій офицеръ ст. лейт. князь Д. Н. Голицынъ и я. Мы совершили свою миссію и одновременно установили день пріема; случайно онъ совпалъ съ кануномъ пробы на полный ходъ. Каютъ-компанія, съ участіемъ командира, обсудила программу чествованія гостей — сначала пріемъ германскихъ офицеровъ на кораблѣ, осмотръ его, затѣмъ торжественный обѣдъ на берегу. Командиръ, большой знатокъ русской кухни, принялъ живое участіе въ составленіи меню, роли между всѣми членами каютъ-компаніи были распредѣлены и часы вахты на кораблѣ были установлены съ расчетомъ, чтобы всѣ мы могли принять участіе въ обѣдѣ. Такъ какъ приглашенныхъ ожидалось большое число и всѣхъ вмѣстить въ каютъ-компанію «Новика» мы не могли, было рѣшено подыскать подходящее помѣщеніе на берегу. Таковое было найдено недалеко отъ нашей стоянки, на набережной. Ресторатор, получивъ меню, занялись приготовленіемъ нашихъ русскихъ любимыхъ закусокъ и блюдъ обѣда.

День пріема и обѣдъ прошли блестяще . . . «Дружеская бесѣда» затянулась далеко за полночь. Сдержанные вообще, нѣмцы на этотъ разъ разошлись, и имъ не было угомону до самаго утра слѣдурщаго дня — дня нашей пробы въ морѣ. Къ моменту съемки со швартововъ всѣ заводскіе инженеры были въ сборѣ, а нашихъ офицеровъ — старшаго офицера, ротнаго командира, ревизора и миннаго офицера — еще не хватало: они еще были тамъ, съ нѣмцами. Командиръ, раздраженный,

ходилъ по мостику, готовый выйти въ море безъ нихъ, нѣсколько разъ порываясь взяться за машинный телеграфъ. Наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ 8 час., они всѣ прибыли, и мы немедленно отошли отъ стѣнки. «Окомъ закона» былъ тотчасъ же отданъ строгій приказъ по кораблю объ этомъ происшествіи. Между тѣмъ «Новикъ» вышелъ изъ-за мола въ Померанскую бухту и постепенно довелъ ходъ до полнаго. Это былъ нашъ первый пробный пробѣгъ, и онъ продолжался не особенно долго. Всѣ механизмы дѣйствовали исправно; при управленіи ими стояли наши машинисты и кочегары подъ присмотромъ заводскихъ инструкторовъ и инженеровъ. Предварительная проба прошла гладко. Вернувшись въ гавань, представители завода провели нѣсколько дней въ осмотрѣ механизмовъ и исправленіи найденныхъ мелкихъ недостатковъ. Наша машинная команда была очень занята, а мы, верхняя, строевая, втягивались въ регулярное расписаніе — вахту, работы, ученія. Въ свободное время, пользуясь хорошей погодой, мы съ Д. Н. Ѳедотовымъ обыкновенно передъ ужиномъ прогуливались по пляжу. И вотъ, въ одинъ изъ дней послѣ первой пробы, возвращаясь и подходя къ «Новику» и издали имъ любуясь, мы вдругъ почувствовали сильное сотрясеніе воздуха, гулъ и увидѣли высокій столбъ пламени и черный дымъ изъ третьей трубы. Мы пустились бѣжать и, будучи близко, увидѣли, что изъ кочегарки №2 выскакиваютъ какіе-то «арапы», числомъ 3 — то были обожженные кочегарный старшина Журавлевъ, кочегаръ Скоробогатовъ и еще одинъ, имени котораго не помню. Жаръ взрыва продолжался только мгновеніе; счастье ихъ, что они успѣли закрыть глаза и никто изъ нихъ не ослѣпъ; ожоги вскорѣ зажили. При осмотрѣ котла не было найдено никакихъ дефектовъ, но этотъ повторный взрывъ былъ яснымъ напоминаніемъ небрежности въ выполненіи данныхъ строгихъ инструкцій при обращеніи съ механизмами, и теперь подтверждался громовымъ приказомъ по кораблю *).

Первая проба на полный ходъ дала заводскимъ инженерамъ увѣренность въ достиженіи контрактнаго хода, почему они такъ тщательно приготовлялись къ слѣдующей, 2-й пробѣ, на мѣрной милѣ, въ присутствіи нашей пріемной комиссіи, присланной изъ С. Петербурга въ составѣ инженеръ-механи-

*) До ноября 1917 года подобнаго взрыва больше не повторилось.

ковъ: полковника В. Н. Винтера, подполковника М. Н. Яненко и капитана В. В. Саксъ, той самой, которая была на предыдущихъ пробахъ «Новика» еще въ Россіи и на которыхъ присутствовалъ и главный инженеръ Штеттинскаго отдѣленія завода «Вулканъ» — инженеръ Бауэръ.

Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ причины неизбѣжной неудачи предыдущихъ пробъ для полнаго контрактнаго хода: 1) и намъ, и инженеру Бауэру были памятны всѣ перипетіи съ подгонкой гребныхъ винтовъ разныхъ шаговъ и прочихъ усовершенствованій, ведущихъ къ увеличенію хода; 2) «Новикъ» при полномъ запасѣ нефти, воды, боевыхъ запасовъ, минъ и прочаго снабженія сѣлъ гораздо глубже чѣмъ то было предусмотрено теоретическими расчетами водоизмѣщенія; 3) къ этому теперь прибавлялся добавочный вѣсъ болѣе мощныхъ котловъ; 4) свѣдующіе люди, кромѣ того, утверждали, что перегрузка произошла еще и отъ нѣкоторой неточности въ толщинѣ набора корпуса и листовъ обшивки верхней палубы; даже допущенное самое микроскопическое утолщеніе матерьяла въ конечномъ итогѣ могло дать добавочный вѣсъ въ нѣсколько тоннъ (перегрузка существовала и теперь, этого Бауэръ тоже не упустилъ изъ вида). Готовясь къ испытанію, отъ котораго отчасти зависѣла репутація завода «Вулканъ» и самого инженера Бауэра, дѣлавшаго всѣ расчеты механизмовъ, онъ настоялъ, чтобы проба на самый полный ходъ была бы **произведена при условіи фактическаго соблюденія углубленія «Новика», согласно контрактной спесификаціи его постройки.** Нѣмцы обдумали всѣ возможности достиженія нужной скорости — они даже сохранили нашу россійскую нефть, дающую болѣе калорій и выкаченную въ особую баржу при началѣ ремонта, а теперь подведенную къ нашему борту для пользованія во время пробы на мѣрной милѣ. Эту нефть мы перекачали въ наши трюмныя отдѣленія.

Однимъ яснымъ утромъ, когда къ 8 часамъ собрались представители завода и наша комиссія, «Новикъ» вышелъ на офиціальную пробу и опредѣленіе скорости на мѣрной милѣ. Постепенно увеличивая ходъ до самаго полнаго, «Новикъ» пронесся вихремъ вдоль нея въ одну сторону, развернулся на 180° и, на обратномъ курсѣ, пробѣжалъ ее вторично. Всѣ на кораблѣ были въ волненіи, а инженеры въ особенности. На полномъ ходу «Новикъ» буквально всталъ «на дыбы»; онъ

какъ бы присѣлъ на заднія лапы, форштевень высоко поднялся въ воздухъ, онъ весь дрожалъ отъ напряженія и несся по волнамъ только на пяткѣ; съ кормы на бакъ, по палубѣ, приходилось идти въ гору, преодолѣвая огромное сопротивленіе воздуха. Закончивъ пробѣгъ на мѣрной милѣ, мы постепенно уменьшили ходъ до малаго, направляясь въ гавань. Тутъ только мы почувствовали, что значитъ развить 37,3 узла. Да! «Новикъ» развилъ этотъ ходъ, превзойдя всѣ ожиданія! Паропроизводительности было достаточно, чтобы прибавить еще больше оборотовъ турбинамъ, но инженеръ Бауэръ не пожелалъ форсировать и былъ вполнѣ удовлетворенъ тѣмъ, что было удостовѣрено на офиціальной пробѣ на мѣрной милѣ — «37,3 узла». Мы вернулись въ гавань и ошвартовались; нѣмцы сіяли, слышалось всюду только одно — радостныя поздравленія съ успѣхомъ. Наша пріемная комиссія телеграммами держала Морское Министерство въ СПБ въ курсѣ всего совершавшагося и получала руководящія инструкціи для дальнѣйшихъ дѣйствій. Послѣ этой пробы намъ еще предстояла послѣдняя контрактная, на четырехчасовой **непрерывный** самый полный ходъ. Опять нѣсколько дней происходилъ пересмотръ всѣхъ механизмовъ и котловъ. Этимъ временемъ «Новикъ» былъ, отъ киля до клотика, вычищенъ и покрашенъ и все больше и больше принималъ видъ военнаго корабля; нехватало лишь орудій и минныхъ аппаратовъ, оставленныхъ въ Кронштадтѣ. Наконецъ, нѣмецкіе инженеры объявили, что все готово для пробы на «продолжительный ходъ». Опять, въ 8 час. утра всѣ были на борту, и «Новикъ» плавно вышелъ на окончательное испытаніе. Доведя постепенно скорость, по числу оборотовъ главныхъ турбинъ, соотвѣтствующую полному ходу, мы начали вихремъ кружиться все въ той же Померанской бухтѣ, разводя въ ней волненіе, какъ въ штормовую погоду, и сами стали на немъ качаться. Отъ шума вентиляторовъ на верхней палубѣ надо было кричать, чтобы быть услышаннымъ; все гудѣло и дрожало отъ напряженія. Но вотъ истекъ требуемый срокъ, и проба завершилась какъ нельзя лучше. Уменьшили ходъ . . . Стихли вентиляторы . . . Пошли крѣпкія рукопожатія, смѣхъ; шутки смѣнили напряженную атмосферу послѣдней успѣшной пробы. «Новикъ» снова въ гавани на швартовахъ . . . Нѣмцы на седьмомъ небѣ . . . Полное успокоеніе и торжество тріумфа. Российская нефть оказала свою помощь . . . Снова телеграммы Морскому Ми-

нистерству въ СПБ о блестящихъ испытаніяхъ и, какъ заключительный актъ ремонта и пробъ, офиціальный пріемъ «Новика» въ казну нашей пріемной комиссіей и «утвержденіе пріема» въ С.-Петербургѣ. Для сношеній потребовалось нѣсколько дней. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался заводъ. Еще послѣдній осмотръ механизмовъ послѣ пробы, и мы разстаемся съ Германіей и идемъ къ себѣ, въ наши родныя палестины.

Переиспытавъ и переволновавшись такъ много за время ремонта и окончательныхъ испытаній, администрація завода «Вулканъ», наконецъ, свободно вздохнула и, чтобы ознаменовать кульминаціонный пунктъ успѣха, рѣшила устроить «Новику» парадный обѣдъ. Этотъ обѣдъ былъ данъ на берегу, въ лучшемъ ресторанѣ курорта, и опять близъ нашей стоянки. Инженеры, являвшіеся на работу въ каждодневныхъ костюмахъ, на этотъ обѣдъ явились совершенно неузнаваемыми, одѣтыми въ смокинги, мы явились въ формѣ. Нѣмцы дѣйствительно показали, что умѣютъ организовать представительство: обѣдъ былъ изысканный, сервировка — безупречная. Въ концѣ обѣда, послѣ многочисленныхъ офиціальныхъ тостовъ, бывшій гарантійный механикъ, херръ Фронертъ, всталъ и послѣ краткаго привѣтствія отъ лица завода и главнаго инженера Бауэра, какъ знакъ дружественныхъ отношеній, презентовалъ эск. мин. «Новикъ» альбомъ фотографій, снятыхъ во время посѣщенія корабля Государемъ *).

Это было знакомъ большого вниманія со стороны администраціи завода и въ то же время, являлось дорогимъ сюрпризомъ. Альбомъ этотъ сталъ корабельной реликвіей и гордостью корабля; мало на какомъ еще изъ другихъ кораблей флота существовали подобные альбомы, да еще съ фотографіями Государя.

Парадный обѣдъ былъ одновременно и прощальнымъ, онъ не затянулся долго, какъ это случилось съ обѣдомъ, даннымъ нами въ честь Штеттинскаго гарнизона.

Наступалъ конецъ августа, когда офиціальная часть нашего ремонта была закончена. Мы собирались домой, приготовляясь къ походу. Наступило время поработать немного по штурманской части. Новые котлы и продольная палубная

*) Согласно Г. К. Графъ "На "Новикѣ", альбомъ удалось сохранить послѣ 1917 года.

надстройка, большіе хода и напряженіе всего корпуса во время пробъ создали новое магнитное состояніе на «Новикѣ», и оно должно было отразиться на магнитныхъ компасахъ и точности ихъ показаній. Въ день ухода, по «шару времени», поднимавшемуся въ Свинемюнде, опредѣлили поправку хронометровъ и послѣ полдня «Новикъ», распростившись съ любезными инженерами завода, вышелъ за молы гавани, уничтожилъ девіацію, опредѣлилъ остаточную по хронометру и солнцу и проложилъ курсъ къ порту Императора Александра III. Въ этотъ походъ съ нами шелъ новый гарантійный механикъ отъ завода «Вулканъ» — херръ Хундтъ. Хотя корабль былъ принятъ въ казну, но гарантія завода еще продолжалась.

Какъ въ гостяхъ не хорошо, но дома лучше... Такъ чувствовали всѣ мы, когда въ первыхъ числахъ сентября, благополучно совершивъ походъ изъ Свинемюнде, «Новикъ» утромъ вошелъ въ морской каналъ, ведущій въ аванпортъ Порта Императора Александра III. Хотя было еще рано, но всѣ уже были на верхней палубѣ и старались распознать знакомыя мѣста порта и города. Мало по малу, въ утренней мглѣ, различили Морское Собраніе и портовый Соборъ, вошли въ аванпортъ и во внутреннемъ каналѣ ошвартовались къ угольной пристани. Тамъ насъ ждала толпа любопытныхъ, собравшихся помочь швартоваться... Неудержимо-стихійное съ обѣихъ сторонъ пронеслось громкое «ура!». Такъ встрѣчались соотечественники, давно не видѣвшіе другъ-друга. Среди толпы на стѣнкѣ было много старыхъ знакомыхъ, пріятелей и сослуживцевъ по 1-й Минной Дивизіи; мгновенно начались распросы съ обѣихъ сторонъ; наши «митяи» съ апломбомъ повѣствовали обо всемъ, что видѣли заграницей, они чувствовали себя болѣе просвѣщенными и ощущали свое превосходство передъ менѣе счастливыми, оставшимися дома; въ особенности они разсказывали съ энтузіазмомъ про недавнія пробы на полный ходъ, вызывая восхищеніе, удивленіе и почтеніе со стороны слушателей. Это былъ праздникъ для всѣхъ безъ исключенія. Но вотъ, вернулся отъ Командира Порта нашъ командиръ, являвшійся по случаю возвращенія, и черезъ старшаго офицера объявилъ, что, послѣ пріемки нефти, мы идемъ въ Кронштадтъ принимать наше вооруженіе, сданное на храненіе. Отъ командира мы узнали также, что маневры флота окончены, и всѣ имѣютъ «недѣлю» отдыха послѣ ве-

сеннихъ и лѣтнихъ трудовъ. Всѣ отряды и дивизіи разбрелись по излюбленнымъ мѣстамъ Балтійскаго моря. Принявъ нефть и запасы свѣжей провизіи, на другой день, съ подъемомъ флага, мы покинули Либаву и, давъ 17 узловъ, направили путь къ Кронштадту. Въ ясное, тихое, солнечное сентябрьское утро, какія бываютъ въ это время года въ этихъ мѣстахъ, мы издали увидѣли Толбухинъ маякъ, а за нимъ и островъ Котлинъ съ его, недавно оконченнымъ постройкой, Морскимъ Соборомъ *). Войдя на Большой рейдъ, мы подняли позывные и сигналомъ просили разрѣшенія войти въ гавань; съ вышки Морского Телеграфа мы получили «Отвѣтъ» и сигналъ «Добро пожаловать». Пройдя мимо многочисленныхъ судовъ, стоявшихъ на внѣшнемъ рейдѣ, отдавая установленныя почести старшимъ, мы вошли въ Военную гавань и ошвартовались къ знакомому намъ «миноносному бону» около Петровской пристани. Командиръ отправился съ рапортомъ къ Командиру Порта, а старшій офицеръ послалъ подшхипера за почтой, ожидающей нашего прибытія. Мы очутились въ центрѣ суТолки портовой жизни: мимо насъ сновали, пересѣкая гавань по всѣмъ направленіямъ, портовые буксиры съ нагруженными баржами и лихтерами, подходили къ пристани катера и шлюпки съ кораблей, стоящихъ на рейдѣ, нѣкоторые изъ нихъ приставали къ нашему трапу и изъ нихъ, на палубу «Новика», выходили друзья, спѣшившіе поздравить насъ съ благополучнымъ возвращеніемъ и успѣшнымъ завершеніемъ ремонта въ Германіи. Мы были очень рады визитерамъ — они разсказывали намъ флотскія новости, а мы, въ свою очередь, посвящали ихъ въ подробности нашей заграничной жизни, ремонта, пробъ на «самый полный ходъ», показывали имъ подарокъ завода «Вулканъ» — нашъ чудный альбомъ. Посѣтителей было много: одни уѣзжали, другіе пріѣзжали — всему флоту былъ дорогъ нашъ корабль, и вѣсть о его возвращеніи изъ Германіи молніеносно распространилась по всему Балтійскому морю.

Съ возвращеніемъ командира изъ порта намъ стало извѣстно о предстоящихъ назначеніяхъ «Новика». Принятый въ казну и зачисленный въ Дѣйствующій флотъ, «Новикъ» временно оставался самостоятельной единицей въ отдѣльномъ

*) Храмъ былъ построенъ на деньги, собранныя отъ ежемѣсячныхъ процентныхъ отчисленій изъ жалованія всѣхъ офицеровъ Балтійскаго флота и Морскихъ учрежденій СПБ и Петербургскаго порта въ теченіе многихъ лѣтъ.

плаванiи и предназначался для нѣкоторыхъ спецiальныхъ задачъ. Первымъ дѣломъ мы должны были поставить на мѣсто наши пушки и минные аппараты, находившiеся на храненiи въ порту, принять боевой запасъ снарядовъ и мины Уайтхеда и пополнить положенные по штату матерьялы по всѣмъ частямъ судового хозяйства. На это ушло нѣсколько дней, въ теченiе которыхъ опять появился подполковникъ И. И. Зальца на своемъ «флагманскомъ» буксирѣ въ сопровожденiи баржъ съ нашими пушками и минными аппаратами и непремѣннымъ пловучимъ краномъ. Онъ сердечно поздравилъ насъ съ возвращенiемъ и громаднымъ успѣхомъ, за что мы угостили его чаркой водки и командной пробой пищи. Вышеупомянутыя прiемки, естественно, произвели измѣненiе магнетизма корабля и вызвали вторую задачу — уничтоженiе и опредѣленiе остаточной девiацiи компасовъ на Большомъ Кронштадтскомъ рейдѣ. Покончивъ съ этимъ командиръ, пользуясь положенiемъ корабля въ отдѣльномъ плаванiи, рѣшилъ приступить къ изученiю тактическихъ свойствъ «Новика» и заполнить нѣкоторые параграфы его тактическаго формуляра. Удобное мѣсто для выполненiя этого было подъ бокомъ, и только недавно оно было создано въ связи съ увеличенiемъ потребностей флота — это была «новая мѣрная миля», расположенная на сѣверномъ берегу Невской губы, близь мыса Ино-Нэми; она была разбита вдоль берега и тянулась на нѣсколько миль. Расположенная вдали отъ главнаго движенiя судовъ, она давала полную возможность военнымъ судамъ выполнять свои задачи безъ помѣхи. Вотъ на этой «мѣрной милѣ» у Ино-Нэми, мы и проводили время, дѣлая пробѣги по ней, опредѣляя зависимость между числомъ оборотовъ турбинъ и скоростью въ узлахъ, опредѣляли, тоже на различныхъ скоростяхъ, радiусы циркуляцiй, время, потребное для совершенiя ихъ, и проч.; инженеръ-механики опредѣляли расходъ топлива на разныхъ скоростяхъ, устойчивость и проч., а впослѣдствiе надлежало выяснить и экономическiй ходъ.

Время неслось быстро, и за наше пребыванiе въ Кронштадтѣ мы незамѣтно пополнили кадръ команды возвращающимися старыми матросами, оставленными «на временное пользованiе» на другихъ корабляхъ. Они, съ радостью на лицахъ, являлись старшему офицеру; нѣкоторые докладывали, какихъ трудовъ имъ стоило вернуться, какъ другiе корабли не хотѣли ихъ отпускать обратно. У насъ прибавлялось число

рукъ, весьма нужныхъ при нашей интенсивной горячкѣ выполненія намѣченнаго плана. Но намъ надо было нагнать пропущенное.

Судя по поведенію командира, что-то ожидалось — онъ чего-то не договаривалъ, чего-то съ нетерпѣніемъ ждалъ... Наконецъ, однажды утромъ, онъ отдалъ приказаніе старшему офицеру и старшему инженеръ-механику приготовиться на слѣдующій день къ походу. «Недалеко» — прибавилъ онъ.

На слѣдующее утро мы приготовлялись къ походу, когда вахтенный сигнальщикъ доложилъ: «Къ намъ подходитъ портовый буксиръ со штабъ-офицеромъ». На палубу вышелъ средняго роста кап. 2 ранга, поздоровался со старшимъ офицеромъ, назвалъ свою фамилію — Шрейберъ — просилъ доложить о себѣ командиру и, одновременно, разрѣшенія выгрузить привезенныя имъ мины загражденія и специальный рельсовый спускъ, а также принять на походъ нѣсколько человѣкъ специалистовъ-рабочихъ. Выйдя, командиръ поздоровался съ Н. Н. Шрейберомъ и освѣдомился, все ли готово къ походу. Прибывшіе мастеровые принялись устанавливать и укрѣплять временные рельсовые спуски для минъ загражденія на лѣвомъ борту, противъ перваго миннаго аппарата. Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, кто такой капитанъ 2 ранга Николай Николаевичъ Шрейберъ. Онъ былъ «душой и сердцемъ всей нашей будущей обороны», и вотъ почему: случаи гибели на нашихъ минахъ загражденія японскихъ броненосцевъ «Хатсузе» и «Яшима» и другихъ болѣе мелкихъ судовъ, во время русско-японской войны, показали, какое могущественное оружіе онѣ представляютъ и какую громадную роль онѣ будутъ играть въ будущей войнѣ противъ сильнѣйшаго противника. Эти мысли побудили кап. 2 ранга Н. Н. Шрейбера заняться ихъ усовершенствованіемъ, и вотъ, онъ, Завѣдующій дѣлами по минамъ загражденія и траламъ (1907-08) въ Минномъ Отдѣлѣ Морского Техническаго Комитета, производитъ опытныя постановки минъ въ морѣ на миноносцѣ «Ловкій», на немъ же идетъ въ Ладожское озеро для опытовъ постановки минъ на теченіи, совершенствуетъ конструкцію минъ и якорей къ нимъ, вырабатываетъ правила для обращенія и методы ихъ постановки. Въ 1908-11 годахъ онъ — Помощникъ Главнаго Инспектора Миннаго Отдѣла, создаетъ новую ударную мину безъ колпаковъ, начи-

ненную ТРЕНИТРОТОЛУОЛОМЪ, болѣе мощнымъ взрывчатымъ веществомъ, чѣмъ пироксилинъ, и менѣе опаснымъ при храненіи и обращеніи. А сейчасъ ему нужны данныя поведенія минъ при постановкѣ на большихъ скоростяхъ и возможности безопаснаго для корабля сбрасыванія ихъ съ бортовыхъ рельсовыхъ скатовъ. Для этой цѣли онъ получилъ разрѣшеніе начальства использовать быстроходный «Новикъ». Передъ съемкой онъ попросилъ командира разрѣшить ему собрать насъ въ каютъ-компаніи, чтобы объяснить, въ чемъ будетъ состоять эта работа, интересная, поучительная и полезная для будущаго.

Обмѣнявшись сигналами съ Морскимъ Телеграфомъ, «Новикъ» вышелъ изъ воротъ Военной гавани, увеличивая ходъ прошелъ Толбухинъ маякъ и, постепенно доведя ходъ до 24 узловъ, повернулъ, направляясь ко входу въ шхеры. Къ моменту вступленія въ шхерный фарватеръ у острова Біоркэ временный бортовый спускъ для минъ былъ прилаженъ, и кап. 2 р. Шрейберъ принялся сбрасывать мины и съ кормы, и съ бортового спуска, дѣлая отмѣтки въ своей «колдовкѣ». При началѣ и концѣ работы были сброшены опознательныя вѣшки. Н. Н. Шрейберъ придетъ сюда еще разъ, но уже безъ насъ, вытаскивать мины и анализировать всю постановку, а пока — дѣло кончено, «Новикъ» уменьшилъ ходъ до 17 узловъ и повернулъ въ обратный путь. Вечеромъ того же дня мы опять на швартовахъ у бона въ Военной гавани; кап. 2 р. Н. Н. Шрейберъ, мастеровые и рельсовый спускъ перегружаются на ожидающій ихъ портовый буксиръ, они прощаются и уходятъ въ СПБ.

Послѣ нашего возвращенія изъ Германіи и прихода въ Кронштадтъ мы всѣ, въ свободное время, посѣщали нашихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ и на корабляхъ и въ столицѣ, и тамъ, въ разговорахъ, опять слышали восхищеніе нашимъ «красавцемъ» — наше имя фигурировало даже въ газетахъ. Нельзя забыть, что «Новикъ» былъ заключительнымъ актомъ постройки кораблей на добровольныя пожертвованія русскихъ людей, щедро отозвавшихся на призывъ великаго князя Александра Михайловича, возглавлявшаго Комитетъ по постройкѣ, и, чтобы показать гражданамъ, что ихъ пожертвованія не пропали даромъ, рѣшено было показать имъ эск. мин. «Новикъ» и позволить осматривать его всѣмъ желающимъ, а

для этого привести корабль въ С.-Петербургъ. Въ газетахъ были помѣщены статьи на тему о постройкѣ на народныя деньги части флота *), и для желающихъ осмотрѣть эскадренный миноносецъ «Новикъ», недавно законченный постройкой, были объявлены дни, когда онъ будетъ въ СПБ для этой цѣли. Командиръ получилъ объ этомъ указанія изъ Главнаго Морского Штаба, и мы стали готовиться къ этому осмотру. Скербли, мыли, красили внутреннія помѣщенія; потомъ принялись за надстройки верхней палубы, шлюпки и, наконецъ, борта. Всѣ мы съ жаромъ работали; вѣдь нашъ корабль являлся представителемъ флота передъ населеніемъ страны, которое, вдалекѣ отъ морей, туманно воображало, что военный корабль собой представляетъ. На насъ лежалъ долгъ возбудить у народа любовь къ флоту, вызвать интересъ къ нему, заставить говорить о немъ не только въ приморскихъ городахъ, но и въ глубинѣ страны. Разговоровъ на кораблѣ среди команды было безъ конца: разсуждали, кто кого приведетъ «посмотрѣть на красавца, что разскажетъ о немъ, что покажетъ»; всякому хотѣлось показать ту часть, которая была ему ближе по службѣ и спеціальности, каждый старался привести ее въ лучшій видъ. Много труда было положено по приведенію его въ отличный видъ. Наконецъ «Новикъ» готовъ къ осмотру, и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ этого событія. За день до осмотра мы перешли изъ Кронштадта въ С.-Петербургъ и ошвартовались близъ Николаевскаго моста, къ предназначенной намъ пристани. На ней, для наблюденія за порядкомъ, дежурилъ нарядъ рѣчной полиціи. Уже вскорѣ послѣ нашего прихода на набережной начали собираться группы зрителей; они подолгу стояли, внимательно разсматривая корабль, указывая то на одну часть его, то на другую, подходили къ полицейскимъ и потомъ медленно расходились. Такъ продолжалось до сумерокъ. Видно было, что мы пришли сюда не даромъ. Наконецъ наступилъ день — скатили палубу, надраили мѣдяшку у орудій, минныхъ аппаратовъ, компасовъ... Въ 8 часовъ утра подняли большой шелковый кормовой флагъ. Команду принарядили въ 1-ый срокъ и дали ей раньше обѣдать... разставили инструкторовъ у орудій, минныхъ аппаратовъ, на мостикѣ для дачи объясненій посѣ-

*) Построены эск. мин. "Сибирскій Стрѣлокъ", "Пограничникъ", "Эмиръ Бухарскій", "Московитянинъ", "Финнъ", "Амурецъ", "Уссуріецъ" "Туркменецъ Ставропольскій", "Донской казакъ", "Казанецъ" и другіе

тителямъ и въ 12 часовъ стали ожидать гостей. На набережной къ этому времени собралась уже громадная толпа, запрудившая все пространство до Николаевскаго моста. Въ полдень она повалила черезъ пристать и сходню на «Новикъ», регулируемая нарядомъ рѣчной полиціи. На полубакѣ, верхней палубѣ, мостикѣ было сплошное море головъ, медленно передвигавшихся то въ одну, то въ другую сторону; приходилось протискиваться какъ въ церквахъ на Заутренѣ. Тысячи желающихъ ожидали очереди на набережной. Осмотръ продолжался до 6-ти часовъ вечера; толпа на набережной не уменьшалась, и многимъ пришлось отложить осмотръ на-завтра. То же самое повторилось и на слѣдующій день. Чтобы удовлетворить всѣхъ, пришлось пускать на корабль партіями, съ ограниченіемъ времени осмотра. Эта мѣра нѣсколько помогла, но все же многимъ пришлось полюбоваться «Новикомъ» только съ набережной и удовлетвориться тѣмъ, что разсказывали имъ побывавшіе на кораблѣ. Газеты были полны описаніями «Новика». Такъ прошелъ, съ громаднымъ успѣхомъ, осмотръ «Новика» въ С.-Петербургѣ, и надо думать, что вѣсть о немъ разнеслась вглубь страны, показавъ, что «трудовая копейка» помогаетъ возрожденію и усиленію флота. Эти дни осмотра были нѣсколько утомительны для насъ, но они оставили въ насъ всѣхъ отрадное чувство удовлетворенія, что принесли какую то пользу для популяризаціи флота въ народѣ. Команда наша зорко слѣдила за всѣмъ происходившимъ въ періодъ осмотра — она перечитывала газеты, критиковала напечатанное, считая недостаточнымъ все то, что было въ нихъ написано; имъ хотѣлось бо́льшихъ похвалъ и восхищенія для своего «красавца-корабля».

На слѣдующее утро мы покинули столицу и вернулись въ Кронштадтъ, въ которомъ долго не задержались и, принявъ запасъ нефти, отправились дальше выполнять нашъ планъ. Надо было спѣшить, конецъ навигаціи быстро приближался. Мы посѣтили Ревель, Гельсингфорсъ, гдѣ собрали нашихъ матросовъ съ другихъ миноносцевъ и совершенно укомплектовались. Всѣ были этому рады — вновь собралась наша дружная новиковская семья. Чтобы закончить нашъ планъ до начала зимы мы должны были пробѣжаться по шхернымъ фарватерамъ. Для прочихъ миноносцевъ это было дѣломъ знакомымъ и привычнымъ, но для «Новика» это было новымъ событіемъ — онъ былъ въ полтора раза длиннѣе и шире дру-

гихъ миноносцѣвъ, а шхерные фарватеры проходили въ узкостяхъ, порой такъ извилистыхъ между островами, что было настоятельно необходимо теперь же выяснить, можетъ ли «Новикъ» пользоваться ими. Наиболѣе важными были шхеры отъ отрова Гогландъ къ западу. Отъ этого пункта мы и начали. Мы проходили малымъ ходомъ всѣ возможные для насъ фарватеры, по дорогѣ заглянули опять въ Гельсингфорсъ; отъ него, черезъ западный выходъ, минуя крѣпость Свеаборгъ, прошли къ Поркалаудду и оттуда направились къ наиболѣе трудному участку шхеръ, носящему названіе «Юнгфрузундъ» — крайне узкому, обрамленному почти отвѣсно обрывающимися гранитными островами, съ крутыми, неожиданными зигзагообразными поворотами; онъ, и для прочихъ миноносцевъ, являлся наиболѣе трудно проходимымъ. Идя имъ, отъ рулевого требовалась крайняя точность держать корабль на курсѣ, ибо малѣйшее отклоненіе въ сторону могло привести къ бѣдствію. Поэтому на рулѣ у насъ стоялъ рулевой старшина Петръ Бакунъ. Мы вошли въ Юнгфрузундъ самымъ малымъ ходомъ, благополучно прошли сквозь и появились у Лапвика, а затѣмъ достигли Ганг-э — конечный пунктъ нашего пробѣга. Въ теченіе этого довольно продолжительнаго пробѣга «Новикъ» велъ себя въ шхерахъ хорошо, и всѣ трудныя мѣста были пройдены безъ особыхъ затрудненій, но это было на маломъ ходу. На большихъ ходахъ намъ предстояло продѣлать тотъ же походъ весной 1914 года, а теперь времени для этого не могло быть удѣлено. Намъ предстоялъ еще обратный походъ тѣмъ же маршрутомъ. Многимъ можетъ показаться абсурднымъ повтореніе похода; они могли бы возразить что, молъ, «все тѣ же мѣста», но упустили бы изъ виду, что, идучи въ обратномъ направленіи, все представляется абсолютно другимъ, совершенно непохожимъ на то, что видѣли въ первоначальномъ направленіи. Итакъ, мы пустились въ обратный путь по шхерамъ и совершили его благополучно. По возвращеніи, мы отправились на зимовку въ Ревель.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. В. Кемарскій.

КОНТРЪ-АДМИРАЛЪ
Б. А. ВИЛЬКИЦКІЙ
1885 - 1961

6-го марта въ Брюсселѣ скончался контръ-адмиралъ Борисъ Андреевичъ Вилькицкій. Въ его лицѣ мы потеряли человѣка съ міровой извѣстностью какъ изслѣдователя Арктики, который, открывъ въ 1913 году архипелагъ Сѣверной Земли, далъ ключъ для плаванія кораблей по Великому Сѣверному Морскому пути. Въ слѣдующіе два года, командуя экспедиціей гидрографическихъ судовъ «Таймыръ» и «Вайгачъ», онъ впервые въ исторіи, преодолѣвъ всѣ навигаціонныя и ледовыя трудности, прошелъ изъ Владивостока въ Архангельскъ, огибая Сибирь съ востока на западъ съ сѣвера.

Борисъ Андреевичъ родился 21-го марта 1885 года и, окончивъ Морской Корпусъ въ 1903 году тотчасъ же, на броненосцѣ «Цесаревичъ» ушелъ на Дальній Востокъ, гдѣ принялъ участіе въ оборонѣ Портъ-Артура. Будучи въ послѣдніе мѣсяцы осады флагъ-офицеромъ Командира Порта, онъ, командуя ротой послѣдняго резерва, составленной изъ писарей и кашеваровъ, отличился при контръ-атакѣ Высокой горы, во время которой былъ тяжело раненъ.

Въ 1908 году Борисъ Андреевичъ окончилъ Николаевскую Морскую Академію по гидрографическому отдѣлу и получилъ званіе штурмана 1-го разряда. Въ 1913 году, слѣдуя по стопамъ своего отца, положившаго начало систематическаго изслѣдованія Сѣвернаго Морского пути, онъ былъ назначенъ командиромъ гидрографическаго судна «Таймыръ» и вскорѣ затѣмъ Начальникомъ Восточнаго отряда экспедиціи Сѣвернаго Ледовитаго океана. За открытіе архипелага, названнаго въ то время Землей Императора Николая II, ему было пожаловано званіе флигель-адъютанта. Послѣ прибытія экспедиціи

въ Архангельскъ 16 сентября 1915 года, по его просьбѣ плавать на боевомъ кораблѣ, Борисъ Андреевичъ былъ назначенъ командиромъ достраивавшагося въ Петроградѣ эск. миноносца «Летунъ», что дало ему возможность закончить научныя работы экспедиціи. Съ іюля 1916 г. «Летунъ» принялъ участіе въ операціяхъ флота въ Балтійскомъ морѣ. За удачную постановку миннаго загражденія 17 октября 1916 года у непріятельскихъ береговъ, Борисъ Андреевичъ былъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ. 17 ноября 1916 г. входя въ Ревель, «Летунъ» подорвался на минѣ, скрытно поставленной подводной лодкой и у него была разрушена корма.

Въ 1918 и 1919 годахъ Борисъ Андреевичъ находился снова въ Арктикѣ, командуя экспедиціями, отправленными Сѣвернымъ Бѣлымъ правительствомъ въ Карское море для установленія связи съ адмираломъ Колчакомъ и для вывозки хлѣба. За удачное выполненіе этихъ экспедицій онъ былъ произведенъ Сѣвернымъ правительствомъ въ контръ-адмиралы. Послѣ крушенія Сѣвернаго фронта Борисъ Андреевичъ переселился въ Англію, а затѣмъ переѣхалъ въ Бельгію. Въ 1923-мъ году, по порученію англійской компаніи онъ еще разъ совершилъ экспедицію въ Карское море. Затѣмъ онъ нѣсколько лѣтъ служилъ въ Бельгійскомъ Конго гидрографомъ и, вернувшись въ Брюссель, велъ скромный образъ жизни бухгалтера и преподавателя русскаго языка. До послѣднихъ своихъ дней Борисъ Андреевичъ продолжалъ интересоваться Арктикой, читалъ книги по этому вопросу и велъ переписку съ иностранными учеными.

Отдавая дань должному, его имя увѣковечено на картахъ Россійскихъ: проливъ между сѣверной оконечностью Азіи, Таймырскимъ полуостровомъ и открытой имъ Сѣверной Землей, по пути, по которому идетъ все движеніе судовъ, былъ въ его честь названъ проливомъ Б. Вилькицкаго.

Его дѣятельность въ Арктикѣ получила высокую оцѣнку научныхъ круговъ: Русское Географическое Общество, Научно-Географическое Общество въ Стокгольмѣ и Societe de Geographie въ Парижѣ присвоили ему золотыя медали.

Сообщилъ П. А. Варнекъ.

Стар. лейт. К. фонъ-Нотбекъ.

Новое о совѣтскомъ флотѣ

ОЧЕРЕДНАЯ СВОДКА

Крейсера. Крейсеръ Черноморскаго флота «Молотовъ» (1939 годъ 9000 тоннъ, 35 узловъ, 9 — 7,1'' орудій) получилъ новое названіе «Слава». Крейсеръ «Сталинградъ» 1934 г. 8800 тоннъ, 36 узловъ, 8 — 6'' орудій, бывшій итальянскій ''Duca d'Aosta" переданъ Румыніи.

Эскадренные миноносцы. Въ Балтійскомъ морѣ обнаруженъ и сфотографированъ эск. миноносецъ новаго типа «Крупный», водоизмѣщеніемъ въ 3600 тоннъ, со скоростью въ 40 узловъ, вооруженный управляемыми снарядами (guided missles, по одному станку на бакѣ и на ютѣ), противоаэропланной артиллеріей и 5-ю минными аппаратами. Сколько построено такихъ эск. миноносцевъ, неизвѣстно; неизвѣстенъ также типъ управляемыхъ снарядовъ; станки совершенно другого вида, чѣмъ установленные на американскихъ судахъ.

Подводныя лодки. Замѣчены совѣтскія подводныя лодки, приспособленныя для выстрѣливанія баллистическихъ снарядовъ въ погруженномъ состояніи. Лодки эти двухъ видовъ: 1) лодки съ удлиненной въ кормѣ рубкой, помѣщающей всего двѣ трубы для выстрѣливанія балл. снарядовъ; 2) лодки съ невысокой надстройкой за боевой рубкой, вмѣщающей шесть такихъ трубъ (американскія подлодки типа

"George Washington" имѣютъ 16 такихъ трубъ!). Лодки обоихъ этихъ типовъ — дизельныя.

28 января аргентинскій фрегатъ "Murature" у южныхъ береговъ Аргентины обстрѣлялъ подводную лодку «неизвѣстной національности».

Вспомогательныя суда. Вступило въ строй новое судно-база подводныхъ лодокъ «Обь» — 5000 тоннъ, 20 узловъ, 4 — 100 милиметровыхъ пр. а. орудія, сильная радарная установка.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ ФЛОТОВЪ ВСѢХЪ МОРСКИХЪ ДЕРЖАВЪ

(Окончаніе).

Важнѣйшя измѣненія въ судовомъ составѣ за послѣднее время.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Исключены изъ списковъ судовъ флота линейныя корабли: "West Virginia", "Colorado", "Maryland", постройки 1920-1921 г. г. "North Carolina", и "Washington" постройки 1936 г.; линейные крейсера "Alaska" и "Guam", тяжелый крейсеръ "Wichita", 12 легкихъ крейсеровъ, 8 конвойныхъ авіаносцевъ, 4 эск. миноносца, 23 подвод. лодки, 18 тральщиковъ, 18 транспортовъ и рядъ мелкихъ вспомогательныхъ судовъ. Помимо того, 6 эскадр. миноносцевъ переданы Западной Германіи, 2 — Греціи, 3 — Испаніи, 1 — Перу и 1 эск. миноносецъ и 2 подв. лодки — Аргентинѣ. Численный составъ американскаго флота, такимъ образомъ, быстро уменьшается, несмотря на довольно значительное число вновь строящихся судовъ. Въ постройкѣ сейчасъ 3 тяжелыхъ авіаноса, изъ которыхъ одинъ съ атомнымъ двигателемъ, вооруженный баллистическими снарядами и ракетами, 2 малыхъ авіаноса для вертолетовъ, 36 эскадр. миноносцевъ, въ томъ числѣ одинъ съ атомнымъ двигателемъ, 4 фрегата, 26 атомныхъ

подв. лодокъ и 2 транспорта. Проводится широкая программа модернизаціи болѣе старыхъ судовъ: 3 тяжелыхъ крейсера перестраиваются для вооруженія промежуточными баллистическими снарядами и ракетами и 165 эскадр. миноносцевъ предназначены (типовъ "Gearing", "Sumner" и "Fletcher") къ перестройкѣ и къ перевооруженію для борьбы съ подводными лодками, и часть ихъ уже перестроена.

Атомныя подвод. лодки "George Washington" и "Patric Henry" произвели рядъ вполнѣ удачныхъ опытовъ выпусканія промежуточныхъ баллистическихъ снарядовъ типа "Polaris" въ погруженномъ положеніи лодки. Атомная подв. лодка "Seadragon" въ августѣ 1960 г. впервые прошла изъ Атлантическаго въ Тихій океанъ подъ льдами сѣвернаго полюса (подв. лодки "Nautilus", "Sargo" и "Scate" въ свое время продѣлали этотъ путь въ обратномъ направленіи — изъ Тихаго въ Атлантическій океанъ).

АНГЛІЯ.

Исключенъ изъ списковъ послѣдній линейный корабль англійскаго флота "Vanguard", спущенный на воду въ 1944 году. Окончена постройка легкихъ крейсеровъ "Blake", "Lion" и "Tiger", продолжавшаяся съ перерывами 16 лѣтъ! По своему вооруженію — 4 — 6" и 6 — 76 мм. пр. а. орудій — эти крейсера самые слабые въ мірѣ; нѣтъ у нихъ ни ракетныхъ установокъ, ни минныхъ аппаратовъ. 21 октября 1960 г. спущена на воду въ присутствіи королевы Елизаветы первая атомная подв. лодка англійскаго флота, получившая громкое названіе "Dreadnought". Двигатель ея построенъ въ США и того же типа, какъ на американской лодкѣ "Skipjack". Въ постройкѣ: 4 эскадр. миноносца, 18 фрегатовъ, 8 подв. лодокъ, въ томъ числѣ вторая атомная лодка.

ФРАНЦІЯ.

Начата постройка 3-хъ легкихъ крейсеровъ, вооруженныхъ ракетами.

ИТАЛІЯ.

Въ постройкѣ 3 легкихъ крейсера съ ракетнымъ и противо-аэропланнымъ вооруженіемъ.

ЧИЛИ.

Исключенъ изъ списковъ судовъ линейный корабль "Almirante Latorre", послѣдній ветеранъ Ютландскаго сраженія, въ которомъ онъ, 44 года тому назадъ, участвовалъ въ составѣ англійскаго флота подъ названіемъ "Canada". Въ строй вступили 2 новыхъ эскадр. миноносца въ 3000 тоннъ водоизмѣщенія, построенные на заводѣ Vickers, Barrow Англія.

НОРВЕГІЯ.

Парламентомъ принята новая судостроительная программа, предусматривающая сооруженіе для норвежскаго флота 5 ти конвойныхъ миноносцевъ, 15 малыхъ подв. лодокъ и 31 торпеднаго катера. Половину расходовъ по этой программѣ несутъ США.

НОВЫЕ ФЛОТЫ.

Между тѣмъ, какъ флоты прежнихъ великихъ державъ, за исключеніемъ флотовъ США и Совѣтскаго Союза, потеряли свое прежнее значеніе, на моряхъ снова появились военныя суда уничтоженныхъ въ 1945 году флотовъ Германіи и Японіи; появились также и суда многочисленныхъ новыхъ морскихъ державъ.

ГЕРМАНСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА (ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНІЯ)

Флотъ Гитлеровскаго «рейха» понесъ значительныя потери во время 2-ой Міровой войны и былъ полностью ликвидированъ послѣ капитуляціи Германіи въ 1945 году. До 1954 года германское правительство держало въ кампаніи всего нѣсколько небольшихъ судовъ таможенной охраны, охраны рыбныхъ промысловъ и маячнаго вѣдомства. Въ 1954 году, съ возстановленіемъ полнаго государственнаго суверенитета Западной Германіи, съ принятіемъ ея въ составъ государствъ NATO и съ предоставленіемъ ей права вооруженія въ извѣстныхъ предѣлахъ, было приступлено къ возсозданію флота. Первыми судами новаго флота были возвращенные американцами прежніе германскіе тральщики, съ 1946 по 1954 года плававшіе и работавшіе по очищенію Сѣвернаго моря отъ минъ

подъ американскимъ флагомъ. Затѣмъ были переданы Западной Германіи суда американской Рейнской флотиліи и возвращены Франціей 5 бывшихъ германскихъ тральщиковъ. Въ настоящее время флотъ Западной Германіи состоитъ изъ 6-ти эскадр. миноносцевъ американскаго типа "Fletcher", 3-хъ конвойныхъ миноносцевъ, купленныхъ на англійской королевской распродажѣ флота, 4-хъ купленныхъ тамъ же канонерскихъ лодокъ, 3 хъ поднятыхъ со дна моря, потопленныхъ своими командами въ 1945 году германскихъ подводныхъ лодокъ, отремонтированныхъ и приведенныхъ въ порядокъ; 86 ти тральщиковъ, 1 истребителя подлодокъ, 40 торпедныхъ катеровъ, 32 сторожевыхъ судовъ, 6-ти десантныхъ, 49 спеціальныхъ и 3-хъ учебныхъ судовъ, въ томъ числѣ спущенное на воду въ 1958 году парусное со вспомогательнымъ двигателемъ учебное судно "Gorch Fock".

Въ постройкѣ: 12 эскадр. миноносцевъ въ 2850 тоннъ водоизмѣщенія, изъ коихъ 8 будутъ частично вооружены ракетами; 15 подводныхъ лодокъ малого водоизмѣщенія, 2 минныхъ заградителя въ 2500 тоннъ, 6 быстроходныхъ фрегатовъ, 2 тральщика, 18 торпедныхъ катеровъ, 3 сторожевыхъ судна, 25 вспомогательныхъ и спеціальныхъ судовъ и 1 учебное судно съ турбинными и дизельными двигателями, вооруженное артиллеріей, минными аппаратами и ракетами. По тоннажу строющихся кораблей военнаго флота Западная Германія стоитъ на третьемъ мѣстѣ послѣ Совѣтскаго Союза и Соединенныхъ Штатовъ. Ввиду важнаго значенія германскаго флота въ дѣлѣ охраны выходовъ изъ Балтійскаго моря, государства NATO недавно предоставили Западной Германіи право построить подводныя лодки большого водоизмѣщенія и два легкихъ крейсера въ 6000 тоннъ, вооруженныхъ ракетами.

Личный составъ германскаго флота въ настоящее время — 12500 человѣкъ. Помимо офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, взятыхъ изъ стараго флота, весь личный составъ флота укомплектованъ добровольцами, поступающими на службу въ возрастѣ 18-ти лѣтъ. Въ скоромъ времени личный составъ будетъ увеличенъ до 25000 человѣкъ. Сохранено существовавшее еще въ императорское время раздѣленіе флота на морскія станціи Балтійскаго и Сѣвернаго морей. Главными военными портами остались Вильгельмсгафенъ и Киль. Впервые германскій флотъ обладаетъ теперь собственной авіаціей, отсутствіе ко-

торой столь гибельно отозвалось на дѣйствіяхъ германскаго флота во вторую міровую войну. Командующимъ молодымъ флотомъ первоначально былъ назначенъ капитанъ 1-го ранга Ценкеръ, но послѣ произнесенной имъ на церемоніи присяги новобранцевъ въ Вильгельмсгафенѣ рѣчи, въ которой онъ порицалъ политику Западныхъ державъ и выражалъ свои симпатіи къ совѣтамъ, онъ былъ снятъ съ должности и замѣненъ контръ-адмираломъ Гуге, недавно произведеннымъ въ вице-адмиралы, извѣстнымъ еще въ гитлеровское время своими анти-нацистскими убѣжденіями. Симпатія къ совѣтамъ и вражда къ западу, вообще, характерна для германскаго кадроваго офицерства: «Русскіе — военные люди, они намъ ближе по духу и съ ними намъ всегда легче сговориться, чѣмъ съ западными демократическими торгашами» — весьма распространенное среди этого офицерства мнѣніе. Пристрастіе нѣмцевъ къ сложной организаціи и къ огромнымъ военнымъ штабамъ получило лишнее подтвержденіе въ организаціи штаба небольшого флота, состоящаго уже изъ 11 адмираловъ и 110 офицеровъ!

ЯПОНІЯ.

Японскій флотъ, какъ и германскій, былъ полностью ликвидированъ въ 1945 году. Въ 1954-мъ году началось его возрожденіе, и въ настоящее время Японскій Императорскій Флотъ состоитъ изъ 18-ти эскадренныхъ миноносцевъ, изъ которыхъ 14 построены въ Японіи послѣ 1954 года, а 4 переданы Соединенными Штатами, 4-хъ конвойныхъ миноносцевъ, 25 фрегатовъ, 2 подводныхъ лодокъ американской постройки, 2 минныхъ заградителей, 56 тральщиковъ, 23 торпедныхъ катеровъ, 135 сторожевыхъ судовъ, 10 десантныхъ и 19 вспомогательныхъ судовъ. Въ постройкѣ — 1 эскадр. миноносецъ, 3 конвойныхъ миноносца, 4 подводныхъ лодки, 3 тральщика, 1 торпедный катеръ и 1 транспортъ. Командуетъ японскимъ флотомъ вице-адмиралъ Nagasawa.

Японія занимаетъ сейчасъ первое въ мірѣ мѣсто по тоннажу строющихся на ея верфяхъ коммерческихъ судовъ. Эти суда строятся, какъ для собственнаго торговаго флота, уже переросшаго торговый флотъ до-военнаго времени, такъ и для иностранныхъ державъ. Японскіе судостроительные заводы завалены иностранными заказами — привлекаетъ бы-

строта и дешевизна постройки. Строятся, преимущественно, танкеры.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Японія, старая морская держава, все существованіе которой тѣсно связано съ моремъ, рано или поздно возстановитъ свое положеніе великой морской державы.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ КИТАЙ (ТАЙВАНЪ).

Флотъ Національнаго Китая принималъ и принимаетъ самое дѣятельное участіе въ войнѣ противъ краснаго Китая и во всѣхъ многочисленныхъ столкновеніяхъ, имѣвшихъ мѣсто на морѣ, неизмѣнно разбивалъ флотъ послѣдняго. Флотъ Національнаго Китая всецѣло созданъ, обученъ и снабженъ американцами и состоитъ изъ переданныхъ Китаю прежнихъ американскихъ и японскихъ судовъ. Современный его составъ: 11 эскадренныхъ миноносцевъ, 6 фрегатовъ, 18 корветовъ, 1 минный заградитель, 17 тральщиковъ, 18 истребителей подв. лодокъ, 15 сторожевыхъ судовъ, 49 десантныхъ и 20 вспомогательныхъ и спеціальныхъ судовъ. Ожидается передача Соединенными Штатами 2-3 подвод. лодокъ.

ЮЖНАЯ КОРЕЯ.

Флотъ Южной Кореи съ честью выдержалъ боевое крещеніе во время войны съ Сѣверной Кореей. Какъ и флотъ Національнаго Китая, флотъ Южной Кореи созданъ и обученъ американцами. Судовой его составъ: 7 фрегатовъ, 17 тральщиковъ, 5 истребителей подв. лодокъ, 2 торпедныхъ катера, 15 сторожевыхъ судовъ, 28 десантныхъ и 19 вспомогательныхъ судовъ. Ожидается передача 2 хъ эскадр. миноносцевъ С.Ш.А.

ИНДІЯ.

Молодой флотъ Индіи разросся въ довольно значительную боевую силу. Флотъ организованъ по англійскому образцу, всѣ его суда куплены на англійской распродажѣ или построены въ Англіи по заказу индійскаго правительства. Современный судовой составъ: 1 авіаносецъ, 2 легкихъ крейсера, 5 эскадр. миноносца, 17 фрегатовъ, 15 тральщиковъ, 14 сторожевыхъ судовъ, 3 десантныхъ и 5 вспомогательныхъ судовъ.

ПАКИСТАНЪ.

И этотъ флотъ организованъ по англійскому образцу и состоитъ изъ судовъ англійскаго происхожденія. Судовой его составъ: 1 легкій крейсеръ, 9 эскадр. миноносцевъ, 3 фрегата, 7 тральщиковъ, 6 сторожевыхъ и 2 вспомогательныхъ судна.

ЦЕЙЛОНЪ.

2 фрегата, 2 тральщика, 3 сторожевыхъ судна, 1 сѣтьевой заградитель, 1 вспомогательное и 4 сторожевыхъ судна строятся въ Англіи.

ОБЪЕДИНЕННАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА (ЕГИПЕТЪ, СИРІЯ).

До 2-й Міровой войны флотъ Египта состоялъ изъ нѣсколькихъ яхтъ и судовъ маячнаго вѣдомства, но война съ Израилемъ и дальнѣйшее политическое развитіе заставило Египетъ принять мѣры къ созданію боеспособнаго флота. Въ настоящее время флотъ Объединенныхъ Арабскихъ Республикъ насчитываетъ въ своемъ судовомъ составѣ 2 эскадр. миноносца — 2 совѣтской и 2 англійсской потройки, 1 конвойный миноносецъ, 9 подв. лодокъ совѣтской постройки, 2 фрегата, 2 корвета, 13 тральщиковъ, 32 торпедныхъ катера, 6 сторожевыхъ и 20 мелкихъ десантныхъ судовъ, 5 вспомогательныхъ судовъ и 1 учебное судно. Это учебное судно "El Horria", бывшая яхта "Mahroussa" является **самымъ старымъ военнымъ судномъ** въ плаваніи всѣхъ флотовъ міра — оно спущено на воду въ 1865 году, т. е. 96 лѣтъ тому назадъ, но было перестроено въ 1905, 1927 и 1951 году, когда ея поршневая машина была замѣнена турбинами Парсона. Прежніе англійскіе инструктора въ 1956 году были замѣнены совѣтскими.

ИЗРАИЛЬ.

Маленькій флотъ Израиля за 12 лѣтъ своего существованія проявилъ чрезвычайно энергичную дѣятельность. Въ 1949 году онъ съ честью выдержалъ боевое крещеніе въ войнѣ противъ Египта, въ 1952 году отрядъ изъ 3 фрегатовъ посѣтилъ Соединенные Штаты; въ 1955 году отрядъ судовъ израильскаго флота участвовалъ въ спасательныхъ работахъ во врея землетрясенія на греческомъ островѣ Кефалонія; въ

1956 году израильскій флотъ снова воевалъ противъ Египта и передъ Яффой захватилъ свой первый военный призъ — египетскій конвойный миноносецъ "Ibrahim el Awal", включенный затѣмъ въ израильскій флотъ съ названіемъ "Haifa". Организованъ флотъ по англійскому образцу. Судовой его составъ: 2 эскадр. миноносца англійской постройки, 1 конвойный миноносецъ, 1 фрегатъ, 2 подв. лодки англійской постройки, 1 истребитель подв. лодокъ, 12 торпедныхъ катеровъ, 6 сторожевыхъ и 6 десантныхъ судовъ и 2 вспомогательныхъ судна.

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Судовой составъ флота, всецѣло созданный диктаторомъ Trujillo: 2 эскадр. миноносца, 3 фрегата, 5 корветовъ, 3 истребителя подв. лодокъ, 12 сторожевыхъ, 7 десантныхъ и 6 вспомогательныхъ судовъ и 1 учебное судно.

ИНДОНЕЗІЯ.

Судовой составъ: 5 эскадренныхъ миноносцевъ (2 совѣтской, 2 итальянской и 1 англійской постройки), 2 корвета, 2 подводныя лодки совѣтской постройки, 19 тральщиковъ, 3 истребителя подв. лодокъ, 8 торпедныхъ катеровъ, 82 сторожевыхъ судна, 9 вспомогательныхъ судовъ и 1 учебное судно. Въ постройкѣ: 2 фрегата, 6 тральщиковъ и около 50-ти сторожевыхъ судовъ — послѣднія строятся въ Японіи. Судовой составъ до крайности пестрый: помимо судовъ, купленныхъ у Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Совѣтскаго Союза, имѣются суда, заказанныя постройкой въ Германіи, Голландіи, Италіи, Австраліи и Японіи. Прежніе голландскіе инструктора замѣнены въ послѣднее время совѣтскими.

ФИЛИППИНЫ.

Маленькій филиппинскій флотъ созданъ американцами. Судовой его составъ: 14 тральщиковъ, 28 сторожевыхъ судовъ, 7 десантныхъ и 9 вспомогательныхъ судовъ. Въ Японіи заказано 2 новыхъ фрегата.

БУРМА.

Флотъ Бурмы организованъ англичанами. Состоитъ онъ изъ 1 фрегата, 2 тральщиковъ, 9 торпедныхъ катеровъ, 30

сторожевыхъ судовъ, 13 рѣчныхъ канонерскихъ лодокъ и 4 десантныхъ судовъ. Въ постройкѣ — 2 рѣчныя канонерскія лодки.

ВЬЕТНАМЪ.

Вьетнамскій флотъ созданъ французами и всѣ его суда французскаго происхожденія. Судовой составъ: 5 тральщиковъ, 5 истребителей подв. лодокъ, 6 сторожевыхъ судовъ, 1 транспортъ и 1 промѣрное судно.

ЭѲІОПІЯ. (АБИССИНІЯ)

6 тральщиковъ, 14 торпедныхъ катеровъ, 4 сторожевыхъ судна, 1 транспортъ, 1 императорская яхта.

Маленькіе флоты Камбоджи, Ганы, Малайи, Нигеріи, Гватемалы, Ирландіи, Исландіи, Лебанона, Марокко и Туниса состоятъ изъ немногихъ мелкихъ судовъ, перечисленіе коихъ не представляетъ интереса.

БИБЛІОГРАФІЯ

Кто создалъ Древнюю Русь — славяне или германцы?

Подъ такимъ заглавіемъ въ журналѣ «Возрожденіе» отъ декабря 1960 г. №109, авторъ Сергѣй Лѣсной знакомитъ насъ съ вопросомъ о «нормандской теоріи».

Авторъ много лѣтъ занимался изученіемъ древней русской исторіи, главнымъ образомъ вопросомъ о теоріи происхожденія Руси.

Согласно этой теоріи, «норманы», т. е. племена германского корня, явились въ VIII-X вѣкѣ на Русь и образовали первое русское государство. Существуетъ двѣ версіи «нормандской теоріи: одна изъ нихъ, что древняя сѣверная Русь была завоевана норманами задолго до призванія варяговъ; другая — что она была мирно заселена шведскими колонистами.

Русская общественнсть со школьной скамьи привыкла принимать эту теоріи безъ всякихъ сомнѣній, такъ какъ учебники, выходившіе подъ контролемъ правительства, указывали на «призваніе варяговъ» какъ на начало государственности, оказавшее въ дальнѣйшемъ вліяніе на культуру древней Руси.

Исторія борьбы «нормандистовъ» и «антинормандистовъ» — это долгій и серьезный споръ въ чисто академической плоскости, о которомъ русская общественность была почти-что совершенно неосвѣдомлена. Въ иностранныхъ ученыхъ трудахъ и энциклопедіяхъ исторія древней Руси толкуется въ духѣ «нормандской» теоріи, такъ какъ основоположниками ея были ученые нѣмцы, которые въ концѣ XVIII столѣтія не знали и сотой доли того, что извѣстно въ настоящее время.

Въ своей статьѣ Сергѣй Лѣсной знакомитъ читателя съ рядомъ фактовъ, неизвѣстныхъ широкой публикѣ, и опровергаетъ «нормандскую» теорію цѣлымъ рядомъ убѣдительныхъ доказательствъ. Его анализъ ряда древнихъ лѣтописей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, указываетъ на несостоятельность этой теоріи. Въ результатѣ многолѣтнихъ изысканій и изученій авторъ пришелъ къ заключенію, что ни хроники запада, ни народная и династическая память, ни легенды запада не сохранили даже намековъ о завоеваніи Руси норманами или добровольномъ приглашеніи или переселеніи. Все что знаетъ наука о началѣ Руси взято изъ русскихъ источниковъ, часто невѣрно понятыхъ и истолкованныхъ.

Нормандская теорія основывается, главнымъ образомъ, на двухъ аргументахъ: 1. — призваніи нормандскаго князя Рюрика и его двухъ братьевъ Синеуса и Трувора княжить въ Новгородѣ и, 2. — что Рюрикъ княжилъ въ варяжскомъ племени Русь.

По первому пункту, ошибочность «нормандской» теоріи подтверждается и Іоакимовской лѣтописью, гласящей что существовавшая въ Новгородѣ задолго до призванія варяговъ династія прекратилась послѣ смерти князя Гостомысла, не имѣвшаго наслѣдниковъ по мужской линіи, и что послѣ долгихъ неурядицъ княземъ былъ выбранъ Рюрикъ. Сергѣй Лѣсной указываетъ, что Рюрикъ былъ славяниномъ и однимъ изъ внуковъ Гостомысла по материнской линіи. Добавочнымъ подтвержденіемъ является записанное французскимъ изслѣдователемъ Мармье, среди пѣсенъ и легендъ, преданіе о призваніи на Русь трехъ сыновей князя славянъ-ободродичей, Годлова.

По второму пункту, объ этническомъ происхожденіи племени Русь и его географическомъ положеніи, Лѣсной указываетъ, что «Русь» во время призванія и въ теченіе послѣдующихъ столѣтій была извѣстна подъ рядомъ названій: Рутенія, Русинія и Ругенія. Русь — было западно-славянское племя, жившее тогда по берегамъ Балтійскаго моря, отъ устья Эльбы до острова Ругинъ (теперешній Рюгенъ). Ругины или Русины были обращены въ христіанство Епископомъ Оттономъ Бамбергскимъ. Житье этого святого относится къ половинѣ XII столѣтія.

Устанавливая, что Рюрикъ былъ славяниномъ и происходилъ изъ славянскаго княжескаго рода и что княжество Русь было западно-славянскимъ княжествомъ, Лѣсной опровергаетъ возможность распространенія черезъ Рюрика нормандской культуры на Руси. Помимо вышеизложеннаго, Сергѣй Лѣсной приводитъ въ защиту «анти-нормандской» теоріи рядъ выводовъ, основанныхъ на рускихъ лѣтописяхъ и историческихъ документовъ Запада.

Косвенныя указанія, дающія дополнительныя подтвержденія проблемы, находятся и въ археологическихъ изслѣдованіяхъ. Раскопки кургановъ древней Руси въ корнѣ опровергаютъ «нормандскую» теорію, такъ какъ въ нихъ не было обнаружено предметовъ западно-европейскаго происхожденія и типъ погребенія восточныхъ славянъ отличается отъ скандинавскаго. Особое вниманіе заслуживаетъ, какъ отсутствіе въ русскомъ языкѣ слѣдовъ скандинавской письменноти и словъ, такъ и отсутствіе въ древней Руси построекъ скандинавскаго типа.

Не имѣя возможности, въ этомъ короткомъ обзорѣ, охватить всѣ интересныя детали статьи Сергѣя Лѣсного, читателю рекомендуется ознакомиться съ этой статьей въ оригиналѣ.

Редакціей получены для отзыва нижеслѣдующія изданія:

1. "Flottentaschenbuch" на 1961-й годъ, выпущенъ издательствомъ J. F. Lehmann въ Мюнхенѣ подъ редакціей капитана 2-го ранга Александра Бредтъ. 384 страницы текста, 282 фотографіи, 1023 чертежа.

Судовой составъ флотовъ за послѣдніе годы кореннымъ образомъ измѣнился. Боевыхъ флотовъ въ прежнемъ смыслѣ этого слова, т. е. флотовъ для веденія эскадреннаго боя, больше нѣтъ. Даже два существующихъ еще большихъ флота — Соединенныхъ Штатовъ и Совѣтскаго Союза — строятся и обучаются не для эскадреннаго боя, а для ряда другихъ задачъ: американскій для обезпеченія свободы морскихъ сообщеній, борьбы противъ непріятельскихъ подводныхъ лодокъ и надводныхъ корсаровъ, производства крупныхъ десантныхъ операцій и обстрѣла непріятельскихъ базъ при посредствѣ подводныхъ и надводныхъ судовъ, вооруженныхъ баллисти-

ческими снарядами, а совѣтскій для нападенія на непріятельскія морскія сообщенія и уничтоженія морского транспорта непріятельскихъ странъ. Когда-то могущественные флоты Англіи, Франціи и Италіи потеряли прежнее свое значеніе, а совершенно уничтоженные по окончанію 2-ой Міровой войны, флоты Германіи и Японіи медленно пробуждаются къ новой жизни. Нѣтъ также и прежняго однообразія въ оцѣнкѣ важности и необходимости отдѣльныхъ типовъ боевыхъ судовъ. Между тѣмъ, какъ еще во время 2-ой Міровой войны всѣ боевые флоты состояли изъ линейныхъ кораблей, авіаносцевъ, тяжелыхъ и легкихъ крейсеровъ, эскадр. миноносцевъ и подводныхъ лодокъ, съ нѣкоторымъ преобладаніемъ того или другого типа судовъ въ отдѣльныхъ флотахъ, въ настоящее время можно различать два различныхъ направленія въ оцѣнкѣ боевого значенія отдѣльныхъ типовъ военныхъ судовъ, двѣ «школы» — американскую и совѣтскую. Американская «школа» считаетъ важнѣйшими типами боевыхъ судовъ тяжелые авіаносцы, ракетные крейсера и суда для борьбы съ подводными лодками; въ послѣднее время большое значеніе придается также атомнымъ подводнымъ лодкамъ, вооруженнымъ баллистическими снарядами. Къ американской «школѣ» принадлежатъ: Англія, Канада, Австралія и отчасти Франція. Наоборотъ, совѣтская «школа» считаетъ важнѣйшимъ типомъ военнаго судна подводную лодку дальняго дѣйствія; большое значеніе придается также быстроходнымъ крейсерамъ-корсарамъ и крупнымъ эскадреннымъ миноносцамъ съ сильнымъ торпеднымъ вооруженіемъ — 10 минными аппаратами 21". (Новѣйшіе американскіе эскадр. миноносцы совсѣмъ не имѣютъ торпедъ для атаки надводныхъ судовъ, а только сильное противолодочное вооруженіе, включая и спеціальныя торпеды, ракетное и небольшое артиллерійское вооруженіе, являясь, въ сущности, уже не эскадренными миноносцами, а крупными истребителями подводныхъ лодокъ). Авіаносцы же этой школой совершенно не признаются, не строятся, считаются устарѣлыми и при современномъ состояніи боевой авіаціи, ненужнымъ типомъ судовъ. Послѣдователями этой школы можно считать Швецію, Италю, и, отчасти, Голландію и болѣе крупныя южно-американскія державы.

Появился длинный рядъ флотовъ новыхъ государствъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ флоты Индіи и Краснаго Китая, уже выросли въ довольно значительную боевую силу.

Всѣ эти крупныя измѣненія полностью учтены составителемъ Flottentaschenbuch и изложены съ образцовой точностью и ясностью.

Интереснымъ и полезнымъ новшествомъ являются таблицы силуэтовъ боевыхъ судовъ для быстраго и легкаго ихъ опознанія. Суда въ этой таблицѣ расположены не по государствамъ, а по типамъ: авіаносцы, линейные корабли, крейсера, эскадр. миноносцы, минные заградители и тральщики.

2. "L'Enigme des Sous-Marins Sovietiques", par lieutenant de Vaisseau Clode Huah.

Авторъ, самъ спеціалистъ-подводникъ, даетъ полное описаніе всѣхъ дѣйствій совѣтскихъ подводныхъ лодокъ въ Балтійскомъ, Черномъ и Бѣломъ моряхъ и въ Ледовитомъ океанѣ за 2-ую Міровую войну. Пользовался авторъ и совѣтскими источниками, весьма умѣло и осторожно извлекая изъ нихъ всѣ точныя и провѣренныя свѣднія и отбрасывая въ сторону все, столь типичное для совѣтскихъ изданій, бахвальство и пропаганду. Книга снабжена интересными иллюстраціями — снимками совѣтскихъ подводныхъ лодокъ, ихъ командировъ и адмираловъ — подводниковъ.

Всего совѣтскими подв. лодками было потоплено 292 082 тонны непріятельскаго тоннажа, что равняется 10% германскаго торговаго флота. Совѣты потеряли 74 подлодки — 15 въ Ледовитомъ океанѣ, 39 въ Балтійскомъ и 20 въ Черномъ морѣ, т. е. 27% своего состава.

Сообщилъ К. фонъ Нотбекъ.

---

31 июля 1911 г. въ Петербургѣ, на Англійской набережной, совершилось освященіе Храма-Памятника, воздвигнутаго въ память моряковъ, жизнь свою отдавшихъ за Родину въ войну съ Японіей, для вѣчной молитвы объ ихъ упокоеніи.

Храмъ, въ древне-русскомъ-суздальскомъ стилѣ, былъ воздвигнутъ на средства членовъ Царской Семьи, родственниковъ погибшихъ и народныя пожертвованія.

На стѣнахъ храма находились доски съ именами всѣхъ чиновъ флота и кораблей, погибшихъ въ русско-японскую войну 1904-05 г.г.

8 марта 1932 г. Храмъ-Памятникъ былъ взорванъ и уничтоженъ совѣтскимъ правительствомъ.

Единственной сохранившейся реликвіей является принадлежавшее Храму-Памятнику Св. Евангеліе, пожертвованное въ память погибшихъ на эск. броненосцѣ «Императоръ Александръ III», найденное въ Нью-Йоркѣ въ 1933 г. и находящееся теперь въ Храмѣ Христа Спасителя въ Нью-Йоркѣ, пожертвованное В. С. Макаровымъ.

Наборъ и тисненіе типографіи "Монастырская печать". Монреаль. Канада.
Printed by "Monastery Press", 8601, Bloomfield Ave. Montreal, Que. Canada.